

ТЗ(4/9)
Н 69

Э.Л. НИТОБУРГ

ПОХИЩЕНИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ



«Жемчужина Антилл» — так издавна называют Кубу — остров Свободы в Карибском море. Эта книга — популярный очерк о полутора веках политики США на Кубе — с начала XIX в. до января 1959 г. Автор, используя архивные данные и материалы кубинских и американских источников, разоблачает захватническую политику правящих кругов Соединенных Штатов, закулисные сделки правителей Кубы и США, неприглядные дела многих «сильных личностей» в кубинских правительствах прошлого — Мачадо, Батисты и др.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Э. Л. НИТОБУРГ

ПОХИЩЕНИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

ПОЛТОРА ВЕКА
ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ
ПОЛИТИКИ США
НА КУБЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1 9 6 8

Оглавление

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	5
<i>Глава первая</i>	
ПЛОД ЕЩЕ НЕ СОЗРЕЛ	10
<i>Глава вторая</i>	
УКРАДЕННАЯ ПОБЕДА	26
<i>Глава третья</i>	
РЕСПУБЛИКА С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ	47
<i>Глава четвертая</i>	
ПРЕЗИДЕНТ ТЫСЯЧИ УБИЙСТВ	64
<i>Глава пятая</i>	
ИНТЕРВЕНЦИЯ ПОД МАСКОЙ «ДОБРОСО- СЕДСТВА»	90
<i>Глава шестая</i>	
НАШ ЧЕЛОВЕК В ГАВАНЕ	136
<i>Глава седьмая</i>	
ДОБРЫЙ СОСЕД СНИМАЕТ МАСКУ	171
ОСНОВНЫЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧ- НИКИ И ЛИТЕРАТУРА	226
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	229

Эдуард Львович Нитобург
ПОХИЩЕНИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор Л. С. Кручинина Художник М. З. Шлозберг
Технический редактор Ф. М. Хенох

Сдано в набор 2/VII 1968 г. Подписано к печати 10/X 1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,2
Тираж 18 000. Т-13074. Тип. зак. 1191. Цена 77 коп.

Издательство «Наука» Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Вместо введения

На перекрестке путей из Атлантического океана в Тихий длинной дугой — от полуострова Флорида в Северной Америке до устья реки Ориноко в Южной — протянулась цепочка Антильских островов. Эти острова, покрытые тропической растительностью и возвышающиеся подобно темно-зеленым драгоценным камням на голубой глади океана, часто называют «изумрудным ожерельем Антилл». Самой крупной драгоценностью ожерелья — «жемчужиной Антильских островов» — издавна считался остров Куба. Окруженная более чем полутора тысячей мелких островков и рифов, Куба по своей площади (114,5 тыс. кв. км) больше таких стран, как Австрия или Португалия.

Христофор Колумб, открывший Кубу 28 октября 1492 г., назвал ее «красивейшим местом, которым когда-либо пришлось любоваться человеческому взору». Он был поражен тем, что «... в ноябре погода здесь мягкая, а воздух здоровый и теплый, словно в мае». Но испанских завоевателей интересовало совсем другое — золото. «Золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹. Вслед за Колумбом испанские завоеватели — конкистадоры хищной сворой ринулись в Новый Свет, предавая огню и мечу все на своем пути, грабя и пытая местное население, истребляя целые индейские племена и народы.

Когда триста конкистадоров во главе с Диего Веласкесом высадились в 1512 г. на Кубе, они застали там довольно многочисленное (по некоторым данным до 200 тыс.) население, пользовавшееся каменными и костяными орудиями и добывавшее средства к существованию

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 408.

сбором плодов, охотой, рыбной ловлей, а также примитивным подсечно-огневым земледелием. Испанцы основали на острове семь укрепленных пунктов (будущие города Баракоа, Баямо, Сантьяго-де-Куба, Пуэрто-Принсипе, Санти-Спиритус, Тринидад, Гавана), захватили земли индейцев, а самих их обратили в рабов, заставив от зари до зари работать в рудниках. Индейцы оказали упорное сопротивление захватчикам, сражаясь нередко до последнего человека и умерщвляя своих женщин и детей. Истории известны имена вождей Атуэя и Гуама, возглавивших героическую борьбу индейцев. Но силы были слишком уж неравными. Непосильный труд, а также эпидемии оспы и других болезней, завезенных из Европы, довершили дело: в середине XVI в. на Кубе осталось не более двух тысяч индейцев.

Но и испанцев там было очень мало. На картах того времени области Америки, в которых не предполагалось крупных месторождений золота и серебра, помечались словами «Tierras de ningun provecho» — «Земли, не приносящие дохода». Конкистадоры спешили туда, где можно было быстро обогатиться, и Куба почти обезлюдела. В тот период она имела для Испании не столько экономическое, сколько стратегическое значение, став плацдармом, с которого испанцы отправлялись завоевывать огромные пространства Нового Света. Именно отсюда отплыла экспедиция Э. Кортеса — завоевателя Мексики.

Расположенная между двумя американскими континентами, Куба стала «форпостом Индий» и «ключом к Новому Свету», открывшим конкистадорам путь в великие империи инков и ацтеков, ослеплявшие взор завоевателей обилием золота. «Стратегическое значение Кубы, — писал кубинский географ, — определилось с самого начала ее истории. Куба господствует над тремя важными морскими путями: *Флоридским* проливом, связывающим Мексиканский залив с Атлантическим океаном; *Наветренным* проливом — между Атлантическим океаном и Карибским морем; *Юкатанским* проливом, связывающим Карибское море и Мексиканский залив. Куба доминирует над Мексиканским заливом, поскольку с ее территорий можно осуществлять контроль над обоими входами в залив. . .»

В XVI—XVII вв. Гавана, оказавшаяся в центре испанской «мировой империи», стала городом-крепостью,

важной стратегической базой на подступах к Новому Свету, а также сборным пунктом испанских флотилий, вывозивших в метрополию сокровища, добытые посредством грабежа, убийств и порабощения населения американских колоний, и доставлявших из Европы необходимые колонизаторам товары. Стратегическая роль острова рано сделала его объектом нападений со стороны пиратов и лакомой добычей для держав—соперниц Испании. В 1762 г. англичане захватили Гавану и владели ею около года.

В результате почти полного уничтожения индейского населения и нежелания завоевателей самим заниматься земледелием на Кубу уже с первых лет колонизации стали ввозить негров-рабов из Африки. «Один негр, — говорили испанские рабовладельцы, — может работать за четверых индейцев». За четыре века — со времени высадки Веласкеса и до ликвидации на Кубе рабства — туда было ввезено около миллиона африканцев, происходивших из многих племен Черного континента — мандинго, ашанти, караборо, мина, фала, уолоф, луками, макуа и др.

Хотя земли Кубы и славятся своим плодородием, первые два века испанского господства на острове основой сельского хозяйства было скотоводство, и лишь в небольших масштабах выращивались табак, кофе и сахарный тростник. «Ввиду небольшого значения, которое торговля имела для острова Кубы в течение двух с половиной веков после его оккупации испанцами, — писал в середине прошлого века известный историк и географ доп Хакобо де ла Песуэла, — нет смысла заниматься описанием этой длительной и нищенской эпохи...» Большой ущерб экономическому развитию острова наносила политика Испании, желавшей монопольно эксплуатировать Кубу, не допуская там развития отраслей хозяйства, которые могли бы конкурировать с метрополией, и запрещавшей кубинским скотоводам и плантаторам торговать с другими странами. Полное подчинение всей экономической, социальной и культурной жизни господству отсталой, феодальной Испании вызывало недовольство креолов (потомков первых испанских поселенцев), не раз поднимавших восстания против испанских властей.

Однако в XVIII в. положение начало меняться. К этому времени курение табака (впервые открытого спутниками Колумба именно на Кубе) прочно вошло

в привычку у европейцев, и экспорт его с Кубы приобрел большое значение для Испании. Резко вырос в Европе и спрос на сахар, считавшийся ранее предметом роскоши и прописывавшийся больным в качестве лекарства. Во второй половине XVIII в. плантационное хозяйство по выращиванию и обработке сахарного тростника становится стержнем экономической жизни острова. Оно было основано на труде негров-рабов. Причем эксплуатация их была настолько жестокой, что период трудоспособности раба, занятого на плантациях, в среднем не превышал десяти лет. Естественно, что негры так же, как до них индейцы, всячески сопротивлялись угнетению: восставали, убивали хозяев, поджигали плантации и поместья, убежали в леса, где создавали свои поселения. Беглых рабов называли здесь «симарронами» или «лос апаленкадос». Если их выслеживали, они упорно защищались. Восстаниями негров-рабов насыщена вся история Кубы в колониальный период.

Значительно ускорила экономическое развитие Кубы одиннадцатимесячная оккупация ее в 1762—1763 гг. (Семилетняя война) англичанами, отменившими испанскую монополию и провозгласившими режим свободы торговли. За это время в Гаване побывали тысячи судов с товарами из Европы и Северной Америки и с рабами из Африки. Гаванские сигары стали популярны во всей Европе. Всего лишь за один год число предприятий по выработке сахара выросло на Кубе в четыре раза — со 150 до 600. После ухода англичан Мадрид был вынужден отменить ряд ограничений и впервые разрешить торговлю между Кубой и английскими колониями в Северной Америке. Производство табака и особенно сахара на острове так же, как и численность населения, стали быстро расти. По первой переписи население Кубы в 1774 г. достигло 171,6 тыс. человек. Четверть его составляли негры-рабы, 56% — испанцы и креолы, остальные — мулаты и свободные негры.

Еще более широкие возможности открыла перед Кубой революция негров-рабов на соседнем острове Гаити (1791—1803 гг.). Там были разрушены сахарные плантации и заводы, дававшие три четверти мирового производства сахара. Под нажимом кубинских помещиков мадридское правительство разрешило свободный ввоз на Кубу рабов и вырубку лесов под плантации сахарного трост-

ника, а в 1818 г. — свободную торговлю Кубы с другими странами. На острове началась сахарная лихорадка. Теплый, влажный климат без засух и заморозков, плодородные почвы, позволяющие снимать по десяти и более урожаев сахарного тростника без повторного сева и внесения удобрений, обилие прекрасных бухт и вытянутая форма острова, при которой расстояние плантаций и сахарных заводов от моря нигде не превышает 50—60 км, — все это создало для Кубы исключительно благоприятное положение по сравнению с другими производящими сахар странами. Кроме того, содержание сахара в кубинском тростнике — самое высокое в мире.

В 1827 г. негры-рабы составляли уже 40% населения Кубы. Если за первые три века испанского господства сюда было ввезено 90 тысяч африканцев, то в XIX в. — 900 тыс. А. Гумбольдт, посетивший остров в начале XIX в., охарактеризовал его, как «страну сахара и рабов». Вскоре Куба вышла на первое место в мире по производству сахара и стала все более ориентироваться на близкий и быстро растущий рынок США.

* * *

В XIX в. Куба становится одним из важнейших объектов экспансионистской политики Соединенных Штатов, и мрачная тень этой политики ложится на всю последующую историю острова. Попытки плантаторов-рабовладельцев, а позже империалистической буржуазии США овладеть Кубой не прекращались в течение всего века. А когда восставшие против испанских колонизаторов кубинцы были уже близки к победе, империалисты США вмешались в борьбу и сделали все, чтобы превратить независимость родившейся на рубеже XX в. Кубинской республики в пустую формальность.

Эксплуатация трудящихся Кубы приносила монополиям США огромные прибыли и для того, чтобы увековечить ее, Вашингтон постоянно вмешивался в дела Республики, ставил и свергал ее правительства.

Рассказу о том, как империалисты-янки похитили «жемчужину Антилл» и как кубинский народ в упорной, непрекращавшейся на протяжении всего периода господства США над островом борьбе завоевал себе свободу и пошел по пути социалистической революции, — посвящена эта книга.

*Плод
еще не созрел*

«Жемчужина Антилл» — Куба — всегда манила к себе взоры правящих кругов Соединенных Штатов. Еще в период борьбы английских колоний в Северной Америке за независимость (1776—1783 гг.) повстанцы добились от испанских властей разрешения торговать с Кубой и послать туда своего официального агента. Правда, затем эта торговля была запрещена, а североамериканский агент выслан, но в 1797 г., когда Испания оказалась в войне с Англией, торговля США с Кубой возобновилась. Уже на следующий год она превысила по своим оборотам торговлю Кубы с Испанией. В первом десятилетии XIX в., когда из-за войн в Европе и оккупации Испании войсками Наполеона ее связи с Кубой то налаживались, то вновь прерывались, США стали основным поставщиком товаров, а затем и продовольствия Кубе, которая все больше специализировалась на производстве сахара и кофе. В эти годы бывали случаи, когда на якоре в Гаване стояло более полусотни американских судов одновременно.

Однако руководителей молодой североамериканской республики привлекала тогда не столько торговля с Кубой, сколько стратегическое положение этого острова, напоминающего своими очертаниями гигантского — длиной в добрую тысячу километров — каймана, расположившегося на пересечении важнейших путей из Атлантики в Карибское море и Мексиканский залив, а также его плодородные земли, в которых были заинтересованы плантаторы американского Юга. «Желание Соединенных Штатов

захватить Кубу. . . , — писали прогрессивные американские исследователи С. Ниринг и Д. Фримэн, — так же старо, как и сами Соединенные Штаты». Об этом же свидетельствует и видный представитель американской правящей элиты, миллиардер и бывший посол в Гаване Гарри Гугенхейм. «На протяжении всей истории Соединенных Штатов, — пишет он, — Куба занимала особое место в нашей внешней политике. Никакая другая страна не привлекала столь постоянного внимания нашего государственного департамента».

В 1801 г. автор Декларации независимости Томас Джефферсон, только что ставший президентом США, в своем первом послании конгрессу заявил, что Соединенные Штаты имеют «достаточно земли для тысяч и тысяч поколений». Но не прошло и трех лет после этого заявления, как его правительство постаралось почти удвоить территорию США, присоединив к ней принадлежавшую до того Франции Луизиану. А уже в 1805 г. Т. Джефферсон через своего агента генерала Д. Уилкинсона обратился к испанским властям на Кубе с предложением продать этот остров Соединенным Штатам. Тогда же в беседе с британским посланником он заявил, что в случае войны с Испанией США «займут» Кубу.

Но в то же время «отцы американской демократии» предпочитали, чтобы Куба оставалась колонией слабой Испании, нежели попала в руки англичан или французов; и больше всего они боялись, как бы она не добилась независимости. В 1808 г., когда вторжение Наполеона в Испанию поставило вопрос о судьбе ее колоний в Америке, правительство США, по инициативе Джефферсона, информировало «влиятельные круги» на Кубе и в Мексике о том, что оно не желает перехода этих испанских колоний под власть Англии или Франции и не обещает им поддержки в случае, если они провозгласят независимость. «Мы были бы вполне удовлетворены, — писал Джефферсон в связи с этим губернатору Луизианы Клайборну, — если бы Куба и Мексика остались в нынешнем зависимом положении; но было бы совершенно нежелательным видеть их в политической и коммерческой зависимости от Франции и Англии»².

² Сам Клайборн откровенно выражал свое страстное желание видеть американский флаг над замком Морро в Гаване.

В апреле 1809 г. Джефферсон писал своему преемнику на посту президента Д. Мэдисону (1809—1817 гг.), что если бы Наполеон согласился на приобретение Кубы Соединенными Штатами, то это было бы лучшим решением вопроса. Мэдисон держался той же точки зрения, считая, что США «глубоко заинтересованы» в судьбе Кубы и поэтому «не могут оставаться безучастными наблюдателями перехода ее в руки какого-либо европейского правительства...» В 1811 г. консул США в Гаване У. Шэйлер развил активную деятельность среди кубинских плантаторов в пользу присоединения острова к США, а в 1812 г. даже представил государственному секретарю Джеймсу Монро проект раздела между Соединенными Штатами и Англией испанских и португальских колоний в Америке, предполагавший включение Кубы в состав США.

Настроения и планы правящих кругов США не являлись секретом для Мадрида. В апреле 1812 г. испанский посланник в США сообщал вице-королю Новой Испании, что «честолюбивые чаяния этой республики возрастают» с каждым днем и что «уже изготовлена карта... на которой остров Куба изображен в качестве неотъемлемого владения этой республики».

Между тем в 1810 г. началась затянувшаяся почти на полтора десятилетия война испанских колоний в Америке за независимость, в результате которой огромная испанская империя в Новом Свете распалась. В 1811 г. добился независимости Парагвай, в 1816 г. — Аргентина, в 1818 г. — Чили, в 1819 г. — Венесуэла и Колумбия, в 1822 г. — Эквадор, в 1823 г. — Соединенные провинции Центральной Америки (Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика), в 1824 г. — Перу и т. д. Вопрос о судьбах Испанской Америки постепенно приобрел международное значение, а в начале 1820-х годов стал одним из главных вопросов мировой политики. К этому же времени в связи с так называемым Миссурийским компромиссом (между буржуазией Севера и плантаторами-рабовладельцами Юга), закрывшим для рабства территорию Соединенных Штатов к северу от 36-й параллели, окончательно определилось «южное» направление внешней экспансии США. Оно было обусловлено растущим влиянием в правительстве плантаторов-рабовладельцев. Экстенсивное, варварски истощавшее землю плантационное

рабовладельческое хозяйство постоянно нуждалось все в новых и новых территориях³. После захвата Флориды очередными объектами этой экспансии стали Техас, систематическая колонизация которого американскими плантаторами-рабовладельцами началась в 1821 г., и Куба.

Однако в вопросе о Кубе интересы Соединенных Штатов сталкивались с интересами крупнейших морских держав того времени — Англии и Франции, а не только с интересами Испании или Мексики. В условиях быстрого распада испанской империи в Америке ключевое стратегическое положение острова превратило его в узел острых международных противоречий, в своего рода «Турцию трансатлантической политики».

Английские газеты (в частности, «Лондон морнинг хроникл» и др.) откровенно призывали свое правительство завладеть Кубой, либо заставить Испанию передать ее Великобритании, чтобы предупредить захват ее североамериканцами. Американские газеты в свою очередь требовали захвата ее Соединенными Штатами, «чтобы предупредить столь страшное увеличение британской мощи». «Ни один американский государственный деятель не должен упускать этот остров из виду, и пусть лучше нас постигнет величайшее бедствие, чем мы допустим переход его в руки Англии, — писал о Кубе в январе 1820 г. военный министр США, один из главных идеологов плантаторов-рабовладельцев Джон Калхун будущему президенту США генералу Э. Джэксону. — В том, что она желает этого и захватит его, если представится подходящий случай, я не сомневаюсь, и для меня совершенно очевидно, что подобное событие представляло бы угрозу нашему союзу».

Особенно острые формы приняло соперничество держав из-за Кубы в 1822—1823 гг. Под предлогом борьбы с пиратами на Карибском море американские военные суда неоднократно нарушали территориальную неприкосновенность Кубы и высаживали на ней десанты. Но когда под тем же предлогом там высадился английский отряд, то американский посол в Мадриде немедленно получил инструкцию заявить, что США желают видеть Кубу испанской.

³ К. Маркс отмечал, что непрерывное расширение территории и распространение рабства за пределы его старых границ есть «условие существования» рабовладельческих штатов США. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 312—321, 337—347.

На заседаниях американского правительства неоднократно раздавались призывы к захвату Кубы и недопущению перехода ее к Англии даже ценой войны с последней. Так, о заседании кабинета 27 октября 1822 г. Д. К. Адамс сделал в своем дневнике следующую запись: «Самым страстным желанием Калхуна было видеть Кубу частью Соединенных Штатов. Он говорит, что и Джефферсон разделяет его взгляды. Этим предотвращаются две опасности: одна, что Куба попадет Великобритании; другая, что на ней произойдет революция негров. Калхун говорит, что Джефферсон сказал ему два года назад, что мы должны при первой возможности захватить Кубу даже ценой войны с Англией». В Лондоне об этом знали. В ноябре 1822 г. английский министр иностранных дел Джордж Каннинг писал представителю Великобритании на Веронском конгрессе Священного союза герцогу Веллингтону: «Я надеюсь, мне не придется до Вашего возвращения сообщить Вам, что янки оккупировали Кубу. Это было бы ударом, который я не знаю, как мы смогли бы предотвратить, но который наше правительство едва бы пережило».

В конце 1825 г., когда в Карибском море появилась сильная французская эскадра, США немедленно заявили протест и потребовали в Париже объяснений. Одновременно британскому послу в Вашингтоне было заявлено, что «оккупация Кубы французским отрядом будет справедливым основанием для войны со стороны Соединенных Штатов». Не менее характерна в этом отношении и следующая фраза из письма Д. Каннинга лорду Ливерпулю от 6 октября 1825 г. по поводу обострения англо-испанских отношений: «Бог запрещает войну; но если Испания хочет ее, то не должны ли мы подумать о Гаване? Где еще сможем мы нанести удар и какой другой удар будет столь эффективен?»

Каждая из соперничавших держав была не прочь овладеть Кубой, но понимала, что две другие не позволят ей сделать это в данный момент. Каждая боялась, как бы остров не попал в руки соперницы и предпочитала поэтому, чтобы он до поры до времени оставался в руках слабеющей метрополии. «Мы искренне желаем ей (Кубе. — Э. Н.) остаться с метрополией. В последующем я хотел бы видеть ее независимой — либо самостоятельно, либо в связи с Мексикой. Но чего не может и не должно

быть — это, чтобы ею завладела какая-либо морская держава», — писал в июле 1825 г. Каннинг английскому послу в Париже Гранвиллю. В августе 1825 г. он даже сделал США и Франции предложения о заключении трехстороннего соглашения с обязательством не захватывать Кубу. «Вы, — заявил он посланнику США в Лондоне Р. Кингу, — не можете позволить нам овладеть Кубой; мы не можем позволить, чтобы вы овладели ею, и никто из нас не может позволить, чтобы она попала в руки Франции». Однако Франция и США отклонили это предложение.

Американские правящие круги к этому времени уже твердо решили, что Куба должна в подходящий момент войти в состав Соединенных Штатов⁴. Но поскольку по военным и внешнеполитическим обстоятельствам правительство США не могло в то время осуществить захват Кубы, оно старалось сохранить ее на время под испанским суверенитетом в надежде на то, что в недалеком будущем она неизбежно войдет в состав Соединенных Штатов. В июне 1823 г. Т. Джефферсон писал президенту Д. Монро о целесообразности сохранять спокойствие и быть готовыми получить остров по просьбе самих кубинцев. В ответном письме Д. Монро выразил согласие с мнением Джефферсона о значении Кубы для США и необходимости присоединения ее «в наиболее подходящий для этого момент», когда это могло бы быть сделано без столкновения с Испанией или с какой-либо иной державой.

Больше всего боялись правящие круги США победы антииспанского освободительного движения на Кубе и достижения ею независимости. Кубинские революционеры, готовившие восстание против испанцев, ради успеха восстания собирались освободить и вовлечь в него негров-рабов. Восстание на Кубе с участием последних немедленно вызвало бы пожар восстаний рабов в южных штатах США. Кроме того, в Вашингтоне считали, что независимая Куба попала бы под контроль «владычицы морей»

⁴ «... Я откровенно признаюсь, — писал в 1823 г. президенту Д. Монро Т. Джефферсон, — что всегда считал Кубу наиболее интересным дополнением к нашей системе штатов. Господство, которое этот остров вместе с южной оконечностью Флориды мог бы обеспечить над Мексиканским заливом, окружающими его странами и перешейком (Панамским. — Э. Н.), а также над впадающими в этот залив водами, данного бы укрепило наше политическое благополучие».

Англии. Именно поэтому правительство США отвергло просьбу кубинских патриотов об оказании поддержки их борьбе за независимость Кубы. В инструкциях специальному агенту США на Кубе Т. Рэндоллу от 29 апреля 1823 г. прямо указывалось на заинтересованность США в сохранении испанского господства над островом и рекомендовалось избегать каких-либо обещаний кубинским патриотам.

В наиболее полной и откровенной форме сущность политики США в отношении Кубы была изложена в инструкциях Д. К. Адамса, бывшего тогда государственным секретарем, американскому посланнику в Мадриде Хью Нельсону от 28 апреля 1823 г.

«... Господство Испании на американском континенте, как на севере, так и на юге, безвозвратно ушло в прошлое, — говорится в этой инструкции. — Но острова Куба и Пуэрто-Рико все еще остаются номинально и реально зависимыми от нее, а поэтому она еще в состоянии передать свое господство над ними... другим державам. Эти острова по своему местоположению являются естественными придатками североамериканского материка, а один из них — остров Куба, расположенный у наших берегов почти в пределах видимости, приобрел в силу многих причин чрезвычайно большое значение с точки зрения политических и торговых интересов нашего Союза. Господствующее положение, которое Куба занимает в Мексиканском заливе и Карибском море, характер ее населения, ее положение на полпути между нашим южным побережьем и островом Санто-Доминго, ее обширный и хорошо защищенный порт Гавана, расположенный напротив длинной полосы нашего побережья, лишенного подобного преимущества, характер производимой ею продукции и ее потребностей — все это, вместе взятое, придает острову такое значение в комплексе наших национальных интересов, что никакая другая иностранная территория не может идти в сравнение с ним, и наши отношения с этим островом должны быть почти такими же, какие существуют между различными штатами нашего Союза.

В самом деле, созданные природой и сложившиеся постепенно... географические, торговые, моральные и политические связи между этим островом и нашей страной таковы, что, окидывая мысленным взором возможный ход событий в ближайшие пятьдесят лет, поневоле приходишь

к убеждению, что присоединение Кубы к нашей Федеральной Республике станет совершенно необходимым условием для существования и сохранения целостности самого Союза. Совершенно ясно, что мы пока еще не подготовлены к такому событию. . . Но существуют законы как физического, так и политического тяготения; и подобно тому, как яблоко, сорванное бурей с яблони, не имеет иного выбора, как упасть на землю, так и Куба, насильственно лишенная своей естественной связи с Испанией и не способная защитить себя, может тяготеть только к Северо-Американскому Союзу, который в силу того же закона природы не может оттолкнуть ее от своей груди».

В заключительной части инструкции посланнику предлагалось выразить мадридскому правительству надежду правительства Соединенных Штатов на то, что Куба и Пуэрто-Рико по-прежнему останутся в зависимости от Испании.

Изложенный в этом письме Адамса принцип сохранения испанского господства над Кубой и недопущения перехода ее в руки третьей страны, известный как «доктрина политического тяготения», лег в основу американской политики в отношении Кубы, получившей впоследствии название «политики зрелого плода». Целью этой политики было сохранять «плод» на испанском «дереве» до тех пор, пока он не созреет настолько, что сам «упадет на грудь» Соединенным Штатам.

«В этих словах Адамса, — писал об инструкции Х. Нельсону прогрессивный кубинский историк Э. Ройг де Леучсенринг, — выражена политика, проводимая Соединенными Штатами в отношении Кубы вплоть до наших дней. Все североамериканские правительства, политические деятели, коммерсанты и капиталисты всегда исходили из оценки, данной Кубе Адамсом, и, подобно ему, имели в виду необходимость для Соединенных Штатов владеть этим островом».

Уильям З. Фостер в своей работе «Очерк политической истории Америки», цитируя «наглое заявление Джона Куинси Адамса в 1823 году» о неизбежности присоединения к США Кубы и Пуэрто-Рико, справедливо отмечает, что «именно такими побуждениями и руковод-

ствоваались Соединенные Штаты, выдвигая «доктрину Монро». Как известно, в послании конгрессу от 2 декабря 1823 г. президент США Д. Монро (1817—1825 гг.) выступил против дальнейшей колонизации американских континентов любой европейской державой и заявил о создании «американской политической системы», отличной от европейской системы. Изображая себя защитником молодых латиноамериканских республик от посягательств со стороны Священного союза, правящие круги Соединенных Штатов в действительности рассчитывали подчинить эти республики своему монопольному господству. Доктрина Монро по существу стала инструментом не защиты, а порабощения народов Латинской Америки. Характеризуя эту доктрину, мексиканский историк и публицист Марио Хиль пишет: «У США, как мы видим, уже была своя политическая философия — философия касатки, которая защищает потерпевшего кораблекрушение, чтобы впоследствии сожрать его, не делясь с другими хищниками».

Эта «философия касатки» особенно ярко проявилась в политике США в отношении Кубы. К середине 1820-х годов она оставалась последней крупной территорией Америки, где еще находились испанские войска, и служила арсеналом и плацдармом в Новом Свете для Испании, не признававшей независимости латиноамериканских республик. Правительства Великой Колумбии⁵ и Мексики, стремясь покончить с постоянной угрозой своей независимости, стали готовиться к последнему удару против испанцев — освобождению Кубы. Первое обладало значительным флотом, а второе — довольно крупной армией.

Колумбийские и мексиканские войска начали концентрироваться в ряде пунктов побережья. Были подготовлены воззвания к неграм-рабам на Кубе с обещанием свободы (в Мексике и Великой Колумбии рабство было отменено). Кубинцы готовились к восстанию.

В Вашингтоне сведения об этих планах вызвали переполох. Если бы даже попытка Мексики и Колумбии освободить Кубу от испанского господства окончилась неудачей, сам факт военных действий армий этих республик на Кубе привел бы там к восстанию негров-рабов, к «негри-

⁵ В состав Великой Колумбии входили современные Венесуэла, Колумбия, Панама и Эквадор.

тянской революции», пламя которой моментально перекинулось бы на юг Соединенных Штатов. Решив во что бы то ни стало помешать освобождению острова от испанского господства, вашингтонское правительство предприняло ряд попыток добиться признания Испанией независимости латиноамериканских республик на условиях сохранения за ней Кубы и Пуэрто-Рико. С этой целью оно обращалось с просьбой о посредничестве даже в Петербург, к правительству Александра I. Когда эти попытки не дали результата, оно не остановилось перед прямым нажимом на Мексику и Великую Колумбию. Дважды — в мае, а затем в декабре 1825 г. — американские представители в этих странах в достаточно сильных выражениях «посоветовали» их правительствам воздержаться от экспедиции против испанцев на Кубе.

В инструкциях представителям США на созванном, по инициативе С. Боливара, в 1826 г. Панамском конгрессе предписывалось заявить, что Соединенные Штаты не допустят никакого изменения статуса Кубы, в том числе и присоединения ее к какой-либо из новых республик Испанской Америки. И хотя делегат США на Панамский конгресс опоздал, позиция его правительства была известна латиноамериканским делегатам конгресса и отнюдь не способствовала росту популярности Соединенных Штатов в Латинской Америке. Английский представитель на этом конгрессе, докладывая о его результатах Д. Каннинггу, отмечал, что «общего влияния Соединенных Штатов... не следует бояться. Оно, несомненно, существует... но было очень сильно ослаблено их протестами против вторжения на Кубу...»

Рабовладельцы, начавшие приобретать все большее влияние в Белом доме и конгрессе США, рассматривали Кубу как будущее «естественное дополнение» к южным штатам и предпочитали, чтобы до этого времени она оставалась в руках слабеющей Испании. «Куба в руках Испании, — заявил в 1826 г. государственный секретарь США Г. Клэй, — это ведущий принцип нашей политики». Сам автор политики «зрелого плода» Д. К. Адамс в том же году, уже став президентом США, открыто заявил в послании конгрессу: «В соответствии с этой политикой мы сделали все, что могли в 1825 и 1826 гг., чтобы помешать республикам Южной Америки освободить Кубу и Пуэрто-Рико».

В результате правительству Великой Колумбии пришлось отказаться от своих планов в отношении Кубы, и С. Боливар прямо сказал об этом в сентябре 1826 г. британскому консулу в Перу. Мексика же не располагала достаточным флотом, чтобы действовать самой.

Отвечая на вопрос о том, почему Куба добилась независимости значительно позже остальных стран Латинской Америки, мексиканский историк Карлос Перейра писал: «Ответ прост: США были против и воспрепятствовали этому. В их интересах было сохранить видимость испанского суверенитета на Кубе до тех пор, пока наступит день передачи острова. С того времени, как стали говорить о яблоке, которое неизбежно должно упасть с дерева... США в своей политике по отношению к Кубе преследовали две цели: сохранить испанский суверенитет и воспрепятствовать установлению другого суверенитета, будь то суверенитет европейской державы, какой-либо испано-американской полудержавы или самих обитателей острова».

Иначе говоря, кубинский народ оставался еще долгих три четверти века после окончания войны американских колоний Испании за независимость под гнетом испанских колонизаторов главным образом благодаря реакционной политике правящих кругов Соединенных Штатов.

В 1830-х годах главным объектом американской экспансии был Техас. В 1835 г. он был объявлен «независимым» от Мексики, а спустя десять лет включен в состав США. Но и в эти годы вашингтонское правительство не выпускало Кубы из своего поля зрения. Так, в октябре 1830 г. государственный секретарь М. Ван-Бурен через посланника США в Мадриде Ван-Несса считал необходимым выразить испанскому правительству свое удовлетворение тем, что «Куба осталась в том положении, в каком находится в настоящее время». 1830-е и начало 1840-х годов были отмечены на Кубе выступлениями негров-рабов, восстаниями и заговорами кубинских патриотов против испанцев. Причем в ряде случаев заговорщики пользовались поддержкой влиятельных кругов в Англии. В этих условиях верное своей политике «зрелого плода» правительство США пошло на то, чтобы гарантировать

Испании сохранение ее власти над Кубой и завершило ее (июль 1840 г.), «что в случае любой попытки с чьей бы то ни было стороны отторгнуть у нее эту часть территории, она может полностью рассчитывать на помощь военных и военно-морских сил Соединенных Штатов как для сохранения, так и для возвращения этого острова под свою власть».

В 1840—1850-х годах правительство США оказалось в руках рабовладельческой аристократии из южных штатов, определявшей как его внутреннюю, так и внешнюю политику. «Президенты Захария Тейлор, Миллард Филмор, Франклин Пирс и Джеймс Бьюкенен выполняли приказы рабовладельцев», интересы которых сводились прежде всего к непрестанному расширению рабовладения за пределы старых его границ, к захвату все новых и новых территорий. «Эта политика безудержной экспансии, — отмечает в своей книге «Очерк политической истории Америки» У. З. Фостер, — развернулась со всей силой перед гражданской войной 1861—1865 гг. В предвоенные десятилетия экспансионисты в рядах правящего класса выдвинули лозунг «явное предначертание» (the manifest destiny. — Э. Н.) ... Эти воинствующие поборники «явного предначертания» были непосредственными предшественниками современных империалистов США, проникнутых шовинистическими идеями превосходства англо-саксонской расы»⁶.

Захват Техаса оказался лишь легкой закуской для американских экспансионистов. За ним последовала грабительская война против Мексики (1846—1848 гг.), в результате которой добрая половина ее территории была присоединена к Соединенным Штатам. Затем на очереди стала Куба. В 1845 г. вице-президент США Д. Даллас публично провозгласил необходимость аннексии ее, и едва закончилась война с Мексикой, как, по указанию президента Д. Полка, были начаты секретные переговоры с Испанией о покупке Кубы за 100 млн. долл. (1848 г.). При этом мадридскому правительству намекнули на то, что подобная сделка была бы для него гораздо выгоднее,

⁶ Возникновение знаменитого лозунга «явное предначертание» или «перст судьбы» было непосредственно связано со стремлением США захватить Кубу. Автором его был близкий друг президента Д. Бьюкенена, литератор и дипломат Джон Лунс О'Салливан, посетивший в 1847 г. Гавану.

чем потеря острова в результате непрекращавшихся там в 1840-х годах заговоров патриотов или возможного (в связи с резким обострением к этому времени англо-испанских отношений) захвата его Англией. Испанский премьер-министр, однако, отклонил это предложение, заявив, что «Испания скорее предпочтет увидеть остров погрузившимся на дно океана, чем переданным какой-либо державе».

Тогда наиболее реакционные группировки экспансионистских кругов США, главным образом в южных штатах, решив, что плод уже «созрел» и достаточно лишь потрясти дерево, чтобы он упал в их руки, попытались захватить Кубу вооруженным путем. «Жемчужина Антилл, — заявляли эти люди, — должна сиять в диадеме Юга!» При поддержке кубинских «аннекционистов» — богатых плантаторов-рабовладельцев креолов, рассчитывавших путем включения острова в состав США укрепить на нем систему рабства, — на территории южных штатов был снаряжен ряд флибустьерских экспедиций на Кубу. Наиболее известные из них связаны с именем венесуэльца Нарсисо Лопеса, бывшего ранее генералом испанской службы на Кубе и являвшегося, по словам Хосе Марти, «активным пособником ее аннексии Соединенными Штатами». В 1849—1851 гг. сформированные в США вооруженные отряды под его руководством трижды высаживались на Кубе с целью захватить там власть и затем «от имени кубинцев» обратиться к Вашингтону с просьбой о включении острова в состав Соединенных Штатов. Третья попытка стоила Нарсисо Лопесу жизни — он попал в плен к испанцам и был расстрелян. Та же судьба постигла и его заместителя — американского авантюриста полковника У. Криттендена. Все эти экспедиции, проводившиеся под лозунгом «Куба — штат Соединенных Штатов и полное сохранение рабства!», были заранее обречены на провал, так как народные массы Кубы не оказали им поддержки.

Между тем правительства Англии и Франции, встревоженные попытками США захватить Кубу, решили помешать им и с этой целью в 1852 г. предложили вашингтонскому правительству подписать тройственное соглашение об уважении и гарантии испанского суверенитета над этим островом. Правительство США, хотя и отрицало какие-либо намерения с его стороны насильно овладеть

Кубой, решительно отказалось связывать себе руки подобным соглашением. Сославшись на доктрину Монро, оно заявило, что вопрос этот — чисто американский и что интерес к нему со стороны европейских держав не идет ни в какое сравнение с заинтересованностью в нем Соединенных Штатов

В апреле 1854 г. Вашингтон еще раз предложил Испании продать Кубу, повысив цену до 130 млн. долл. Получив снова отказ, экспансионисты решили воспользоваться тем обстоятельством, что Англия и Франция были заняты войной с Россией (1853—1856 гг.), и повели в Соединенных Штатах широкую кампанию за аннексию Кубы. В августе 1854 г. государственный секретарь У. Мэрсис предложил американскому посланнику в Мадриде встретиться со своими лондонским и парижским коллегами, чтобы обсудить вопрос о возможности приобретения Кубы. Встреча, все три участника которой были сторонниками аннексии этого острова Соединенными Штатами, состоялась в октябре того же года в бельгийском городе Остенде. Результатом ее явился знаменитый Остендский манифест.

Авторы манифеста рекомендовали приобрести Кубу «как можно скорее» либо путем «покупки» ее у Испании за максимальную цену в 120 млн. долл., либо вооруженным путем, пока «великие державы вовлечены в страшную борьбу, которая поглощает все их силы и энергию». «По праву человеческого и божественному, — говорилось в этом на шумевшем документе, — мы будем оправданы, если применим силу, отобрав остров у Испании, так же, как был бы оправдан человек, сносящий горящий дом соседа, если нет никакого средства помешать пламени перекинуться на его собственный дом».

В 1854 г. ненасытные плантаторы-рабовладельцы предприняли, таким образом, еще одну наглую попытку захватить Кубу. Они хотели распространить свою плантационную систему на остров и разделить его на два или больше штатов, в результате чего в сенате США появились бы по меньшей мере еще четыре сенатора — сторонника рабства. Кроме того, они опасались, что на Кубе вспыхнет революция рабов и Куба станет вторым Гаити. Но на этот раз рабовладельцы перестарались. Их наглый план военной агрессии провалился ввиду оппозиции со стороны Англии и буржуазии севера Соединенных Штатов.

тов. Испания, поддержанная Англией и Францией, отвергла Остендский манифест. Вашингтон вынужден был его дезавуировать и отозвать своего посланника из Мадрида.

Это обстоятельство, однако, не смутило аннексионистов. Кампания за немедленный захват Кубы с целью еще большего усиления политической и экономической мощи рабовладельцев-южан достигла особого размаха в период президентских выборов 1856 г. Победил на них один из самых агрессивных шовинистов — поборников политики «явного предназначения», главный автор Остендского манифеста Джеймс Бьюкенен, которого У. З. Фостер называет «орудием плантаторов-южан». Характеризуя эти выборы и политику США, К. Маркс писал: «Как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов интересы рабовладельцев служили путеводной звездой. Фактически Бьюкенен добился поста президента благодаря изданию Остендского манифеста, в котором приобретение Кубы, будь то путем покупки или силой оружия, провозглашалось великой задачей национальной политики»⁷.

Вопрос о Кубе в годы, предшествовавшие гражданской войне между Севером и Югом, был объектом ожесточенной политической борьбы в США. Буржуазия северных штатов стремилась не допустить дальнейшего увеличения рабовладельческих территорий. Выражая ее интересы, только что возникшая республиканская партия называла Остендский манифест «разбойничьим». Острые внутриполитические противоречия, бывшие проявлением назревавшего открытого конфликта между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом, исключали вступление США в данный момент в вооруженную борьбу из-за Кубы. Но «кубинский вопрос» неоднократно обсуждался в конгрессе. Один из лидеров демократической партии С. Дуглас в 1858 г. заявил: «Судьбою предназначено, чтобы Соединенные Штаты владели Кубой». Д. Бьюкенен, став президентом, упорно добивался от конгресса полномочий и ассигнований на покупку Кубы.

Председатель сенатского комитета по иностранным делам, ярый рабовладелец Джон Слайдель, внося в январе 1859 г. на рассмотрение сената соответствующий

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 342.

законопроект, заявил, что «окончательное приобретение Кубы может считаться установленной целью Соединенных Штатов, вытекающей из политической и географической необходимости».

* * *

Таким образом, в первой половине XIX в. правящие круги США предпринимали неоднократные попытки овладеть «жемчужиной Антилл». Рабовладельцы-южане, чьи интересы, по словам К. Маркса, были в то время «путеводной звездой» американской внешней политики, добивались путем захвата соседних стран увеличения числа рабовладельческих штатов. Это обеспечивало плантаторам-рабовладельцам господствующее положение в экономической и политической жизни страны. И только противодействие планам США со стороны Англии и Франции позволило тогда Кубе избежать судьбы Флориды и Техаса. Не решаясь еще бросить вызов европейским морским державам, правители США предпочитали в тех условиях, чтобы «плод» оставался на чахлом испанском дереве, пока он не «созреет» настолько, что они смогут сорвать его сами без всякого риска.

Украденная победа

Гражданская война в Соединенных Штатах (1861—1865 гг.) помешала осуществлению экспансионистских планов рабовладельцев и вызвала переориентацию в американской внешней политике. Кроме того, она ослабила на некоторое время США в военном отношении. «Состояние нашей военной силы было таково, — пишет американский исследователь Лилэнд Дженкс, — что в течение нескольких лет не могло быть и речи о том, чтобы мы могли действовать в каком-либо затрагивающем нас споре так, как нам бы хотелось». Но даже в самый разгар гражданской войны государственный секретарь У. Сьюард писал американскому посланнику в Мадриде Карлу Шурцу, что Соединенные Штаты «постоянно питают надежду на то, что придет день, когда они смогут приобрести эти острова» (Кубу и Пуэрто-Рико. — Э. Н.).

В результате гражданской войны с системой рабства в США было покончено, основа могущества плантаторов-рабовладельцев была подорвана, власть перешла в руки крупной промышленной буржуазии. Победа Севера расчистила дорогу для бурного развития капитализма и явилась одной из важнейших предпосылок превращения США к концу XIX в. в крупнейшую промышленную державу мира. Реконструкция Юга и колонизация западных штатов, а также индустриализация имеющихся огромных территорий заняли на ближайшие четверть века внимание и энергию нового правящего класса США.

Между тем на Кубе парастало освободительное движение, развивавшееся по двум линиям: с одной стороны, там не прекращались восстания негров-рабов, а с другой — усиливалась борьба против гнета Испании. Население острова в 1861 г. достигло 1396,5 тыс. человек. 46% его составляли креолы и лишь 8% испанцы. В связи с запретом в 1845 г. работорговли удельный вес белого населения (упавший к тому времени до 42%) стал возрастать, но негры и мулаты все еще составляли более $\frac{2}{5}$ населения. Большинство негров были рабами, и удел их был особенно тяжел. В то же время гражданская война в США и уничтожение там рабства не могли не оказать своего влияния на кубинских негров-рабов. «Из Гаваны сообщают, — отмечала 9 мая 1865 г. лондонская газета «Таймс», — что на Кубе среди рабов существует широкое недовольство и там опасаются восстания».

Но и свободные негры, и мулаты, и даже креолы также были лишены политических прав, находились, за редкими исключениями, на низших ступенях социальной лестницы и рассматривались испанцами, монополизировавшими управление колонией, как существа низшего порядка.

Между тем креолы-помещики и зажиточные мулаты желали участвовать в управлении страной. Развитие экономики сопровождалось тягой к преобразованиям, складывалось национальное самосознание, вставал вопрос о рабовладении, о земле, зрел протест против существовавших правовых и политических отношений.

Многочисленные заговоры и восстания, все чаще и чаще потрясавшие испанский колониальный режим, в конце 60-х годов XIX в. вылились в так называемую Десятилетнюю войну кубинского народа за независимость (1868—1878 гг.). Ее возглавили местные либеральные помещики и примкнувшие к ним буржуазные элементы, заинтересованные в ликвидации колониального режима и рабства негров, сдерживавшего развитие производительных сил страны, и выражавшие тем самым чаяния всей складывавшейся кубинской нации. Еще в 1850-х годах сахарная промышленность Кубы, с которой начинал конкурировать европейский свекловичный сахар, была вынуждена внедрять более эффективные методы производства (к 1860 г. уже на всех сахарных заводах острова использовалась паровая машина). Это потребовало использования труда

наемных квалифицированных рабочих, так как необученные рабы не могли управлять машинами. Перепись 1862 г. показала, что в производстве сахара, где раньше использовался в основном рабский труд, было занято уже 41,6 тыс. белых рабочих. Кроме того, в 1850—1860-х годах было ввезено несколько десятков тысяч китайских рабочих. Иначе говоря, рабовладельческая экономика изжила себя.

Повстанцы провозгласили Кубинскую республику, президентом которой стал крупный землевладелец-креол, освободивший своих рабов, Карлос Мануэль де Сеспедес; они приняли конституцию и объявили об отмене рабства. Либеральные помещики и буржуа вели борьбу за независимость, за экономические и политические права в собственных интересах, рассчитывая стать господствующим классом в стране, а отнюдь не в интересах народа. Но за ними с оружием в руках поднялись на борьбу крестьяне и ремесленники, негры и белые, вольные и рабы. Так возникла Освободительная армия повстанцев-мамби⁸ во главе с такими вождями, как крестьянский сын мулат Антонио Масео, Массимо Гомес, Каликсто Гарсия. «Своими руками мы сжигали родные города, — писал об этой войне Хосе Марти, — и строили в девственных лесах новые селения и фабрики, наши женщины носили одежду из коры деревьев, десять лет мы вели борьбу и не раз наносили сокрушительные удары противнику, потерявшему двухсоттысячную, хорошо вооруженную армию в боях с малочисленной армией патриотов, которых поддерживала только природа...». В ходе борьбы, приобретающей все более широкий народный характер, гегемония имущих классов постепенно стала исчезать.

Напуганные размахом народного движения и желая приостановить дальнейшее углубление его, умеренные лидеры движения пошли на компромисс с испанцами, которым к тому же удалось нанести повстанцам ряд серьезных поражений. В 1878 г. был подписан компромиссный Сан-хонский пакт, по которому в обмен на прекращение повстанцами борьбы испанские власти обещали им амнистию, реформы в управлении Кубой и отмену рабства. Однако наиболее радикальные элементы, в том числе А. Масео и

⁸ Мамби или мамбисы — прозвище, которое испанцы дали кубинским повстанцам.

Г. Монкада, расценили это соглашение как предательство и еще некоторое время продолжали борьбу.

Во время Десятилетней войны большинство латиноамериканских стран, в том числе Мексика, Колумбия, Венесуэла, Чили, Перу, Сальвадор, Доминиканская республика, признали революционное правительство кубинских повстанцев, оказывали ему некоторую помощь оружием, предоставляли убежище кубинским эмигрантам. Немало мексиканцев, чилийцев и других латиноамериканцев сражались в армии кубинских патриотов. На их стороне были и симпатии народа Соединенных Штатов. Это давало повстанцам некоторое время возможность закупать в США оружие и снаряжение. Однако положение повстанцев в огромной мере зависело от позиции правительства США. Правительство же президента У. Гранта вопреки своим первоначальным обещаниям не только не признало повстанцев воюющей стороной, но стало захватывать снаряженные кубинскими эмигрантами в США суда с добровольцами, оружием и боеприпасами, в которых остро нуждались сражавшиеся на Кубе патриоты. «Мы... — писал позже вождь и идеолог освободительной борьбы кубинского народа в конце XIX в. Хосе Марти, — по-детски верили в помощь Соединенных Штатов: они не допустят нашей гибели в борьбе за свободу у порога своего дома. Они скажут свое слово, они протянут нам руку помощи, и на земле появится новый свободный народ. Они же... поддерживали Испанию, а не нас. Они не протянули нам руку помощи, они не нашли для нас слова поддержки».

Больше того, когда в 1872 г. по призыву Колумбии все латиноамериканские республики договорились объединенными усилиями добиться независимости Кубы с выплатой Испании крупной компенсации и обратились к правительству США с просьбой выступить в качестве посредника, последнее отказалось. Оно фактически проводило прежнюю политику противодействия получению Кубой независимости, ожидая момент, когда «плод созреет» и в силу «закона политического тяготения» упадет в руки США. Именно поэтому один из военных руководителей повстанцев — генерал М. Кесада публично обвинил Вашингтонское правительство в проведении «макиавеллистской политики» сохранения статус-кво на Кубе — политики, «которая приведет к тому, что кубинцы не смогут

добиться независимости из-за недостатка оружия и материалов, в то время как испанцы будут не в состоянии победить их, пока обе стороны не окажутся настолько ослабленными, что остров станет легкой добычей правительства (Соединенных Штатов)».

Война 1868—1878 гг. не принесла Кубе независимости и была лишь первым этапом героической тридцатилетней борьбы кубинского народа за свержение испанского господства. Тем не менее она привела к отмене на Кубе (в 1880—1886 гг.) рабства и в огромной мере способствовала росту национального самосознания и складыванию из людей разных этнических и расовых групп молодой кубинской нации.

Десятилетняя война ускорила развитие капиталистических отношений в стране, положила начало интенсивному освоению внутренних и восточных районов острова, привела к важным изменениям в ведущей отрасли хозяйства — сахарной промышленности.

В первой половине XIX в. сахар-сырец вырабатывался на инхепиос — небольших предприятиях — из тростника, выращиваемого рабами. Владелец плантации был одновременно рабовладельцем и сахарозаводчиком. В 1827 г. на Кубе насчитывалось около тысячи инхепиос, в 1850-х годах — уже две тысячи. Продукция их за это время выросла с 94 до 300 с лишним тысяч тонн. В 1856 г. из произведенных на Кубе 388 тыс. т сахара-сырца 372 тыс. т было вывезено в США, где потребление сахара между 1840 и 1860 гг. увеличилось в четыре раза. Более половины всех судов, заходивших в первой половине 1850-х годов в кубинские порты, были североамериканскими. В середине XIX в. 62% кубинского экспорта приходилось на долю США, 22% — на долю Англии и всего лишь 3% — на долю Испании. Зависимость экономики Кубы от экспорта сахара-сырца и от американского рынка быстро возрастала.

Десятилетняя война и отмена рабства положили начало полному перевороту в кубинской сахарной промышленности. Военные действия привели к разорению многих кубинских помещиков. Их плантации за бесценно скупили американские фирмы и отдельные дельцы, оказавшиеся обладателями крупных земельных владений на острове.

Между тем быстрый рост производства свекловичного сахара в Европе привел к резкому падению мировых цен

на сахар-сырец. В 1853 г. только 14% мировой продукции сахара было произведено из свеклы, а в 1884 г. — 53%. В последующие годы производство сахара из свеклы продолжало расти быстрее, чем производство его из сахарного тростника. Европа перестала нуждаться в импорте тростникового сахара и только за время с 1870 по 1884 г. цена на сахар-сырец упала на 60%. Зависимость кубинского сахара от рынка США еще более усилилась.

Выдержать конкуренцию более дешевого свекловичного сахара и выжить в этих условиях могли только крупные механизированные предприятия, использующие последние достижения техники (вакуумные котлы для концентрации сахарного сока, центрифуги для отделения кристаллического сахара от патоки и т. д.). Но введение новой техники требовало дополнительных капиталовложений и значительно увеличивало стоимость предприятия. Это было не под силу кубинским мелким и средним сахарозаводчикам. К тому же мало кто из них смог сразу примениться к коренным сдвигам в производстве и социальных отношениях, вызванным отменой рабства. Постепенно их место заняли крупные, главным образом североамериканские дельцы, скупавшие у разорявшихся плантаторов их земли и строившие большие, оснащенные новейшим оборудованием сахарные заводы.

Концентрация земли в руках американских дельцов и компаний сопровождалась созданием ими, а также кубинскими сахарозаводчиками сети крупных «центральных заводов», или сентралей, каждый из которых по мощности был равен десяткам инхениос. С целью удешевления производства вводились усовершенствованные машины, строились железнодорожные ветки, закладывались новые плантации.

Процессы выращивания сахарного тростника и производства из него сахара-сырца оказались разграничены, и многим помещикам пришлось теперь отвозить свой тростник для переработки ближайшему сентралю. Производитель тростника, сдававший его сентралю, стал называться колоном. Но лишь часть колонов была помещиками, большинство же их состояло из крестьян-собственников земли и арендаторов, сдававших по контрактам тростник сентралям и постепенно закабаляемых последними. По установившемуся обычаю колон получал определенную часть сахара, выработанного из его тростника;

остальной сахар в качестве платы за переработку забирал централь.

По существу колонат был новой системой эксплуатации освобожденных от рабства, но не получивших земли негров, а также свободных крестьян, призванной обеспечить централь дешевым сырьем и рабочей силой. Лишенные своей земли бывшие рабы были вынуждены идти в батраки, либо арендовать у того же помещика на кабальных условиях клочок земли. К концу XIX в. общее число колонов, выращивающих сахарный тростник, составляло 60 711 человек.

Таким образом, в последней четверти XIX в. сахарная промышленность Кубы подверглась коренной реорганизации. За 30 лет число предприятий по переработке тростника сократилось в 3 раза, а продукция их почти утроилась. В 1894 г. на острове имелось 400 центральных, вырабатывавших более 1 млн. т сахара-сырца (к 1899 г. число их сократилось до 207). Подавляющая часть кубинского сахара поступала в США на предприятия Американского рафинадного треста. В 1896 г. американские капиталовложения в кубинской сахарной промышленности составляли уже 30 млн. долл.

Но американский капитал проникал не только в кубинскую сахарную промышленность. В руки североамериканских компаний стали переходить табачные предприятия, железные и марганцевые рудники. Американцы строили на острове железные дороги. В 1880-х годах четверть торгового флота США, занятого внешней торговлей, обслуживала шесть паросудовых линий, связывавших кубинские и американские порты. В начале 1890-х годов кубинский экспорт в США по стоимости в 8—9 раз превышал кубинский экспорт в Испанию. США покупали 90% всего вывозимого Кубой сахара. В 1896 г. общая сумма капиталовложений Соединенных Штатов на Кубе составляла 50 млн. долл., а их товарооборот с ней — 100 млн. долл.

Таким образом, экономически Куба к этому времени уже в значительной мере зависела от Соединенных Штатов, хотя политическое господство над ней все еще находилось в руках Испании. По условиям Санхонского пакта 1878 г., испанское правительство обязалось провести на Кубе ряд реформ, в том числе расширить круг избирателей в местные органы власти, допустить в мадридские кор-

тесы представителей Кубы, открыть кубинцам доступ на государственную службу в качестве чиновников и т. д. Однако почти все эти обещания остались на бумаге. Испанские чиновники и военщина, на содержание которых взимались огромные налоги, по-прежнему вели себя как хозяева, а кубинцы были лишены основных гражданских прав. Правда, рабство на Кубе было ликвидировано, но земли бывшие рабы не получили. Освобождение их без земли сохраняло условия для жесточайшей полукрепостнической и полурабской эксплуатации большей части сельского населения. Это резко обострило аграрные противоречия. Обездоленные эксплуатируемые массы, вынесшие на себе все тяготы Десятилетней войны, представляли собой горячий материал огромной взрывчатой силы, готовый ежеминутно вспыхнуть.

С 1878 по 1895 г. Куба находилась в состоянии постоянного революционного брожения. Не прошло и полгода после подписания Санхонского пакта, как в провинции Ориенте вспыхнуло новое вооруженное восстание против колонизаторов — Малая война. Она продолжалась до декабря 1880 г. под руководством Каликсто Гарсия и других патриотов — участников Десятилетней войны, отказавшихся признать компромиссное соглашение с испанскими властями. Против 6 тыс. повстанцев испанцы бросили 25 тыс. солдат и в конце концов подавили это восстание. Однако, несмотря на террор и репрессии, в 80-х и первой половине 90-х годов в разных частях Кубы продолжали вспыхивать восстания против колониального гнета.

Активную революционную деятельность по организации сначала отдельных вооруженных экспедиций на Кубу, затем по подготовке там нового национального восстания развернули многочисленные кубинские эмигрантские колонии в США и странах Латинской Америки. Выдающуюся роль в неуклонно нараставшем освободительном движении сыграл в этот период великий буреветник кубинской революции, пламенный борец за независимость своей страны и свободу своего народа Хосе Марти. Видный писатель и публицист, революционный демократ по своим взглядам Х. Марти был одним из основателей и вождем Кубинской революционной партии, созданной в январе 1892 г. и объединявшей представителей различных социальных слоев на платформе общенациональной

борьбы за независимость. Деятельность Марти, стремившегося объединить все революционные силы, в большой мере способствовала подготовке нового вооруженного восстания кубинского народа за освобождение от испанского господства.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения кубинского народа, было издание мадридским правительством 15 февраля 1895 г. закона о создании при испанском генерал-губернаторе в Гаване консультативного совета, половина состава которого должна была избираться имущими классами, а другая половина — назначаться королем. Это беспардонное нарушение данного Испанией по Санхонскому пакту обязательства предоставить Кубе полную автономию вызвало на острове взрыв возмущения. Кубинцы взялись за оружие. 24 февраля 1895 г. в провинции Ориенте вспыхнуло новое вооруженное восстание.

Начался заключительный этап тридцатилетней освободительной войны кубинского народа за свержение испанского колониального ига, свободу и независимость. «Куба, — говорил Фидель Кастро, выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, — последней в Америке освободилась от испанского колониального господства... Но, освобождаясь последней, Куба вынуждена была и более упорно бороться. Ведь для Испании она была последним владением в Америке, и она защищала его со всем упорством и ожесточением. Наш небольшой народ, немногим превышавший в то время 1 миллион человек, вынужден был в одиночку в течение почти 30 лет вести упорную борьбу... Против маленькой нации испанское правительство мобилизовало вооруженные силы, равные по численности всем вооруженным силам, сражавшимся в свое время в Южной Америке... В течение 30 лет кубинцы боролись за свою независимость, и эти 30 лет лишь укрепили их любовь к свободе и независимости».

Несмотря на усилия испанских властей подавить восстание, возглавленное Кубинской революционной партией, оно приняло широкий размах и постепенно охватило весь остров. В ряды борцов за свободу влились труженники — белые, мулаты, негры: бывшие рабы, рабочие табачных фабрик и сахарных централей, ремесленники и мелкие торговцы, представители интеллигенции. Основной движущей силой восстания было крестьянство, немно-

гочисленный тогда еще пролетариат и примыкавшая к ним мелкая и средняя буржуазия. Руководство национально-освободительным движением находилось в руках революционных буржуазных демократов и национальной буржуазии, выступавшей в блоке с представителями либеральных помещиков.

Национальный гнет, колониальная эксплуатация и социально-экономические условия, сложившиеся на Кубе к 90-м годам XIX в., подготовили широкую социальную базу для нового революционного восстания и обусловили общенародный характер антииспанской борьбы. По своему характеру кубинская революция 1895—1898 гг. была буржуазно-демократической и национально-освободительной революцией.

Однако в то время как народные массы надеялись на радикальные социальные преобразования и коренные перемены в экономической и политической структуре страны, буржуазно-помещичий блок старался не допустить расширения и углубления борьбы с тем, чтобы ограничить ее установлением буржуазной республики и буржуазной демократии. Почти в самом начале восстания кубинский народ понес тяжелую утрату. 19 мая 1895 г. в бою с испанцами погиб вождь и теоретик движения Хосе Марти. Руководителем Кубинской революционной партии стал Томас Эстрада Пальма, и с этого времени началось постепенное сползание партии с революционных, демократических позиций, отход от заветов Марти. Наиболее видными фигурами освободительной борьбы после смерти Марти были военные руководители восстания Массимо Гомес и мулат Антонио Масео (погибший в конце 1896 г.) — национальный герой Кубы, прозванный народом «бронзовым титаном».

Борьба кубинского народа вызвала солидарность передовых людей во всем мире, в том числе и в России. Трое русских добровольцев — Н. Мелентьев, Е. Константинович и П. Стрельцов, преодолев многие препятствия, сумели добраться до далекого острова в Карибском море и вместе с кубинскими патриотами сражались за освобождение его от гнета испанских колонизаторов.

В сентябре 1895 г. повстанцы выработали конституцию, провозгласили создание независимой Кубинской республики и образовали ее первое правительство. В последующие два года, несмотря на все усилия испанского пра-

вительства (посылавшего на Кубу все новые и новые войсковые контингенты) подавить восстание, оно все более разрасталось. К началу 1898 г. «патриоты, — пишет президент Академии наук Кубы А. Нуньес Хименес, — одержали ряд блестящих побед; достаточно упомянуть «восточную кампанию» генерала Масео, поход войск Масео и Гомеса через весь остров, с востока на запад; победоносные действия генерала Каликсто Гарсия, триумфально пронесшего кубинское знамя по городам и селам провинции Ориенте.

Практически вся Куба, за исключением крупных городов, контролировалась Освободительной армией...; основные коммуникации находились в руках кубинцев, и даже Гавана — столица Кубы — была осаждена повстанцами.

И в этот-то момент, когда вооруженный кубинский народ был близок к окончательной победе над испанским войском, Соединенные Штаты решили вмешаться в испано-кубинскую войну, чтобы добиться того, к чему они стремились на протяжении всего столетия».

С переходом быстро растущего американского капитализма к империалистической стадии и внешней экспансии (особенно в связи с предстоявшим прорытием канала через Панамский перешеек и планами широкой экспансии в страны Латинской Америки) стратегическое положение Кубы приобрело для Вашингтона еще большее значение, чем прежде. Природные богатства острова, дешевая рабочая сила и отсутствие «крепкого хозяина» на Кубе также делали ее все более заманчивой добычей для американского капитала. Об этом достаточно убедительно свидетельствует североамериканская пресса конца 1880 — начала 1890-х годов. Так, газета «Атланта конститьюшн» сообщала: «На Кубе имеются богатые залежи различных руд, которые не разрабатываются из-за отсутствия капитала; но если остров будет присоединен к Соединенным Штатам, эта отрасль промышленности получит полное развитие». Ей вторила детройтская газета «Фри пресс», уверявшая, что «Куба могла бы стать одним из прекраснейших штатов нашего Союза, и стоит только американскому богатству, предприимчивости и гению проникнуть на этот чудесный остров, как он превратится в крупный промышленный центр... Надо действовать немедленно, чтобы реализовать эту возможность».

Постепенно тон американской прессы становился все более агрессивным. Автор статьи «Почему нам нужна Куба», помещенной в журнале «Форум мэгэзин» (июль 1891 г.), открыто призывал к «политическому поглощению» Кубы с тем, чтобы США укрепили таким образом свое военное положение и получили рынок сбыта для своих товаров и вложения капитала. «Все доводы за то, — утверждал он, — чтобы мы сделали такое приобретение, не считаясь с мнением или возражениями Европы». Журнал «Мансис мэгэзин» решительно потребовал, чтобы «Испания отказалась от своего суверенитета над Кубой за разумную компенсацию», и прямо заявил: «Почти с уверенностью можно сказать, что Куба скоро будет нашей».

В экспансионистской прессе США лозунг «Куба скоро будет нашей» становится к середине 1890-х годов ведущим. Так, крупный делец с Уолл-стрит Ф. Р. Куерт в ответ на вопрос журнала «Америкэн мэгэзин оф свивкс» — «Должны ли мы аннексировать Кубу?» — заявил: «У меня слюнки текут, как только я начинаю думать, что Куба станет еще одним нашим штатом...» А другой представитель большого бизнеса высказался еще более откровенно: «В свое время наступит и черед Канады; Мексика последует за Техасом и Калифорнией и займет свое место под звездно-полосатым флагом, как только мы к этому будем готовы. Но Кубу мы хотим сейчас».

Когда в 1895 г. на Кубе началось новое национальное восстание, правящие круги Соединенных Штатов по-фариисейски делали вид, что они сочувствуют освободительной борьбе кубинского народа. Но, увидев, что патриоты добились в этой борьбе значительных успехов, а положение испанцев значительно ухудшилось, Вашингтон изменил свою позицию. В ноте мадридскому правительству от 4 апреля 1896 г., выдержанной в расистском тоне во всем, что говорилось в ней о кубинских «мятежниках», президент Г. Кливлэнд и государственный секретарь Р. Олни заявили, что США готовы «сотрудничать с Испанией в деле немедленного умиротворения острова на основе сохранения суверенитета Испании над ним и предоставления народу острова самоуправления в разумных рамках».

В тот момент США еще не были готовы к войне с Испанией ради захвата Кубы и поэтому они предложили

Мадриду сделку за счет кубинского народа в расчете на то, что им будет гораздо легче укрепить свои позиции и утвердиться на острове, находящемся под номинальным суверенитетом одряхлевшей испанской монархии, нежели в независимой Кубинской республике. Как пишет Э. Роиг де Леучсенринг, «Соединенные Штаты, встревоженные возможностью победы кубинских революционеров и тем, что эта победа не будет отвечать интересам янки, под лицемерным предлогом никогда в действительности не существовавшей расовой опасности предложили свои добрые услуги Испании для того, чтобы не потерять остров».

Мадрид отказался от «добрых услуг» Вашингтона. Однако трехлетняя вооруженная борьба кубинских патриотов подрывала испанское господство на Кубе, истощила финансы и ослабила военную мощь Испании. Победа кубинского народа стала неизбежной и являлась лишь вопросом времени. В этих условиях правящие круги США, на протяжении всей борьбы кубинцев против колониального гнета проявлявшие враждебное отношение к идее независимости Кубы и поддерживавшие Испанию, решили, что «плод созрел» и настал час вмешаться в события, чтобы он упал в их руки. «Соединенные Штаты, — пишет тот же Роиг де Леучсенринг, — решили помешать кубинцам собственными силами завершить разгром испанских колонизаторов, чтобы затем, в новой ситуации, возникшей в результате ликвидации испанского владычества, играть на острове решающую роль.

... Вплоть до 1898 г. их политика была направлена на то, чтобы воспрепятствовать избавлению Кубы от Испании, но не ради самой Испании, а для того, чтобы остров не попал в руки Англии или какого-либо другого европейского государства, не завоевал бы своими силами независимости и не вошел бы в состав какой-нибудь из вновь образовавшихся латиноамериканских республик».

В то же время Роиг де Леучсенринг, показывая беспочвенность надежд кубинцев — сторонников присоединения Кубы к США, подчеркивает то обстоятельство, что «Куба никогда бы не могла войти в состав такого империалистического государства, как Соединенные Штаты» на равных правах, и что «для янки Куба всегда была не чем иным, как колонией, которую они сначала хотели заполучить, а затем беззастенчиво эксплуатировать».

Готовясь вмешаться в борьбу и на ее заключительном этапе вступить в войну с Испанией, правящие империалистические круги США рассчитывали воспользоваться победами, одержанными «союзным» кубинским народом, и использовать его Освободительную армию в качестве пушечного мяса с тем, чтобы максимально ослабить своего «союзника» и затем, предав его, превратить Кубу из испанской колонии в американскую. Об этом коварном плане ярко свидетельствует секретное письмо заместителя военного министра США Дж. М. Бриксына командующему силами, предназначенными для захвата Кубы и Пуэрто-Рико генерал-лейтенанту Д. С. Майлсу от 24 декабря 1897 г. Оно стало известно общественности лишь в мае 1914 г. и было опубликовано в прессе Мексики и других стран Латинской Америки.

В этом письме шла речь о мерах, которые надлежало предпринять для захвата и оккупации Кубы. В частности, характеризуя население острова, как «варваров, лишенных всякой морали», заместитель военного министра США писал: «Конечно, немедленное присоединение к нашей федерации такого большого числа столь опасных для общества элементов было бы безумием, поэтому прежде чем присоединять эту страну, мы должны оздоровить ее, хотя бы для этого нам пришлось поступить с нею так же, как господь поступил с Содомом и Гоморрой.

Нужно уничтожить все, что находится в пределах досягаемости наших пушек; нужно сжать кольцо блокады, чтобы голод и чума, его неизменная спутница, косили гражданское население и сокращали армию; союзные же войска (кубинские. — Э. Н.) следует использовать для ведения разведки и посылать в авангарды, чтобы они непременно почувствовали всю тяжесть войны между двух огней; этим войскам должны поручаться все опасные и безнадёжные экспедиции.

... Когда регулярные части испанцев потерпят поражение и будут эвакуированы, наступит неопределенно долгий период частичного умиротворения. В течение этого периода мы будем продолжать военную оккупацию страны, помогая нашими штыками созданному, пусть даже не совсем законным путем, независимому правительству, пока оно будет пользоваться поддержкой лишь меньшинства населения страны. Террор, с одной стороны, и благожелательное отношение — с другой, создадут условия

для укрепления и усиления меньшинства, так что сторонники автономии и приверженцы Испании, которые еще останутся в стране, вскоре сами окажутся в меньшинстве.

Когда этот момент наступит, следует использовать, чтобы вызвать внутренние конфликты, трудности, которые возникнут у независимого правительства в связи с недостатком средств для удовлетворения наших требований и выполнения заключенных с нами соглашений, а также в связи с расходами на военные нужды и административные мероприятия. Эти трудности должны еще более усугубиться требованиями, которые насилия и произвол вызовут у обеих указанных выше групп и которые мы должны всячески поддерживать.

Вывод: в основе нашей политики всегда должна быть поддержка самого слабого против сильного, вплоть до полного уничтожения обоих с целью добиться присоединения к нам жемчужины Антильских островов. . .

Искрение Ваш Дж. Бриксайн».

Боясь, как бы испанцы не сложили оружия перед победоносным кубинским народом, североамериканские «освободители» стали лихорадочно искать повод для разрыва дипломатических отношений с Испанией и объявления ей войны. Одновременно вашингтонское правительство вело дипломатическую подготовку войны, а реакционная пресса вела ее идеологическую подготовку и занималась интенсивной обработкой общественного мнения в Соединенных Штатах. Широко известна, в частности, знаменитая телеграмма газетного короля Херста, который в ответ на просьбу своего фоторепортера из Гаваны разрешить ему вернуться в США, так как на Кубе «все спокойно» и «войны не будет», телеграфировал ему: «Гавана Ремингтону точка Прошу оставаться на месте точка Вы даете фото я даю войну точка Херст».

Желанный повод был найден, когда на рейде Гаваны 15 февраля 1898 г. взорвался американский крейсер «Мэйп», посланный туда без всякого разрешения на то испанских властей под предлогом «защиты интересов американских граждан». Более 260 человек его команды погибли, около 100 человек было ранено. Американская желтая пресса забила в набат, объявив виновниками взрыва испанцев и требуя «отомстить за Мэйп!» Подобные же призывы раздались в американском конгрессе.

Мадридское правительство, старавшееся делать все, чтобы не допустить войны с Соединенными Штатами, предложило создать двустороннюю комиссию для совместного расследования причин катастрофы. Но конгресс и правительство США предпочли послать на место происшествия, опять-таки без какого-либо разрешения испанских властей, свою собственную комиссию. Тогда же в одной из газет появилось сообщение о том, что корпус «Мэйна» был пробит торпедой и в «подтверждение» этого была напечатана «сделанная под водой» фотография. Однако позже американский историк У. Джонсон доказал, что на самом деле это была фотография солнечного затмения, опубликованная в той же газете годом или двумя раньше.

Американская комиссия пришла к выводу, что крейсер был подорван одной или несколькими минами. Но, хотя ее доклад объемом в 300 страниц не содержал никаких конкретных доказательств вины испанского правительства в этом деле, он послужил для правительства и конгресса США достаточным «моральным и политическим основанием», чтобы начать войну. Между тем испанская комиссия по расследованию причин гибели «Мэйна» пришла к выводу (и сообщила в Вашингтон), что взрыв крейсера произошел от «внутренней причины». И многие факты свидетельствуют о том, что это заключение было значительно ближе к истине. Не случайно американские власти запретили испанской комиссии осмотреть корпус и внутренность корабля и отказались участвовать в ее работе.

В 1911 г. уцелевший корпус «Мэйн» был поднят на поверхность, изучен американскими экспертами (причем некоторые из них не согласились с выводами американской комиссии 1898 г.), а затем отбуксирован из гаванской бухты поближе к побережью США, взорван и затоплен на большой глубине. «Мы, — писал в связи с этим американский историк Д. Адамс, — отказались разрешить кому-либо, кроме нас самих, изучить доказательства, а затем уничтожили их».

В 1923 г. умер капитан «Мэйна» Сигсби и, вспоминая историю гибели крейсера, газета «Нью-Йорк таймс» привела слова, сказанные его бывшим капитаном в день окончательного затопления корабля: «Я, — заявил Сигсби, — так и не высказал своего мнения о тех, кто потопил «Мэйн», и никогда не выскажу».

Анализируя различные версии гибели корабля, упомянутый уже У. Джонсон еще в 1916 г. признал, что не исключено, что она была организована в Соединенных Штатах «американскими сторонниками войны с Испанией, которые боялись как бы конфликт между обеими странами не был урегулирован мирным путем и поэтому готовы были пойти на любые, даже самые крайние средства для того, чтобы вызвать новые осложнения».

Не допустив объективного расследования причин взрыва «Мэйна» и предъявляя идущей на всяческие уступки Испании все более неприемлемые требования, правительство США использовало гибель крейсера для разжигания в стране шовинистического угара и завершения последних приготовлений к войне. 11 апреля 1898 г. президент У. Мак-Кинли — выразитель интересов наиболее агрессивных кругов американской империалистической буржуазии, открыто требовавших войны с Испанией, — обратился к конгрессу США с посланием, в котором «во имя человечности» призвал к вооруженному вмешательству в борьбу на Кубе.

19 апреля конгресс, обсудив это послание, принял совместную резолюцию сената и палаты представителей, постановивших: «народ острова Кубы является и по праву должен быть свободен и независим»; Испания должна «незамедлительно отказаться от своей власти и управления островом Кубой и отвести свои сухопутные и морские силы» оттуда; для осуществления этих целей президент «уполномочен использовать сухопутные и морские силы Соединенных Штатов»; США «настоящим отрицают всякие намерения или предположения осуществлять суверенитет, юрисдикцию или контроль над указанным островом, за исключением целей умиротворения, и подтверждают свое решение, когда последние будут осуществлены, передать управление и контроль над островом его народу».

Эта резолюция, одобренная 20 апреля президентом, была насквозь фальшивой и имела целью обмануть как народ Кубы, так и народ Соединенных Штатов, значительная часть которого была уверена, что война с Испанией действительно начинается ради освобождения Кубы. В то самое время, когда в Вашингтоне раздавались фарисейские голоса о «сочувствии Кубе», в Филадельфии печаталась выпущенная в 1898 г. карта Кубы, Пуэрто-Рико и Фи-

Филиппин под общим весьма красноречивым названием «Наши новые колонии»⁹.

Спустя два дня после принятия совместной резолюции конгресса, 21 апреля 1898 г., США фактически начали военные действия, хотя официально объявили войну Испании они лишь 25 апреля. «Прекрасная маленькая война», как цинично назвал ее государственный секретарь Д. Хэй, длилась всего 3,5 месяца и была решена на море разгромом устаревшего испанского флота.

Это была первая война за передел уже в основном поделенного империалистами мира, первая главная историческая веха эпохи империализма¹⁰. Вступив в конце XIX в. в империалистическую стадию своего развития, Соединенные Штаты стали на путь активной борьбы за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала. Опоздав к разделу мира, американский империализм положил начало переделу его путем захватнических войн. Захват колоний за пределами американского материка США начали с нападения на одряхлевшую, экономически отсталую и раздираемую внутренними противоречиями монархическую Испанию, владения которой в Карибском море и Тихом океане являлись не только ценными источниками сырья и рынками сбыта, но и первоклассными плацдармами для продолжения экспансии американского капитала в страны Азии и Латинской Америки.

По своему характеру испано-американская война была империалистической как со стороны Соединенных Штатов, воевавших за захват колоний, так и со стороны Испании, стремившейся сохранить в колониальной зависимости народы Филиппин, Кубы и Пуэрто-Рико¹¹. К началу войны Филиппины так же, как и Куба, были охвачены пожаром освободительного восстания, благодаря чему испанский колониальный режим и там был уже подорван. С целью привлечь кубинцев и филиппинцев в качестве союзников против Испании правительство США обязалось

⁹ Несколько лет назад кубинское государственное издательство издало эту карту массовым тиражом, чтобы еще раз разоблачить подлинные цели империалистов США, развязавших испано-американскую войну 1898 г. под лживым предлогом «освобождения Кубы».

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 164.

¹¹ «Грабят Кубу и Филиппины», — писал об этой войне Ленин (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 669).

признать независимость Филиппин и Кубы. Использование американским империализмом национально-освободительного движения народов этих стран было одной из важных особенностей испано-американской войны. Американские «союзники» старались выиграть войну главным образом руками кубинцев и филиппинцев, вынесших основную тяжесть борьбы на суше. Только на Пуэрто-Рико, где американцам пришлось самим воевать с испанскими войсками, они потеряли 3 тыс. убитыми. На Кубе же в ходе боевых операций американцы потеряли убитыми всего 16 человек.

Уже 1 мая флотилия американского адмирала Дьюи атаковала и потопила в Манильской бухте (Филиппины) эскадру адмирала Монтехо. 3 июля в морском бою у Сантьяго де Куба была уничтожена вторая испанская эскадра под командованием адмирала Серверы. Лишенная флота и возможности поддержать свои войска на Кубе и Филиппинах, Испания вынуждена была капитулировать. 12 августа был подписан протокол о прекращении военных действий между США и Испанией, по которому последняя отказывалась от всяких прав на Кубу и обязалась эвакуировать оттуда свои войска.

В этом протоколе не говорилось ни слова о признании независимости Кубинской республики, а ее представители даже не были приглашены подписать протокол. Но, хотя США по существу игнорировали кубинское правительство, его дипломатический агент в Вашингтоне Томас Эстрада Пальма поспешил одобрить протокол и потребовал, чтобы правительство отдало Освободительной армии приказ прекратить военные действия. На этом настаивали американцы, и такой приказ был отдан. Тем самым, не получив никакой гарантии, правительство Кубинской республики вручило судьбу независимости страны в руки американских оккупантов. В декабре 1898 г. Эстрада Пальма, стремясь не допустить возможности выступления кубинских патриотов против незваных «опекунов» янки, распустил Кубинскую революционную партию. В январе 1899 г. была распущена Освободительная армия.

Доживало последние дни и правительство Кубинской республики, прекратившее свое существование в апреле 1899 г. Буржуазно-помещичья верхушка Кубы, тесно связанная с американским рынком, перешла на сторону оккупантов и предала интересы революции. Т. Эстрада

Пальма и круги, интересы которых он выражал, приветствовали американское господство на Кубе, видя в американских штыках гарантию своего привилегированного положения.

Во время испано-американской войны так же, как и в период вооруженного восстания кубинцев против испанских колонизаторов, президент Мак-Кинли и государственный департамент США отказывались официально признать правительство Кубинской республики. После капитуляции испанцев Вашингтон повел себя еще более бесцеремонно. Представители кубинского народа не были приглашены на созванную в Париже конференцию по выработке мирного договора с Испанией. Подписанный 10 декабря 1898 г. Парижский мирный договор передал под власть Соединенных Штатов принадлежавшие Испании острова Гуам и Пуэрто-Рико, а также — за денежную компенсацию в 20 млн. долл. — Филиппины. Однако правительство Филиппинской республики отказалось признавать этот империалистический договор и лишь силой оружия, в результате четырехлетней кровавой войны против филиппинского народа, американскому империализму удалось утвердить свое господство над Филиппинским архипелагом.

Что касается Кубы, то Испания отказалась от всех своих прав и суверенитета над ней и после эвакуации испанских войск остров подлежал оккупации войсками США. О независимости Кубы в Парижском договоре даже не упоминалось и длительность оккупации определена не была. Флаг, который взвился над гаванским дворцом после того, как был спущен флаг метрополии, был флагом не Кубы, а Соединенных Штатов: звездно-полосатым флагом.

Заключив империалистический мирный договор, противоречивший стремлениям кубинского и филиппинского народов к независимости, правящие круги США вероломно предали своих союзников в войне с Испанией и грубо растоптали свои обязательства перед ними. «Соединенные Штаты, — пишет в этой связи А. Нуньес Хименес, — вмешались в войну Кубы против Испании через три года после ее начала, вмешались для того, чтобы воспользоваться успехами Кубы и победами повстанцев и осуществить свои аннексионистские замыслы. Американский империализм украл победу кубинского народа, уста-

новив свою военную и гражданскую власть в бывшей испанской колонии».

В самый разгар испано-американской войны, используя благоприятно сложившуюся обстановку, правительство США завершило начатый им еще в 1893 г. захват Гавайских островов. Оценивая значение этой аннексии, В. И. Ленин писал: «Гавайские острова — $1/2$ дороги от Панамы в Гонконг»¹².

Таким образом, в результате испано-американской войны Соединенные Штаты к началу XX в. превратились в крупную колониальную и великую мировую державу и вышли на дорогу «большого» империалистического грабежа. Именно поэтому, приводя пророческие слова Д. Гобсона (сказанные им еще в 1902 г.) о том, что «Куба, Филиппины и Гавайи — это только «закуска», В. И. Ленин отметил их на полях своей тетради тремя чертами¹³. Как известно, наиболее откровенные идеологи американского империализма уже в самом начале XX в. поставили вопрос о завоевании им мировой гегемонии.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 186.

¹³ Там же, стр. 390.

Республика с петлей на шее

1 января 1899 г. произошла официальная передача управления Кубой Соединенным Штатам. Колониальную власть Испании сменила власть североамериканских интервентов. На острове был установлен военно-оккупационный режим. Для того чтобы не допустить повторения филиппинских событий и лишить кубинскую революцию ее главной силы, была, как уже отмечалось, распущена Освободительная армия. В крупных городах разместились американские оккупационные войска. Американская пресса много писала о «неспособности кубинцев к самоуправлению» и необходимости для США самим «решить судьбу острова».

Все это стало возможным прежде всего благодаря предательской позиции имущих классов Кубы. Крупные кубинские плантаторы, сахарозаводчики и коммерсанты, связанные с американским рынком и зависящие от него, никогда не возражали против возможности присоединения Кубы к США. Буржуазно-помещичьи круги, участвовавшие в национально-освободительном движении и оказавшиеся теперь перед выбором — либо мобилизация масс на дальнейшую борьбу за независимость против новых колонизаторов-янки и, следовательно, углубление революции, либо обещания формальной независимости и роль младшего партнера в эксплуатации своего народа, — предпочли последнее. Кубинская национальная буржуазия только складывалась, была еще слаба, по характеру своей деятельности связана с плантаторами и нередко с американским

капиталом. Она так же, как и помещики, боялась народных масс, их требований и видела в американской армии силу, способную помешать дальнейшему развитию революции.

И если, несмотря на предательство национальных интересов верхушкой имущих классов Кубы, американский империализм не решился все же тогда аннексировать остров, то главной причиной этого было сопротивление, оказанное оккупантам кубинским народом. Поверенный в делах России в Вашингтоне летом 1899 г. доносил министру иностранных дел Муравьеву, что на Кубе растет ненависть к американцам и агитация в пользу независимости. В одной из прокламаций, распространенной патриотами в тысячах экземпляров в провинции Матансас, говорилось: «Вы, свергнувшие иго испанского льва, будьте готовы бороться с коварным орлом... (имеется в виду орел, изображенный на гербе США. — Э. Н.). Спасение и мир водворятся только тогда, когда кубинский флаг будет развеваться от одного конца острова до другого».

Правящие круги США понимали, что в ответ на попытку аннексии острова кубинский народ немедленно поднялся бы вновь на вооруженную борьбу за свою свободу. Стойкость и героизм кубинцев в борьбе против испанских колонизаторов были хорошо известны в Вашингтоне. К тому же американские войска были заняты войной против филиппинского народа, а вести войну одновременно и на Филиппинах и на Кубе американскому империализму тогда было еще не под силу. Тем более, что общественное мнение как в Латинской Америке, так и в самих Соединенных Штатах было на стороне Кубы.

Сопротивление и борьба кубинского народа заставили правительство США признать независимость Кубы. Но одновременно оно сделало все, чтобы максимально ограничить эту «независимость» и превратить ее в чисто формальное понятие. Военный губернатор Кубы Леонард Вуд — «шулер в чине генерал-майора», как называл его Марк Твен, по приказу из Вашингтона, потребовал, чтобы кубинское Учредительное собрание назначило специальный комитет для определения «особых» отношений между США и Кубой и закрепления этого определения в конституции. В феврале 1901 г. военный министр США Э. Рут прямо потребовал включения в кубинскую конституцию пяти условий, сводящих независимость Кубы на нет.

Однако делегаты Учредительного собрания, несмотря на сильнейший нажим военных властей, отказались принять подобные требования.

В связи с этим председатель специального комитета по вопросу отношений с Кубой, созданного в сенате США, сенатор Орвилл Г. Платт 25 февраля 1901 г. внес к обсуждавшемуся сенатом проекту закона об ассигнованиях на армию свою поправку, являвшуюся расширенным вариантом пяти требований Э. Рута. «Поправка Платта» включала восемь условий, следующим образом определявших характер будущих кубино-американских отношений: правительству Кубы запрещалось уступать или сдавать в аренду третьим странам какую-либо часть своей территории, а также заключать у них займы, если уплата процентов по ним превышает обычные государственные доходы; правительство США в целях «поддержания порядка» и «защиты независимости» Кубы получало право оккупации ее территории своими войсками; все действия оккупационных властей США на Кубе признавались законными; военные власти США обязаны были провести на Кубе систему санитарных мероприятий; решение вопроса о принадлежности Кубе острова Пинос откладывалось на будущее; все перечисленные условия должны были быть оформлены в виде бессрочного договора между США и Кубой. Президент США уполномочивался вывести американские оккупационные войска с Кубы только после того, как условия «поправки» будут включены в кубинскую конституцию. Конгресс США принял «поправку Платта», причем во время обсуждения ее сенатор Корлисс произнес фразу, ставшую знаменитой. «Я, — заявил он, — голосую за поправку, так как полагаю, что она обеспечит нам незыблемость нашей власти на Кубе».

«Поправка Платта» вызвала резкий протест кубинского народа. В тот самый день, 2 марта 1901 г., когда президент Мак-Кинли подписал законопроект, включавший «поправку», в Гаване состоялась грандиозная народная демонстрация, насчитывавшая более 15 тыс. участников. Демонстранты направились к резиденции генерал-губернатора и вручили ему послание протеста для передачи президенту США. В последующие дни демонстрации и митинги протеста состоялись во многих городах Кубы. По всему острову распространялось обращение к американскому народу с требованием признать право кубинцев

«на абсолютную независимость» их родины и образование своей суверенной республики!

Лишь в результате самого грубого нажима, а также предательства национальных интересов со стороны кубинских крупных землевладельцев и буржуазии американским властям удалось добиться того, что Учредительное собрание большинством всего в пять голосов приняло (12 июня 1901 г.) решение о включении «поправки Платта» — в качестве приложения в конституцию Кубы. При этом, как замечает буржуазный кубинский историк, «генерал Вуд поставил вопрос ребром: «Не одобрите поправку, не будет республики».

Так американский империализм, обманув кубинцев лицемерными обещаниями «помощи» в борьбе за освобождение Кубы и воспользовавшись их героической борьбой против испанских колонизаторов в своих корыстных целях, подчинил молодую Кубинскую республику своему господству. «Республика, — отмечалось в программе кубинских коммунистов (принятой VIII съездом Народно-социалистической партии Кубы), — родилась с накинутаой на шее петлей «поправки Платта»...» По существу были как бы перечеркнуты восемьдесят лет героической борьбы кубинского народа против испанской монархии за свою независимость.

Только добившись включения «поправки Платта» в кубинскую конституцию и превращения Кубы, по словам президента Т. Рузвельта, «в часть политической системы Соединенных Штатов», правительство США вывело свои оккупационные войска и 20 мая 1902 г. передало власть первому правительству Кубинской республики. Однако перед этим Вашингтон позаботился также и о том, чтобы кубинское правительство состояло из людей, устраивающих «американские интересы». Первым президентом республики при поддержке американского губернатора Вуда стал Томас Эстрада Пальма — человек, тридцать лет проживший в Соединенных Штатах и фактически уже плохо знавший Кубу. Ровно через год, 22 мая 1903 г., его правительство подписало с Соединенными Штатами так называемый Постоянный договор, составленный почти в тех же выражениях, что и «поправка Платта»¹⁴ и закрепивший «право» США на интервенцию на Кубе.

¹⁴ Договор был ратифицирован и вошел в силу 2 июля 1904 г.

В том же году было подписано соглашение об аренде Соединенными Штатами у Кубы территории для военно-морских баз. В бухте Гуантанамо (провинция Ориенте) — одной из лучших в мире по размерам, глубине и защищенности — США создали крупнейшую в Карибском море базу, контролирующую подступы к «ключу двух океанов» — Панамскому каналу.

Политика правительства США в отношении Кубы была ярким примером «того обмана, который систематически проводят империалистические державы, под видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства»¹⁵. «Поправка Платта» как раз и должна была замаскировать подлинный характер господства американского империализма на Кубе. Использование подобных, прикрытых видимостью «юридической» законности форм колониального закабаления стало в XX в. одной из специфических черт американского империализма. В географических атласах появился еще один флаг, еще один герб. На географических картах появился новый цвет. Однако Куба не была независимой республикой. Она была колонией, в которой правил посол Соединенных Штатов Америки.

Вашингтон был доволен марионеточным правительством, возглавляемым Т. Эстрада Пальма. Однако в стране росло недовольство проамериканской политикой этого правительства. В государственном аппарате царил коррупция. Экономическое положение трудящихся слоев населения, особенно крестьян и сельскохозяйственных рабочих, оставалось очень тяжелым, но правительство ничего не сделало для того, чтобы облегчить их участь. В результате в августе 1906 г. на острове вспыхнуло восстание против правительства Эстрада Пальма и американского империализма, в котором участвовали негритянские трудящиеся, городские и сельскохозяйственные рабочие, мелкие колонны. Общее число повстанцев достигало 15—20 тыс. человек. Повстанцы громили принадлежавшие американскому капиталу предприятия и плантации.

Американские дельцы на Кубе забили тревогу и под нажимом американского консула в Гаване Ф. Штейнгардта президент Эстрада Пальма запросил Вашингтон

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 167.

о «помощи». Правительство США немедленно же заявило о том, что на основании статьи 3 Постоянного договора оно посылает на Кубу свои войска. Оккупанты подавили освободительное движение и установили жесткий военный режим. Военный губернатор Ч. Магун, писал один из кубинских государственных деятелей, «сосредоточил всю власть в стране — в одно и то же время он правил и издавал законы: царь России, дополненный шахом Персии и турецким султаном». В каждом министерстве были посажены амерпканские советники. Один из них полковник Энох Краудер возглавил специальную комиссию, выработавшую для Кубы новые законы, позволившие американцам контролировать выборы и ставить у власти там своих людей.

Только обеспечив «избрание» президентом своего нового ставленника — лидера либералов Хосе Мигеля Гомеса — правительство США отозвало в январе 1909 г. американские войска с острова.

В США в эти годы правило правительство президента У. Тафта, проводившее в отношении Кубы так называемую превентивную политику. Вашингтон присвоил себе — якобы на основе Постоянного договора — «право» не только осуществлять интервенцию, но и следить за тем, чтобы не возникало причин для нее. Угрожая вооруженной интервенцией, правительство США стало теперь постоянно вмешиваться во внутренние дела Кубы, что привело к дальнейшему усилению ее зависимости от американского империализма. Лишь «между 1906 г., когда США снова, на три года, захватили контроль над Кубой, и 1917 г. они, — как пишет современный американский историк Т. Фримэн, — вмешивались военным и политическим путем в ее дела восемь раз».

Так, когда в 1912 г. в провинции Ориенте вспыхнуло восстание негритянского населения против расовой дискриминации, возглавленное «Независимой партией цветных», то Вашингтон пригрозил новой высадкой морской пехоты. Восстание было жестоко подавлено, причем около трех тысяч повстанцев (в том числе и лидер «Партии цветных» ветеран Освободительной армии генерал-негр Эваристо Эстеньос) были убиты. Затем началась расправа с их семьями. «Трупы негритянских женщин и детей, убитых солдатами, — свидетельствует американский автор, — валялись на дорогах».

В 1913 г. Соединенные Штаты Америки не допустили принятия закона об амнистии находившихся в тюрьмах участников восстания.

С 1913 по 1921 г. президентом Кубы был лидер консервативной партии генерал Марио Гарсия Менокаль. Инженер по образованию, воспитанник Корнельского университета, Менокаль был больше американцем, чем кубинцем. В войне за независимость он получил чин генерал-майора, а во время первой американской оккупации был назначен главой столичной полиции и отличился разгромом первой всеобщей забастовки на Кубе. Он стал преуспевающим владельцем плантаций, завязал тесные связи с американскими дельцами и в годы второй оккупации занял пост генерального управляющего Кубино-американской сахарной компании — одной из крупнейших американских монополий, действовавших в то время на Кубе. Вплоть до своего избрания в президенты Менокаль оставался поверенным главы этой компании — американского конгрессмена и дельца Хаули. Сделавшись президентом, он продолжал поддерживать тесную связь с Хаули, ставшим наряду с американским посланником на Кубе одним из ближайших его советников.

Политика репрессий в отношении трудящихся и подчинения экономики страны североамериканскому капиталу, проводимая правительством Менокаля, вызывала все большее возмущение в народе. Фальсификация в пользу Менокаля результатов очередных президентских выборов привела в феврале 1917 г. к восстанию, возглавленному видными деятелями либеральной партии. Опираясь на поддержку населения, восставшие захватили власть в городе Сантьяго-де-Куба и в ряде других населенных пунктов. И если бы не помощь Вашингтона, «сахарный президент» Менокаль едва бы удержался у власти на второй президентский срок.

США объявили, что они считают восстание «незаконным актом» и будут поддерживать существующее правительство. Военное министерство США поспешило передать этому правительству 10 тыс. ружей и 5 млн. патронов. Затем «для оказания помощи в охране порядка» на Кубе высадились солдаты морской пехоты и американской армии, оккупировавшие почти всю провинцию Ориенте и часть провинции Камагуэй. И хотя восстание было полностью подавлено уже в июле 1917 г., американские войска

оставались на Кубе почти пять лет — до конца января 1922 г.

В последние годы первой мировой войны контроль американского империализма над Кубой увеличился еще больше. В Гавану прибыли военная и военно-морская миссии США. Американские офицеры наблюдали за осуществлением цензуры в прессе, на почте и телеграфе; американский офицер контролировал даже фабрику по производству обмундирования для солдат кубинской армии.

* * *

«Поправка Платта» и американские оккупации создали особые, совершенно исключительные условия для проникновения на Кубу американского капитала. Американские компании стали в еще более широких масштабах, чем прежде, скупать там земли, создавать сентрала, строить железные дороги, брать концессии на коммунальные предприятия и добычу минеральных богатств острова. Так, уже военный губернатор Леонард Вуд предоставил американским компаниям более полутора ста концессий на разработку полезных ископаемых — залежей асфальта, угля, графита, меди, железа, марганца, золота, серебра, свинца и цинка. Очень скоро в руках американского капитала оказалась почти половина всего производства сигар и сигарет на острове и 90% экспортной торговли гаванскими сигарами.

Американские дельцы за смехотворную цену — стоимость одной кабальерии (13,43 га) земли не превышала иногда стоимости пачки сигарет — скупали землю, особенно на востоке острова и создавали там свои плантации сахарного тростника. Например, в 1905 г. филиал «Юнайтед Фрут» — «Найпбэй компани» — купила на севере провинции Ориенте 50 тыс. га земли за ничтожную сумму в 100 долларов.

В 1903 г. и снова в 1909 г. в конгресс Кубы вносились проекты закона, запрещавшего иностранцам приобретать недвижимую собственность на Кубе. Но под нажимом США они были провалены, и кубинская земля продолжала переходить в руки американских дельцов. Только в провинции Камагуэй, например, насчитывалось 7 тыс. землевладельцев-американцев, владевших десятой частью всей территории провинции.

Чтобы еще крепче привязать Кубу к США, ее заставили в 1903 г. подписать договор о взаимном режиме наибольшего благоприятствования в области торговли, причем эта «взаимность» оказалась такова, что Куба почти лишилась возможности торговать с кем-либо, кроме США. Договор помог американским монополиям постепенно вытеснить с кубинского рынка европейские, прежде всего английские, товары и капитал и полностью подчинить себе экономику острова. Накануне первой мировой войны инвестиции США на Кубе оценивались приблизительно в 220 млн. долл. И почти в такую же сумму оценивался весь остальной иностранный капитал, вложенный в экономику Кубы.

В борьбе с конкурентами американский капитал опирался на прямую поддержку Вашингтона. Узнав, например, о намерении кубинского правительства предоставить английским капиталистам концессию на постройку железной дороги Нуэвитас—Кайбарьен (провинции Лас-Вильяс и Камагуэй), государственный департамент Соединенных Штатов потребовал, чтобы конгресс Кубы отложил утверждение концессионного договора, ибо «выиграет от этого капитал, который не является ни американским, ни кубинским».

Острая конкурентная борьба шла и в области торговли. Когда в 1905 г. кубинское правительство подписало торговый договор с Англией, дававший ей ряд льгот, государственный департамент США заявил протест и заставил кубинское правительство существенно изменить условия этого договора.

Американская дипломатия стремилась создать для монополий США преимущественное положение не только в отношении европейского, но и в отношении национального кубинского капитала. Так, в 1912 г. кубинское правительство решило предоставить местной фирме концессию на разработку лесных богатств болотистого полуострова Саната, в которой был заинтересован один североамериканский делец. Это вызвало открытое вмешательство Вашингтона. Заявив, что подобная концессия свидетельствует о «расточительстве государственных ресурсов», государственный департамент США на основании статьи 3 «поправки Платта» предостерег кубинское правительство против «неразумной финансовой политики» и заставил президента Х. М. Гомеса отменить концессию.

Иначе говоря, ради обеспечения высоких прибылей американским финансистам правительство США не останавливалось перед открытой угрозой интервенции на основании «поправки Платта».

Важную роль в дальнейших судьбах Кубы сыграла первая мировая война 1914—1918 гг., вызвавшая усиленный спрос на кубинский сахар. В процессе начавшейся еще до войны реконструкции кубинской сахарной промышленности американскими капиталистами, а также крупными местными землевладельцами и сахарозаводчиками строились новые централь, прокладывались частные железные и шоссейные дороги. В то же время продолжался начавшийся еще в конце XIX в. процесс концентрации производства: общее число центральных уменьшилось с 207 в 1899 г. до 177 в 1914 г. Но мощность их более чем удвоилась — к началу войны Куба производила почти 2,6 млн. т сахара-сырца в год.

В связи с порожденной войной нехваткой сахара во всем мире цены на него быстро росли, что вызвало подлинную «сахарную лихорадку» на Кубе. За годы войны было построено и реконструировано почти четыре десятка центральных. Американские сахарные магнаты скупали плантации и заводы, принадлежавшие кубинцам, объединяли предприятия и создавали новые компании. Так, в 1915—1916 гг. была создана одна из крупнейших американских компаний на острове — «Кьюбэн кэйн шугар корпорейшн», располагавшая 14 (а позже даже 18) центральями, на долю которых приходилась шестая часть всего урожая сахарного тростника на Кубе.

Большая производственная мощность новых предприятий требовала значительного увеличения поставок сахарного тростника для них. В связи с этим центральи усиленно развивали свою собственную железнодорожную сеть. Скупая большие земельные площади, центральи ставили крестьян, обрабатывающих эти земли, в зависимое от себя положение, либо разоряли и сгоняли их с земли. Появилась категория так называемых зависимых колоннов, живущих во владениях центральных и связанных с ними грабительскими контрактами. Число их быстро возрастало. Сахарные компании стремились также иметь свое плантационное хозяйство, используя в нем наемных рабочих с тем, чтобы обеспечить центральи сырьем по цене более низкой, чем они платили колоннам,

Образовалась, таким образом, система огромных сахарных латифундий, располагающих десятками тысяч гектаров земли. В то же время десятки тысяч разоренных и обезземеленных крестьян превратились в наемных плантационных рабочих. Ради того чтобы еще больше удешевить стоимость рабочей силы для плантаций и еще больше увеличить свои прибыли, американские компании добились разрешения на ввоз ими батраков-негров с Гаити и Ямайки.

В 1919 г. продукция сахара на Кубе, впервые в ее истории, превысила 4 млн. т, а стоимость ее достигла 472 млн. песо. Капиталовложения США здесь в 1920 г. перевалили за полмиллиона долларов, составив четверть всех их инвестиций в Латинской Америке. Североамериканские компании, действовавшие на Кубе, широко использовали в целях наживы выгодную конъюнктуру военных лет. Почти сразу же после вступления Кубы в войну (1917) правительство США установило — в качестве меры военного времени — контроль над сбытом кубинского сахара. Для закупки его была создана специальная организация во главе с Гербертом Гувером. Цена за фунт сахара-сырца была установлена в 4,6 цента (позже 5,5 цента). А когда кубинские производители сахара отказались заключать контракты на основе этой цены, заниженной по сравнению с ценой, сложившейся на мировом рынке, Вашингтон приостановил отпавку импортируемого Кубой из США продовольствия и угля. На острове возникли серьезные перебои с продуктами. И только после того, как контракты на основе навязанной Вашингтоном цены были подписаны, мука и другие товары стали снова поступать на Кубу. На скупке и перепродаже кубинского сахара урожая 1918—1919 гг. США получили 42 млн. долл. чистой прибыли¹⁶.

После войны, когда контроль над сбытом сахара был снят, а Европа еще нуждалась в кубинском сахаре, цена на него стала расти еще быстрее. В феврале 1920 г. она составляла уже 9 сентаво, а в конце мая 1920 г. достигла кульминационного уровня — 22,5 сентаво за фунт сахара-

¹⁶ Герберт Гувер заявил даже, что благодаря этим мерам контроля цена на сахар, уплачиваемая американским народом во время войны, была на 4 цента меньше, чем она была бы в противном случае. «Если это правда, — пишет кубинский автор, — то для Кубы это означает жертву в 600 миллионов долларов».

сырца. Стремительный рост цен сопровождался дикой спекуляцией. «Ни в какой части мира спекулятивная лихорадка не была более сильна, чем на Кубе», — свидетельствует тот же Дженкс. Американские компании скупали сахар-сырец, а также плантации и сентрали. В 1919—1920 гг. сменили своих хозяев около 50 сахарных заводов (т. е. четверть общего числа их на острове).

На росте цен наживались, однако, не только сахарозаводчики и сахарные компании. Торговцы и спекулянты создавали в несколько недель целые состояния. Эти новые богачи покупали и строили себе в Гаване роскошные особняки, обзаводились американскими автомобилями и т. д.

Но послевоенный сахарный бум, вошедший в историю под названием «пляски миллионов», длился очень недолго. В октябре цена за фунт сахара-сырца упала до 7, а в декабре — до 3,75 сентаво. Экономический кризис, разразившийся в 1920—1921 гг., нанес катастрофический удар по экономике Кубы, продукция которой перестала находить сбыт на мировом рынке. Это была такая «пляска», в результате которой многие за одну ночь становились богатыми, а еще больше людей за ту же ночь становились бедняками.

Положение усугубило повышение в 1921 и в 1922 гг. в общей сложности на 76% пошлин на ввоз сахара в США.

Разорились сотни сахарозаводчиков и помещиков, а также тысячи колонов, оказавшихся не в состоянии вернуть займы, полученные ими у банков в период бума. В результате банки не смогли выплатить деньги вкладчикам. Особенно пострадали предприятия, принадлежавшие кубинскому и испанскому капиталу. В 1921 г. около двух десятков кубинских и испанских банков потерпели банкротство. Обанкротились сотни коммерческих, строительных и других фирм. Американские предприятия, обладавшие, как правило, большим капиталом, оказались устойчивее в конкурентной борьбе. Государственная казна также оказалась пуста.

Финансовые магнаты Уолл-стрит не преминули воспользоваться тяжелым экономическим положением Кубы. Американские банкиры пришли «на помощь», но взамен завладели значительной частью кубинской сахарной промышленности. Американский капитал завладел также

многими предприятиями общественного пользования. К 1923 г. американские капиталовложения на Кубе достигли 1,2 млрд. долл., т. е. увеличились в шесть раз по сравнению с довоенным временем. Американские банки стали ведущими финансовыми учреждениями на острове.

В первые же месяцы послевоенного экономического кризиса правительство Менокаля обратилось за помощью к Соединенным Штатам, и в Гавану прибыл в качестве личного представителя президента В. Вильсона знакомый уже кубинцам генерал Э. Краудер.

Один из современных кубинских журналов следующим образом описывал первые дни пребывания Краудера в Гаване: «Высокий, сухопарый, он отдавал распоряжения, сидя у себя в каюте на крейсере «Миннесота», стоявшем на якоре в Гаванской бухте. Политики, коммерсанты, банкиры, лица самых разнообразных занятий — все шло туда... Палубы внушительного крейсера из-за постоянного наплыва публики напоминали улицы. Передвижение с берега на крейсер и с крейсера на берег не прекращалось ни на секунду. Все спешили повидаться с посланцем Вильсона. У него в каюте перебивало больше людей, чем в кабинете у президента Кубы. Здесь была истинная власть».

В мае 1921 г. президентом Кубы стал Альфредо Сайяс. В Вашингтоне в 1921 г. также произошла смена декораций — демократов сменили у власти республиканцы. Однако новый хозяин Белого дома президент У. Гардинг оставил Краудера в качестве своего личного представителя в Гаване. Ему предстояло обеспечить максимально благоприятные условия для «деятельности» американских промышленников и банкиров на Кубе. Так начался период двухлетней «дипломатической интервенции», которая, по словам американского исследователя кубино-американских отношений, превзошла все известное до тех пор в применении «превентивной политики».

Правительство Сайяса направило в США специальную делегацию для переговоров о займе, и в связи с этим на Кубу прибыли представители американских банковских кругов. Краудер, используя отчаянное финансовое положение кубинского правительства, рекомендовал Вашингтону обусловить согласие на этот заем предоставлением посланнику США права контролировать бюджет Кубы.

Затем Краудер потребовал на основании «поправки Платта» формального признания Кубой права на обследование представителями правительства США деятельности любого кубинского министерства. И хотя Сайяс протестовал против подобной интерпретации «поправки Платта», Краудер начал осуществлять это «право», требуя у различных ведомств специальные доклады и другую информацию. Одновременно Гавану ошачливили своим присутствием прибывшие из США «эксперты», «изучавшие» налоговую систему и контракты на общественные работы, «упорядочивавшие» банковское законодательство и рекомендовавшие кубинскому правительству заключить заем в 50 млн. долл. на Уолл-стрит.

Летом 1922 г. Краудер направил президенту Сайясу пятнадцать так называемых меморандумов, содержавших критику различных аспектов деятельности кубинского правительства и требования осуществить целый ряд мероприятий в интересах дальнейшего укрепления позиций американского капитала на Кубе (в том числе требования заключить заем в 50 млн. долл., вдвое сократить государственный бюджет, ввести новые налоги, согласиться на контроль американских держателей акций над кубинской банковской системой, создать «честный» кабинет министров, который бы покончил с коррупцией в государственном аппарате, и т. д.)

В июне 1922 г. большинство министров кабинета Сайяса вышли в отставку, и было сформировано новое правительство, состав которого был согласован с Краудером. На Кубе это правительство так и называли — «кабинет Краудера». Сайяс остро нуждался в займе и, не имея иного выхода, «вынужден был править совместно с американским генералом, стремившимся давать советы даже в деталях, с невысказанной прямо, но маячившей вдали угрозой интервенции, если он не примет этих советов». Сложившееся положение ярко отразила карриатура на эту тему в юмористическом еженедельнике «Ла политика комика» от 16 июля 1922 г. Под заголовком «Два президента» на ней был изображен подписывающий документ Сайяс, рукой которого водит стоящий за ним Краудер. Под рисунком было написано: «Какое же имя мне подписать — Краудер или свое?»

Кубинская общественность с возмущением протестовала против непрерывного и наглого вмешательства посланца

Вашингтона во внутренние дела страны. Сенат Кубы даже принял две резолюции протеста против «нового расширения превентивной политики». Государственный департамент США выступил, однако, с заявлением, в котором подчеркнул свое полное доверие к Краудеру и выразил надежду на то, что выдвинутая последним программа будет принята. В конце концов под большим нажимом Краудера и самого Сайяса кубинский конгресс провел ряд предложенных в «меморандумах» реформ, в том числе закон о займе в 50 млн. долл. Этот заем, заключенный на очень обременительных для Кубы условиях (из 5,5% годовых), явился, по словам одного из членов кубинского конгресса, «новым звеном в золотой цепи, приковывающей Кубу к колеснице Соединенных Штатов».

Оценивая деятельность Краудера как «интервенцию де-факто», американский историк Р. Фитцджеральд пишет: «Роль Краудера на Кубе в 1921—1922 гг. была уникальной... Он был наиболее влиятельным лицом в кубинском правительстве в течение этого времени». Он был «в правительстве, хотя и не входил в него, и, применяя стереотипное выражение, его слово было почти законом».

В конце 1922 г. Краудер покинул Гавану, но уже в феврале 1923 г. вновь вернулся туда в качестве американского посла. Возвращение его на Кубу, несмотря на многочисленные протесты кубинцев против его деятельности там, было вызвано прямым требованием действующих на острове американских банков и корпораций. Так, представитель банкирского дома Моргана, сообщая в конфиденциальном письме государственному секретарю Ч. Э. Юзу о «пожелании» банкиров видеть Краудера на посту посла в Гаване, прямо подчеркивал, что «благополучие» предоставляемого Морганом Кубе займа в 50 млн. долл. зависит «в большей мере от умения американского представителя, поддерживаемого государственным департаментом, руководить кубинским правительством».

Тогда же Американская торговая палата в Гаване обратилась к заинтересованным предпринимателям и коммерсантам в США с заявлением о том, что для защиты американских вложений на Кубе было бы весьма важно продлить миссию Краудера и назначить его послом в Гаване. Подобного рода аргументы повторялись и в других письмах, направленных с этой целью в государственный департамент и членам сената. Выполняя требования «де-

ловых кругов», конгресс США принял специальный закон, позволивший Э. Краудеру получить дипломатический статус, не уходя в отставку из армии.

На посту посла в Гаване Краудер находился до лета 1927 г., по уже не пользовался правом такого же контроля над кубинским правительством, как это было в 1921—1922 гг. Это обстоятельство и вообще отказ государственного департамента США от политики открытого диктата в отношении кубинского правительства, осуществлявшейся Краудером в 1921—1922 гг., дал ряду американских историков повод утверждать, что начиная с 1923 г. Соединенные Штаты якобы отказались от «превентивной политики».

Однако в действительности изменилось отнюдь не существо политики, а лишь методы «влияния».

Ловкий и достаточно беспринципный политик А. Сайяс вполне устраивал монополистов США в качестве кубинского президента. Он сделал все, что они потребовали, и заслужил их благосклонность. Не случайно один из наиболее влиятельных деятелей Уолл-стрит Ч. Э. Митчелл из «Нейшнл сити бэнк» в августе 1923 г. на банкете провозгласил тост за Кубу — «платежеспособную нацию, имеющую прекрасное правительство». Глава этого правительства значительно облегчил американским монополиям возможность наживаться за счет эксплуатации народа Кубы. Но он не забывал и себя. «Поставив 14 членов своей семьи на ключевые должности...», — пишет К. Билс, — Сайяс повел правильную осаду государственной казны. 367 тыс. долл. было истрачено на ремонт несуществующих мостов. Он санкционировал покупку у церкви монастыря в Санта Клара по баснословно завышенной цене в 2 350 000 долл., получив взятку в один миллион. Противники Сайяса считали, что за время своего президентства он «заработал» таким путем от 2 до 14 миллионов... Однако, если он и запустил длинные пальцы в казну, то в этом ему по-королевски помогали американские подрядчики, концессионеры и так называемые респектабельные деловые интересы». В народе Сайяс получил прозвище «похитителя песет», или казнокрада.

Как свидетельствуют факты, Вашингтон, действительно, начиная с 1923 г. несколько изменил свою тактику, стараясь обходиться без оккупации Кубы своей морской пехотой и без посылки в Гавану высокопоставлен-

ного надсмотрщика, открыто диктующего свою волю кубинскому президенту и правительству, как это делал Краудер. Двумя основными факторами, побудившими американский империализм пойти на это, были: установление монопольного господства финансового капитала США над кубинской экономикой, а главное — бурный подъем в Латинской Америке, в частности на Кубе, рабочего и антиимпериалистического движения, вступившего после Октябрьской социалистической революции в качественно новый этап своего развития.

Президент тысячи убийств

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула угнетенные народы мира и зажгла огонь надежды в сердцах борцов за свободу на всем земном шаре. Куба не была исключением, тем более, что рабочее и освободительное движение здесь имело уже к этому времени свои традиции: первые забастовки были отмечены на Кубе еще в 60-х годах прошлого века и тогда же появились первые организации рабочих и ремесленников. В 1880-х годах пропаганду социализма на Кубе и среди кубинских эмигрантов в США вел Карлос Баллиньо — один из соратников Хосе Марти и основателей Кубинской революционной партии. В 1900 г. была основана Народная партия — первая на Кубе партия трудящихся, а в 1904 г. — Рабочая социалистическая партия, провозгласившая своей доктриной марксизм. Первое десятилетие XX в. ознаменовалось значительным усилением рабочего движения: в 1899—1902, 1906—1907, 1911—1912 гг. по острову прокатились волны забастовок. Бастовали строители, железнодорожники, табачники, деревообделочники, портовые грузчики, возчики и др. В годы первой мировой войны положение рабочих значительно ухудшилось. «Волна стачек и беспорядков, сопровождавшихся угрозой революции, — свидетельствует американский историк Р. Смит, — была важной причиной американской интервенции в 1917 году». В 1918 г. забастовки вспыхивали одна за другой в разных районах острова, вылившись в ноябре во всеобщую стачку.

К этому времени на Кубе начало проявляться влияние социалистической революции, совершенной рабочими и крестьянами далекой России. Первая демонстрация солидарности с Октябрьской революцией произошла в Гаване 1 мая 1918 г. В 1919 г. не было ни одного месяца без забастовок, демонстраций, митингов протеста против интервенции в России, столкновений между рабочими и полицией. Менее чем за год состоялись три всеобщие стачки. В 1920 г. наряду с рабочим движением активизировалось студенческое движение. Правительство отменило конституционные гарантии и использовало для подавления забастовок не только полицию, но и солдат.

Рост рабочего движения на Кубе вызвал тревогу в Вашингтоне. Когда в 1919 г. в Гаване начались отмеченные выше забастовки, США послали в гаванский порт крейсер, две канонерки и около десятка истребителей. Только в связи с тем, что кубинское правительство привлекло руководителей забастовщиков к суду и подавило стачку, свидетельствует тот же Р. Смит, «морская пехота не была высажена» в столице Кубы. Поскольку официальный предлог пребывания высаженных еще в 1917 г. американских войск на острове — «обучение в связи с военными усилиями» — потерял после окончания войны всякий смысл, кубинцы все настойчивее требовали вывода этих войск.

Однако американские железнодорожные и сахарные компании, действовавшие на Кубе, старались помешать этому. В 1921 г. президент «Кьюбэн компани» Герберт Лэйкин даже ездил специально с этой целью в Вашингтон и посетил государственный департамент, министерство внутренних дел и военное министерство. В письме государственному секретарю Ч. Юзу он писал:

«Солдаты морской пехоты были посланы в Камагуэй в июле 1917 г. ... Их лагерь находится на нашей земле, близ наших железнодорожных мастерских. Они были весьма существенной поддержкой для нас и их присутствие спасло нас от гораздо больших волнений, чем те, что имели место... Эта часть Кубы является рассадником большевизма. Большевики склоняют народ к разрушению собственности. Присутствие морской пехоты препятствует им в этом деле».

Проконсультировавшись с Краудером, Юз поддержал просьбу Лэйкина о продлении срока пребывания солдат

морской пехоты США в провинции Камагуэй. А последовавшие затем аресты служащих железной дороги — кубинцев — американскими солдатами достаточно ясно показали, какова была подлинная задача американских войск на Кубе. В результате под нажимом общественного мнения палата представителей кубинского конгресса 5 декабря 1921 г. приняла резолюцию, требовавшую вывода морской пехоты США. Ряд кубинских органов печати развернул активную кампанию в печати в поддержку этой резолюции. В частности, одна из гаванских газет поместила статью под заголовком «Ненависть к североамериканцам станет религией кубинцев!» Движение за вывод американских войск было настолько сильным, что 26 января 1922 г. остатки их были эвакуированы из провинции Камагуэй на военную базу США в Гуантанамо.

Послевоенный экономический кризис, положивший конец «пляске миллионов» на Кубе, резко ухудшил положение трудящихся, вызвал массовую безработицу, разорение тысяч крестьян, ремесленников, владельцев мелких и средних торговых предприятий. Значительно увеличилась концентрация трудящихся в промышленных центрах. Кризис ускорил развитие рабочего движения и способствовал усилению антиимпериалистических чувств у мелкой буржуазии и студенчества, начавших с этого времени все чаще выступать вместе с рабочими. Недовольство масс вылилось в 1921—1924 гг. в новую волну стачек, крестьянских и студенческих выступлений. Цеховые профсоюзы впервые стали объединяться в отраслевые, а затем в провинциальные профорганизации. В 1925 г. были созданы Коммунистическая партия Кубы и Национальный профцентр — КНОК (Кубинская национальная рабочая конфедерация).

Антиимпериалистические настроения, требование покончить с оскорбительной «поправкой Платта» и вмешательством «империализма янки» в дела Кубы к середине двадцатых годов усилились не только среди трудящихся, но и в кругах национальной буржуазии, все настойчивее требовавшей защиты от американского капитала, и буржуазной интеллигенции. Правившая буржуазно-помещичья верхушка не могла не считаться с этими настроениями — лидеры буржуазно-помещичьих партий, профессиональные политики, сами владевшие сахарными заводами и плантациями, охотно использовали национа-

листического характера лозунги и фразологию в целях обмана народа для маскировки предательства национальных интересов, а также ради личной популярности, чтобы пробраться к власти.

Современный американский буржуазный историк Р. Смит называет их тактику «официальным» или «деловым национализмом». Он пишет: «После первой мировой войны кубинский национализм стал значительно сильнее, и растущий кубинский бизнес стал его первым представителем. Кубинские бизнесмены желали тесно сотрудничать с американским бизнесом, и последний стал твердой опорой этого «делового национализма». В качестве наиболее яркого примера такого «сотрудничества» можно привести историю прихода к власти и правления кубинского президента Мачадо.

Херардо Мачадо-и-Моралес родился в 1871 г. Еще во время испанского господства он пользовался печальной известностью в родной провинции Санта-Клара, где вместе с отцом совершал налеты на чужие стада крупного рогатого скота. Затем он участвовал в чине бригадира Освободительной армии в войне за независимость 1895—1898 гг. Используя приобретенные ранее навыки, он нападал на поместья крупных скотоводов, связанных с испанцами, и тем самым превратил похищение скота в «патриотическое предприятие». Добившись вскоре после провозглашения независимости Кубы избрания на должность мэра города Санта-Клара, Мачадо организовал поджог здания суда, где хранились документы, уличающие его отца в уголовных преступлениях. В 1905 г. он был выдвинут от либеральной партии кандидатом в губернаторы провинции, а когда либералы пришли к власти, занял в правительстве президента Х. М. Гомеса (1909—1913 гг.) пост министра внутренних дел. Этот пост позволял ему получить большой опыт управления политической машиной и приобрести весьма ценные связи. Министерство внутренних дел ведало предоставлением концессий, и, раздавая их американским и местным компаниям, Мачадо никогда не забывал о собственном кармане. К началу 1920-х годов он владел торговыми предприятиями, цементным заводом, был совладельцем нескольких небольших электростанций и т. д.

Как раз в это время одна из крупнейших американских электроэнергетических монополий — «Электрик бонд

энд шэйр компани» — начала скупать местные электростанции и другие предприятия коммунального обслуживания на Кубе. Президентом нового филиала монополии — Кубинской электрической компании стал американец Генри Кэтлин, вице-президентом (и, конечно, пайщиком) Херардо Мачадо. Скупив большинство местных электростанций на Кубе, Кэтлин и Мачадо затем перепродали их «Электрик бонд энд шэйр компани» и поделили прибыли между собой. К 1925 г. Кубинская электрическая компания снабжала электричеством, газом и водой почти весь остров, кроме Гаваны.

При прямой поддержке Кэтлина, тесно связанного с крупнейшими банками США «Чейз нэйшнл» и «Нэйшнл сити», Мачадо оказался на выборах в ноябре 1924 г. кандидатом в президенты республики сразу от двух партий — либеральной и народной — и был благополучно водворен в президентское кресло. Тем, кто стоял за спиной Кэтлина, это обошлось в полмиллиона долларов. Из них 80 тыс. было дано президенту Кубы Сайясу (1921—1925 гг.), выдвинутому народной партией на второй срок. За эту сумму он согласился снять свою кандидатуру в пользу Мачадо и оказывал ему всяческую поддержку во время предвыборной кампании. В круглую сумму обошелся и подкуп руководителей съезда либеральной партии, собравшегося для выдвижения кандидата в президенты¹⁷.

Мачадо помогло также и то обстоятельство, что его главный соперник по партии — полковник Карлос Мендизета — допустил серьезную тактическую ошибку, заявив в интервью, что «будущее Кубы зависит от того, насколько тесно она пойдет рука об руку с Соединенными Штатами». Сам Мачадо действовал более искусно, изображая себя противником «поправки Платта» и поборником «национального возрождения». Еще в мае 1922 г. он заявил: «Для нашего народа пришел час... вернуть поправке Платта ее первоначальное значение... мертвого закона, который можно похоронить... Я всегда считал, что «поправка Платта» не дает правительству США права на какое-либо вмешательство в наши внутренние дела...»

¹⁷ Кубинский историк Марио Риэра утверждает, что Мачадо вручил Сайясу 4 млн. песо.

Во время избирательной кампании Мачадо ловко использовал националистические настроения ущемленной послевоенным кризисом и недовольной засильем иностранного капитала мелкой и средней буржуазии. Он не скупился на демагогические заявления и обещания и выступал как «сторонник либеральных реформ». В своем предвыборном манифесте он заявил о необходимости пересмотра «поправки Платта» и выдвинул программу, главными пунктами которой были обязательства создать «честное правительство», осуществить в широких масштабах общественные работы, не допускать дальнейшего увеличения государственного долга. Это создало ему широкую популярность и позволило на время привлечь на свою сторону не только мелкую и среднюю буржуазию, но и значительные слои трудящихся.

«Официальный национализм, — пишет тот же Р. Смит, — был хорош для внутреннего употребления и, стремясь стать кандидатом в президенты, Херардо Мачадо постарался создать себе репутацию врага «поправки Платта». Однако «американские бизнесмены знали Мачадо и не беспокоились по поводу его будущей политики». Больше того, в сложившейся на Кубе обстановке монополисты желали видеть у власти в Гаване «деловое», «твердое» правительство, которое смогло бы справиться с народным движением. И они почти открыто заявляли о своем желании видеть Мачадо в президентском дворце. «Пришло время, — говорилось накануне выборов на Кубе в редакционной статье газеты «Нью-Йорк Таймс», — для сильного человека, который покончил бы с постоянными неурядицами и коррупцией и позволил обойтись без новой интервенции Соединенных Штатов на основе поправки Платта с целью преподать кубинцам еще один урок самоуправления».

Располагая поддержкой американских монополий, местных властей и деловых кругов и обеспечив себе голоса избирателей, Мачадо легко победил на выборах. 20 мая 1925 г. он вступил на пост президента Кубинской республики.

Придя к власти, Херардо Мачадо щедро отблагодарил своих покровителей: в 1926 г. конгресс принял закон о предоставлении Кубинской электрической компании «вечной» концессии и освобождении ее от всех налогов. Она получила также право устанавливать тарифы по

своему усмотрению. В результате плата за электроэнергию на Кубе была одной из самых высоких в мире — настолько высокой, что население многих кубинских городов вынуждено было отказываться от электрического освещения.

Во время своей поездки в США после выборов Мачадо похвастал на банкете в отеле «Астор», что при нем ни одна забастовка на Кубе не продлится больше 24 часов. И уже спустя несколько месяцев после его прихода к власти журнал «Куба ревью» в статье под выразительным заголовком «Красный флаг не будет развеваться над Кубой» сообщал, что «в течение последних тридцати дней» повое кубинское правительство «организовало облаву, предъявило обвинение, осудило и изгнало от трехсот до четырехсот рабочих агитаторов... с территории Кубы».

Под предлогом «борьбы с коммунизмом» правительство Мачадо установило в стране режим террора и обрушило на демократические силы жестокие репрессии. Главный удар был направлен против рабочего класса. Кубинская национальная рабочая конфедерация и многие отраслевые профсоюзы были запрещены, а их помещения разгромлены, рабочие газеты закрыты, стачки подавлены. Многие профсоюзные лидеры и активисты были убиты. Причем особенно свирепо власти расправлялись с коммунистами. Компартия была объявлена вне закона, а ее лидер — пламенный борец за свободу народа Хулио Антонио Мелья — брошен в застенки. И только массовые протесты на Кубе и в других странах Латинской Америки заставили кубинского диктатора освободить Мелью, который был затем выслан с Кубы.

Мачадо был крайне тщеславен: стараясь подражать фашистскому диктатору Италии, он с гордостью именовал себя «антильским Муссолини». Но народ дал ему клички «мясника» и «Нерона XX века». Мачадо называли также «президентом тысячи убийств», так как политические убийства на улице, дома или в тюрьме «при попытке к бегству» стали при нем самой обычной вещью. Только за три года его первого президентства были убиты и «исчезли» при таинственных обстоятельствах более двухсот рабочих и студенческих лидеров, прогрессивных журналистов, редакторов газет, издателей, юристов, профессоров университета и даже членов кубинского конгресса,

осмелившихся как-либо выразить свое недовольство режимом Мачадо.

Но однажды рыбаки в окрестностях Гаваны извлекли из внутренностей пойманной акулы руку одного из «пропавших без вести» — арестованного незадолго до того коммуниста Клаудьо Брусона. Жена погибшего опознала ее по рукаву. Так мир узнал страшную правду о «таинственных исчезновениях» политических противников Мачадо, возродившего применявшийся испанцами средневековый метод расправы без суда: трупы заключенных, замученных в застенках старинной крепости Морро, прикрывавшей подступы к Гаване с моря, выбрасывались по ночам через люк в воды Гаванского залива на съедение акулам.

Кровавая диктатура Мачадо опиралась внутри страны на вооруженную новейшим американским оружием профессиональную армию, поставленную в особо привилегированное положение. Офицеры, обученные главным образом в США, получали высокое жалованье, хорошее обмундирование, имели комфортабельные дома, возможность в особых магазинах покупать многие вещи по сниженным ценам. Рядовой солдат, несмотря на муштру, находился в гораздо более привилегированном положении и получал большее жалованье, чем обычный кубинец-трудящийся. Даже армейский мул получал продовольственный паек из расчета 38 сентаво в день, тогда как больной в государственной больнице — из расчета 12 сентаво в день. Армия поглощала почти четверть национального бюджета.

Однако в гораздо большей мере, чем армии, Мачадо был обязан сохранением своей власти прямой поддержке магнатов Уолл-стрит, прежде всего поддержке хозяев «Чейз нэйшнл бэнк» и «Нэйшнл сити бэнк». Это открыто проявилось уже в первые годы его правления.

В 1925 г. была принята обширная программа общественных работ, главными объектами которой стали Центральное шоссе и Капитолий — новое здание кубинского конгресса. Шоссе, протянувшееся с запада на восток через весь остров, сооружалось более четырех лет и стоило 110 млн. долл. Огромное здание конгресса в центре Гаваны, копировавшее вашингтонский Капитолий, обошлось кубинскому народу в 20 млн. долл. Стены его внутри были инкрустированы перламутром и драгоценными кам-

нями; в пол одного из залов вмонтировали большой бриллиант, от которого стали вести отсчет расстояний на острове. Проекты же водопровода и других коммунальных сооружений в ряде городов Кубы, предусмотренные программой общественных работ, так и не были осуществлены.

Строительство Центрального шоссе и Капитолия сопровождалось коррупцией и взяточничеством¹⁸. Оно оказалось подлинной кормушкой для всякого рода дельцов, связанных с режимом Мачадо, и для самого диктатора, которому принадлежала одна из строящих шоссе фирм. Но, как всегда, наибольший куш достался крупным хищникам с Уолл-стрит. Нарушив конституцию, требующую утверждения любого иностранного займа конгрессом, Мачадо без санкции последнего заключил в 1927—1930 гг. соглашения с «Чейз нэйшнл бэнк» и банкирским домом Моргана о нескольких займах на осуществление общественных работ.

С «Чейз нэйшнл бэнк» Мачадо был связан лично — через своего зятя, ставшего одним из управляющих гаванским отделением банка с годовым окладом в 19 тыс. долл. Американский журнал «Нэйшн» писал о нем: «Зять Мачадо служил в «Чейз нэйшнл бэнк» на высокооплачиваемой должности, хотя, по словам одного из вице-президентов банка, «с деловой точки зрения он был совершенно бесполезен, не имея никаких способностей к банковскому делу... Если бы мы не платили ему жалованья, президент должен был бы давать ему на содержание».

В результате проведенного в конце 1933—начале 1934 г. сенатским комитетом конгресса США расследования вскрылось, что «Чейз нэйшнл бэнк» тайно, но с ведома посла США в Гаване предоставлял Мачадо личные займы и передал ему через зятя взятку в полмиллиона долларов за устройство 50-миллионного займа Кубе. Сам банк «заработал» на этом 3,5 млн. долл. чистой прибыли. Выяснилось также, что банк открыл специальный кредит, достигавший нескольких миллионов долларов, двум принадлежавшим Мачадо фирмам, предоставлял личные займы некоторым министрам кубинского правительства и

¹⁸ Общая сумма взяток, связанных со строительством шоссе, достигла 30 млн. долл., а Капитолия — 12 млн. долл.

передал зятю Мачадо крупные суммы для подкупа газет и отдельных влиятельных лиц на Кубе.

К 1933 г. на счету Мачадо в американских и английских банках имелось около 5 млн. долл. Его недвижимая собственность на Кубе оценивалась в 9 млн. долл.

Расплачиваться за все приходилось народу. В результате финансовой политики правительства Мачадо государственный долг Кубы более чем удвоился и достиг 300 млн. долл. Займы у американских банков увеличивали экономическое и политическое господство империализма США. В обмен на эти займы Куба должна была соглашаться на то, что любой североамериканский посол отдавал по телефону приказы кубинским правителям. Но зато диктатор был спокоен: до тех пор, пока выплачивались проценты по этим займам, он мог рассчитывать на поддержку банкиров, а следовательно, и Вашингтона. Ведь даже по оценке американского буржуазного историка Д. Мура Мачадо был не более чем «администратором американского финансового феодализма» на Кубе и по существу являлся марионеткой Уолл-стрит в еще большей мере, чем любой из предыдущих президентов.

Во время избирательной кампании 1924 г. Мачадо обещал не стремиться к переизбранию президентом на второй срок. Однако, став у власти, он сразу же начал подготовку к переизбранию. Прежде всего Мачадо добился изгнания из руководства консервативной, народной и либеральной партий, наиболее упорных своих противников и замены их более сговорчивыми деятелями, с которыми он заключил «пакт о коалиции». Через конгресс был проведен закон, запретивший реорганизацию старых и создание новых политических партий. Затем Мачадо уже не стоило особого труда — путем подкупа и умелого распределения должностей, а также методами запугивания и террора — установить полный контроль над аппаратом всех трех партий и превратить их в послушное орудие своей политики.

Между тем намерение Мачадо продлить свое пребывание у власти вызвало многочисленные протесты на Кубе, и диктатор решил заручиться поддержкой в Вашингтоне и на Уолл-стрит. Об этом свидетельствуют документы. В частности, 14 февраля 1927 г. посол США в Гаване Э. Краудер, напоминая государственному секретарю Келлогу, что Мачадо установил «отношения самого

тесного сотрудничества с Соединенными Штатами», просил дать ему «неофициальные заверения» относительно того, что государственный департамент не будет возражать против его переизбрания.

В апреле-мае 1927 г. Мачадо совершил поездку в США, где был принят самым гостеприимным образом. Завтраки в честь его были даны правлениями «Чейз нэйшнл бэнка», «Нэйшнл сити бэнка», «Электрик бонд энд шейр компани» и другими, связанными с бизнесом на Кубе корпорациями, а также Ассоциацией экспортеров и импортеров и Нью-Йоркской торговой палатой. На одном из таких завтраков в ответ на заверение Мачадо в том, что при нем американский капитал на Кубе защищен «от всех бурь», представитель финансовой группы Моргана, министр торговли США, миллионер Томас Ламонт от имени всех присутствующих выразил надежду на то, что кубинцы найдут путь для того, чтобы сохранять такого «хорошего правителя», как Мачадо, на его посту «неограниченное время». А другой миллионер, глава и член правлений целого ряда корпораций — У. Вудин подчеркнул, что пребывание на посту президента Кубы бизнесмена «чрезвычайно выгодно для нас» и остается лишь пожелать, чтобы так было в других странах.

Когда в ходе переговоров Мачадо в Вашингтоне встал вопрос о сохранении его у власти и необходимых для этого новых поправках к кубинской конституции, президент Кулидж заявил что «Соединенные Штаты хотят лишь того, чтобы народ Кубы имел бы такие правительство и конституцию, какие он сам желает». Иначе говоря, Белый дом фактически одобрил планы Мачадо.

Получив одобрение банкиров и Вашингтона, Мачадо мог действовать спокойно. По кубинской конституции, поправки к ней по одобрении их в конгрессе должны были утверждаться специально избранным Учредительным собранием. На выборах в него (март 1928 г.) все три партии провели туда людей, угодных Мачадо. Затем Учредительное собрание, несмотря на заявления ведущих юристов Кубы о том, что это противоречит требованиям конституции республики, послушно продлило до 6 лет срок пребывания у власти президента и членов конгресса и, перечислив «заслуги спасителя республики» Херардо Мачадо, просило его «в виде исключения» согласиться выставить свою кандидатуру на второй срок. На выборах

в ноябре 1928 г. он был единственным кандидатом от всех трех партий и стал президентом теперь уже на шестилетний срок — с 20 мая 1929 г. по 20 мая 1935 г. Архиепископ Гаваны монсеньер Руис, читая молитвы, включал в них теперь фразу: «Бог на небе и Мачадо на земле».

Буквально за несколько дней до выборов на Кубе поверенный в делах США в Гаване сообщал в государственный департамент, что президент Мачадо «превратился в правителя, напоминающего худший тип латиноамериканского диктатора». Тем не менее правящие круги США позволили Мачадо выбросить за борт мешавшие ему статьи конституции и захватить власть еще на шесть лет. Это было сделано не только для того, чтобы обеспечить выплату прибылей американским банкам и корпорациям, вложившим капитал на Кубе, но и в благодарность за то, что на состоявшейся в 1928 г. в Гаване шестой панамериканской конференции Мачадо помог вашингтонской дипломатии расколоть фронт латиноамериканских делегаций и выступил в защиту «права» США на вооруженное вмешательство в дела стран Латинской Америки.

На шестой панамериканской конференции делегаты США оказались под огнем острейшей, беспрецедентной за всю историю панамериканизма критики со стороны большинства латиноамериканских делегаций. Представители 13 стран Латинской Америки потребовали, чтобы США отказались от интервенции и вообще от всякого вмешательства в дела других стран Западного полушария. При этом делегат Колумбии заявил, что если конференция не пойдет навстречу требованию всех народов континента и не запретит интервенцию, то она вообще может оказаться последней панамериканской конференцией.

Лишь с большим трудом, путем угроз и обещаний, с помощью делегаций кубинского и некоторых других зависимых от США правительств Вашингтону удалось в конце концов расколоть складывавшийся на конференции латиноамериканский блок и добиться передачи вопроса о запрещении интервенции на рассмотрение седьмой панамериканской конференции.

Казалось бы, обстановка на конференции была особенно благоприятна для постановки кубинской делегацией вопроса об отмене «поправки Платта». Тем более, что, став в 1925 г. президентом, Мачадо в демагогических целях продолжал время от времени выступать с заявле-

ниями, осуждающими «поправку Платта». Но на самом деле диктатор и его друзья меньше всего желали действительной отмены «поправки». Известный американский публицист У. Липпман, охарактеризовав правительство Мачадо как «оголтелую диктатуру с интенсивной способностью тратить общественные деньги», писал в те годы, что «оно не в состоянии даже приобразить видимость недовольства перед государственным департаментом, так как, подавляя всякую политическую оппозицию у себя дома, оно видит свою последнюю защиту против неизбежной иначе революции в „поправке Платта“». Не случайно, осуждая на словах «поправку», Мачадо одновременно никогда не забывал заверять государственный департамент в том, что его «чувства в отношении „поправки Платта“» не влияют на его убеждение относительно того, что «благополучие Кубы тесно переплетено с интересами Соединенных Штатов».

Вот почему кубинская делегация на конференции не только ни одним словом не заикнулась о «поправке Платта», но в острой полемике, развернувшейся при обсуждении вопроса о невмешательстве во внутренние дела других стран, открыто встала на сторону американского империализма. Глава делегации О. Феррара, к негодованию делегатов многих стран, с пеной у рта защищал империалистическую политику США и произнес подлинный панегирик американской интервенции на Кубе.

Естественно, что в Вашингтоне были довольны кубинской марионеткой. В то время как во всем мире, в том числе и в США, даже буржуазная печать писала о Мачадо, как о креатуре Вашингтона, диктаторе, удерживавшем власть при помощи террора, пыток, издевательств и преступлений против народа и растоптавшем даже конституционные нормы, президент США К. Кулидж не постеснялся публично заявить, что «Куба пользуется сегодня полным суверенитетом. Ее народ независим, свободен, процветает, живет в мире и пользуется всеми благами самоуправления...»

Со своей стороны Мачадо, выполняя данное в Вашингтоне обещание, начал второе президентство с новой серии репрессий против рабочих, студенческих и других прогрессивных организаций. Тайной полиции был отдан приказ расстреливать арестованных коммунистов без суда. Даже за границей, в эмиграции, они не могли быть спо-

койны за свою жизнь. Особую ненависть и страх у палачей кубинского народа вызывал Хулио Антонио Мелья, ставший к этому времени признанным вождем кубинской революционной эмиграции. Его книга «Крик мучеников» — яркий обвинительный акт против Мачадо — обошла всю Латинскую Америку. Осуществляя давно задуманный план расправы с пламенным борцом за свободу и независимость Кубы, подосланные кубинским диктатором агенты 10 января 1929 г. застрелили Хулио Антонио Мелью на улице г. Мехико.

Гибель Мельи была тяжелой потерей для рабочего класса и Коммунистической партии Кубы. Но она не сломила духа кубинских коммунистов, не ослабила их решимости и уверенности в правоте своего дела. На подлое, злодейское убийство сотни трудящихся ответили вступлением в коммунистическую партию. Усиление террора вызвало дальнейшую активизацию борьбы против диктаторского режима.

* * *

В 1928 г. американский историк Л. Дженкс опубликовал нашумевшую тогда книгу: «Наша кубинская колония». Правда, империалистам США не удалось аннексировать Кубу подобно тому, как они сделали это с Пуэрто-Рико или с Филиппинами. Куба имела свой флаг и гимн, свои парламент и правительство. Но фактически к этому времени Куба действительно стала колонией империализма янки. За 30 лет — с 1898 г., когда кубинцы освободились от колониального ига Испании, — американские оккупационные войска (не считая тех, что постоянно расквартированы на базе в Гуантанамо) находились на Кубе не менее 12 лет. Четыре американских губернатора управляли за это время островом. Но и в остальные годы нередко одно движение бровей американского посла в Гаване решало судьбу кубинцев.

Капиталовложения США на Кубе к концу 1920-х годов составили гигантскую сумму в 1,5 млрд. долл. — большую, чем в любой другой стране Латинской Америки. По уровню иностранных вложений на душу населения (500 долл.) Куба занимала тогда первое место в мире. Североамериканские монополии, поставившие под свой контроль экономику страны, не только оказывали все воз-

раставшее влияние на политику Вашингтона, но стали мощным фактором, непосредственно воздействовавшим как на политическую, так и на экономическую жизнь Кубы. Вместо испанской короны на острове утвердили свою власть некоронованные финансовые короли Соединенных Штатов, ставившие и убиравшие кубинских президентов и министров, диктовавшие внутреннюю и внешнюю политику кубинских правительств.

Куба стала своего рода магнитом для американского капитала, захватившего в свои руки снабжение электроэнергией, телефонную, телеграфную и радиосвязь, половину железнодорожной сети, крупнейшие залежи железной, марганцевой, медной руд, значительную часть табачной, цементной, пищевой промышленности, торговлю. Причем девять десятых американских инвестиций представляли собой частные прямые капиталовложения, направленные на создание предприятий колониального типа, поставляющих сырье или полуфабрикаты. На долю обрабатывающей промышленности, исключая сахарную, приходилось всего лишь 3% общей суммы этих инвестиций.

Крупные запасы различных полезных ископаемых и другие природные ресурсы, имеющиеся на Кубе, могли бы стать основой развития здесь разнообразных отраслей как легкой, так и тяжелой промышленности, а также многоотраслевого сельского хозяйства. Однако монополии США, паложившие руку на экономику страны и желавшие сохранить ее в состоянии полуколониальной зависимости, стремились не допустить этого. Например, вся добываемая в стране руда вывозилась в естественном состоянии, либо в виде концентратов, а выплавка из нее металла производилась в США. Но и горнодобывающая промышленность была развита слабо. Американские компании, захватившие под видом концессий контроль над большинством месторождений полезных ископаемых, рассматривали их как свою резервную базу и не форсировали добычу.

Даже сахарная промышленность производила лишь сахар-сырец. До 1926 г. рафинадной промышленности в стране практически не было, и кубинцам приходилось ввозить из США свой собственный сахар в очищенном виде¹⁹.

¹⁹ К началу 1950-х годов на Кубе рафинировалось лишь 10% всего производимого там сахара.

800 млн. долл., т. е. более половины всех инвестиций США на Кубе, было вложено банками и компаниями в производство сахара. Если накануне первой мировой войны принадлежавшие американскому капиталу центральные давали 35 %, а в 1920 г. — 48,4 % всей кубинской продукции сахара, то к 1927 г. они произвели уже более двух третей ее. По данным, приведенным Л. Дженксом, из действовавших к тому времени на острове 175 сахарных заводов американскому капиталу целиком или почти целиком принадлежало 75. Но это были наиболее крупные заводы, дававшие 62,5 % всего производимого сахара. Кроме того, 14 заводов, принадлежавших смешанному кубино-американскому капиталу, давали еще 8 % общей продукции сахара.

Американские компании в погоне за наживой всячески форсировали производство, и в 1925 г. на Кубе впервые было произведено 5 млн. т сахара-сырца. Если бы мешки с этим коричневым сладким порошком можно было расположить в одну линию, то она бы опоясала весь земной шар по экватору. Сахар стал осью, вокруг которой стала вращаться кубинская экономика. И это обстоятельство оказало чрезвычайно пагубное влияние на экономическую и социальную жизнь острова.

Сахарные компании контролировали 40 % всей площади Кубы, причем три четверти этих огромных земельных владений принадлежало американскому капиталу. В 1929 г. под сахарным тростником было занято более трех пятых (61 %) всей обрабатываемой земли на острове. От сахарной промышленности зависело 75 % сельского и значительная часть городского (железнодорожники, портовые рабочие и т. д.) населения. Сахар и побочные продукты его производства составляли в 1920-х годах от 85 до 95 % стоимости кубинского экспорта. Куба — страна с населением в 3,5 млн. человек производила пятую часть мировой продукции сахара. Мало было в мире стран, экономика которых была бы в такой степени подчинена одной отрасли, как экономика Кубы, — производству сахара-сырца. Куба выделялась в этом отношении даже среди остальных стран монокультуры Карибского моря.

Чрезвычайно узкая, однобокая специализация сельского хозяйства, навязанная иностранным капиталом, привела к вытеснению продовольственных культур, под

которым было занято менее трети всей посевной площади. Куба — аграрная страна, обладавшая огромными резервами пустовавшей плодороднейшей земли и идеальным для сельского хозяйства климатом, — не могла прокормить себя и расходовала многие миллионы песо на ввоз продовольствия, хотя производство его можно было наладить на месте. В 1919—1928 гг. продовольствие и напитки составляли 38% стоимости кубинского импорта.

Но была и другая причина нехватки собственного продовольствия — латифундарная система землевладения. Крупные земельные собственники, составлявшие немногим более процента всех хозяйств, владели почти тремя пятыми всей территории острова (6,6 млн. га). Однако большая часть этой земли не обрабатывалась и пустовала. В частности, крупнейшие латифундисты в стране — американские и кубинские сахарные компании, владевшие и арендовавшие свыше 3 млн. га, использовали только треть этой огромной площади, а две трети ее сохраняли в качестве резерва.

В результате гипертрофированного развития сахарной промышленности за счет других отраслей хозяйства и поглощения ею большей части капиталов, земли и рабочих рук экономика Кубы оказалась в полной зависимости от развития одной культуры — сахарного тростника. А так как производство сахара было рассчитано на внешний рынок, то благосостояние страны стало в еще большей степени, чем раньше, зависеть от внешней торговли и прежде всего от вывоза сахара-сырца, составлявшего более четырех пятых всего кубинского экспорта.

О полуколониальном характере кубинской экономики свидетельствовала не только структура экспорта и импорта, но также и направление внешнеторговых связей. Свыше четырех пятых всего экспортируемого сахара вывозилось в Соединенные Штаты. На долю США приходилось в 1920-х годах от 67 до 85% экспорта и от 61 до 76% импорта Кубы. В своей известной работе по географии Латинской Америки видный американский географ П. Джемс писал, что Куба в сущности «представляет собой экономический придаток Соединенных Штатов... Положение Кубы вблизи крупнейшего рынка сахара способствовало росту сахарного производства на Кубе, но вместе с тем Куба потеряла, точнее сказать, не успела приобрести свою хозяйственную самостоятельность».

Используя то обстоятельство, что экономическая жизнь Кубы и благополучие большей части ее населения находились в прямой зависимости от конъюнктуры, сложившейся на североамериканском рынке (в том числе от таможенных пошлин на ввоз сахара), правительство США оказывало давление на кубинские правящие круги, заставляло их идти на различные уступки американскому капиталу.

В то же время почти монопольное хозяйничанье американских компаний на кубинском рынке позволяло им завышать цены на свою продукцию и получать дополнительные прибыли. В частности, постоянная нехватка продуктов питания на острове давала возможность американским фирмам взвинчивать цены на ввозимое ими продовольствие, спекулируя на голоде народных масс. О значении, которое Куба приобрела в качестве импортера промышленной и сельскохозяйственной продукции США, говорит тот факт, что в 1924 г. эта маленькая страна была шестым по величине рынком сбыта американских товаров.

Таким образом, экономически Куба к этому времени попала в полную зависимость от империализма США. Американский капитал превратил ее в страну монокультуры, как бы в огромную плантацию сахарного тростника, в страну, являвшую собой яркий пример уродливого, чудовищно однобокого развития хозяйства. Вся экономическая жизнь Кубы зависела от ее сахарной промышленности, а сахарная промышленность — от американского рынка. Куба была привязана к США экономической зависимостью сильнее всяких договорных обязательств. На гербе Кубы изображено озаренное лучами восходящего солнца море и силуэт пальмы на фоне холмов. Однако в те годы правильнее было бы изобразить на нем ствол сахарного тростника. Сахарная промышленность, контролируемая монополиями США, превратилась в еще одну петлю, накинутаю на Кубу, в символ ее колониального порабощения.

Американский капитал не только полностью подчинил себе экономику Кубы, закрепил монокультурный характер ее хозяйства и превратил эту страну в аграрно-сырьевой придаток США. Проникновение и господство американского капитала привело к серьезным сдвигам в социально-экономических и, в частности, в аграрных

отношениях, усилив существовавшие на Кубе пережитки феодализма, тормозившие национальное развитие и препятствовавшие быстрому прогрессу страны. Здесь сохранялись такие отсталые формы аграрных отношений, как издольщина, колонат и т. д. В результате концентрации земли в руках небольшой кучки латифундистов и наличия пережитков феодального способа производства в стране образовалась огромная масса безземельных крестьян, жестоко эксплуатируемых, живущих в условиях крайней нищеты и отсталости.

Латифундизм и другие пережитки феодализма в аграрных отношениях привели к тому, что сотни тысяч мелких крестьян-собственников и арендаторов, использующих колонов, возделывавших сахарный тростник и работавших на кофейных плантациях, мелких животноводов и огородников, задавленные низкими ценами на сельскохозяйственные продукты, устанавливавшимися компаниями и их посредниками, измученные высокими налогами и дороговизной, страдали от ужасной нищеты, недоедали, не имели средств, чтобы удовлетворить свои минимальные потребности, жили без врачей и медикаментов, в антисанитарных условиях, подавленные отсталостью, бескультурьем, болезнями.

Рабочие сахарной промышленности, составлявшие основной отряд кубинского пролетариата, подвергались наиболее жестокой эксплуатации, испытывая на себе всю тяжесть гнета американского империализма. Рабочий день на Кубе не регулировался никаким законодательством. На плантациях в период сафры он длился по 16, а то и по 18 часов. Но сафра продолжалась обычно 3—4 месяца, а остальную часть года большинство сельскохозяйственных рабочих оставались без постоянной работы и разбредались по городам, продавая свой труд за бесценок.

Режим казарм-бараков, при котором ограничивалось даже свободное передвижение рабочих, особенно ввезенных по контрактам с соседних островов, оплата труда бонами и кредит в лавках централя, в результате которого плантационный рабочий становился вечным должником, — таковы были некоторые из методов эксплуатации кубинского рабочего класса монополиями США.

Более половины населения Кубы было неграмотно. К началу 1930-х годов в стране не было ни одной сель-

скохозяйственной школы, а имевшаяся ранее единственная промышленная школа была закрыта. Зато проституция достигла небывалых масштабов и пропорционально к количеству населения была распространена в Гаване значительно больше, чем даже в Париже, Берлине или Марселе. «Гавана, — отмечает аргентинский писатель Альфредо Варела, — считалась самым изысканным домом терпимости Соединенных Штатов».

Открытые притоны и публичные дома существовали в самом центре кубинской столицы, между деловыми зданиями и частными домами.

Бразильский ученый Жозуэ де Кастро в своей книге «География голода» писал, что мясо, молоко, яйца, зелень, овощи были редкостью, на столе кубинского крестьянина. Основными продуктами питания трудящихся являлись бобы, кукуруза, бананы, корнеплоды. Неполноценное питание, в частности отсутствие в пище необходимого количества белков и некоторых других веществ, было причиной высокой заболеваемости и смертности. Почти треть населения страдала кожными заболеваниями. Смертность от туберкулеза на Кубе была в 13 раз выше, чем в США.

Господство имперпализма и латифундизма тормозило национальный прогресс. Оно способствовало отсталости сельского населения, сохранению экстенсивного земледелия, убивало инициативу крестьянина, препятствовало применению научных методов обработки земли и повышению ее плодородия. Безземелье крестьян и сельскохозяйственных рабочих, составлявших большинство населения страны, ограбление их латифундистами и их агентами-посредниками, ростовщиками, лавочниками и спекулянтами — все это обусловило крайне низкую покупательную способность трудящихся, а следовательно, и относительную узость внутреннего рынка. Последнее обстоятельство сдерживало развитие национальной промышленности и внутренней торговли. Казалось бы, что Куба — «жемчужина Латинской Америки», с ее чудесным климатом и роскошной тропической растительностью, с ее богатейшими минеральными ресурсами и полями, на которых можно собирать по несколько урожаев в год, это — сказочный остров, самой природой предназначенный для счастья и благоденствия народа. Но кубинский народ не видел счастья. Американский имперпализм жестоко

эксплуатировал трудящихся Кубы, ограничивал ее суверенитет, деформировал ее экономику, душил ее культуру, проповедовал расовую ненависть и принес кубинцам хроническую безработицу, нищету, голод, социальные болезни.

* * *

Огромное влияние на дальнейшее развитие событий на Кубе оказал мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Он привел к резкому падению спроса и снижению до минимума цен на сахар-сырец. Для кубинской экономики, основанной на монокультуре, это стало катастрофой. Закрылись, либо почти прекратили производство десятки сахарных заводов и других предприятий, обанкротились сотни торговых фирм. Заработная плата трудящихся сократилась в пять-шесть раз. На острове с его почти четырехмиллионным населением насчитывалось полмиллиона безработных, причем никакого законодательства о помощи по безработице не было и никакого пособия безработные не получали. Голодные люди выпрашивали остатки еды у дверей кафе и ресторанов, вступали за них в драку.

Режим террора, нищеты и голода не мог не вызвать растущего недовольства и революционизирования широких масс. Уже в 1929 г. начались отдельные забастовки, а в 1930—1932 гг. Куба стала ареной многочисленных демонстраций и стачек, студенческих выступлений и крестьянских волнений. Руководимая коммунистами всеобщая стачка в марте 1930 г. охватила 200 тыс. трудящихся столицы и других городов. В августе 1931 г. состоялась новая всеобщая забастовка. Начиная с 1931 г. постепенно приняли широкие масштабы поджоги сахарного тростника на плантациях помещиков и иностранных компаний, ставшие одной из основных форм стихийной борьбы крестьянства. В восточных провинциях возникали голодные походы арендаторов и батраков, стачки сельскохозяйственных рабочих. Героическую страницу в историю борьбы против клики Мачадо вписало студенчество. В ответ на расстрелы демонстраций студенты перешли к вооруженной борьбе против полиции и охраны. В обращении к народу в июле 1931 г. они писали, что терпе-

ние народа испякло и пришло время, когда «слово имеет товарищ маузер!» Социальная база режима Мачадо заметно сузилась.

Посол США в январе, а затем в апреле 1931 г. с тревогой доносил в Вашингтон о «коммунистических беспорядках» на острове и советовал Мачадо принять «решительные меры». Комендант американской военной базы в Гуантанамо доносил о приближении на Кубе «хорошо подготовленной революции».

По уровню революционного подъема Куба в 1930—1932 гг. заняла одно из первых мест в Латинской Америке. Для того чтобы подавить растущее народное недовольство и предотвратить революцию, правительство Мачадо еще более усилило наступление на демократические свободы и патристические силы страны. Профсоюзы были вынуждены полностью перейти на нелегальное положение. Были закрыты не только университет, но даже школы второй ступени, ряд буржуазных газет и журналов, все спортивные организации вплоть до существовавшего еще со времени испанского господства аристократического яхт-клуба. В стране неоднократно прекращалось действие конституционных гарантий и вводилось военное положение. Полиция была подчинена военному командованию. Во всех провинциях и городах, во многих учреждениях и даже школах власть осуществляли «военные наблюдатели» — офицеры армии. Покинуть город, даже поехать в пригороды Гаваны можно было только с разрешения военных властей.

Возникшая в 1928—1929 гг. партия буржуазной оппозиции — Националистический союз также выступала против диктаторского режима, но, страшась народной революции, добивалась вмешательства США для замены Мачадо более «гибким» президентом, который смог бы «успокоить» массы. Посол США в Гаване справедливо полагал, что основная цель лидеров буржуазной оппозиции — захват государственной кормушки. По его настоянию, Мачадо почти год вел переговоры с политиками из оппозиции. Но компромиссного соглашения достичь не удалось. Мачадо категорически отказался уйти в отставку. Он опирался на армию, правительственные партии, а также на поддержку влиятельных кругов в США и вовсе не собирался уступать власть. В апреле 1931 г. переговоры были прерваны.

Тогда оппозиционные группы попытались осуществить свои цели силой. 9 августа 1931 г. в Гаване и в Пинардель-Рио «националисты» подняли восстание, а 17 августа в порту Хибара, на северном побережье провинции Ориенте, высадилась снаряженная ими в США экспедиция, состоявшая из группы кубинских эмигрантов под командованием военного инженера К. Эвиа и журналиста С. Карбо. Высадившиеся располагали 57 пулеметами, винтовками и другим оружием и надеялись на поддержку внутри страны. Но армия осталась верна правительству, и восстание, не имевшее на своей стороне поддержки народных масс, потерпело неудачу.

Посол США поздравил Мачадо с успешным подавлением восстания, но спустя некоторое время добился освобождения арестованных лидеров оппозиции (сразу же перебравшихся в США). Заступничество посла и неожиданная мягкость Мачадо объяснялись просто — Вашингтон рассчитывал с помощью лидеров буржуазной оппозиции, осмелившихся выступить против диктатора, отвлечь народные массы Кубы от революционной борьбы.

Однако движение масс угрожающе нарастало, и осенью 1931 г. с целью свержения диктатора до того, как это сделает народ, группа представителей кубинской буржуазии и буржуазной интеллигенции создала строго законспирированную подпольную организацию полуфашистского типа, названную тремя первыми буквами латинского алфавита «АБЦ» («АВС»). Широко используя в своей борьбе социальную демагогию, а также методы индивидуального террора, члены «АБЦ» убили нескольких видных деятелей режима и организовали ряд покушений на самого диктатора. В страхе за свою жизнь Мачадо ездил теперь только в специальном бронированном автомобиле, стоившем 30 тыс. долл., а его дворец был окружен пулеметами и битком набит вооруженными до зубов солдатами и полицейскими.

На убийства членами «АБЦ» видных мачадистов правительство ответило массовыми репрессиями, направленными прежде всего против нелегальной Коммунистической партии Кубы и рабочего движения, в котором диктаторская клика и ее покровители видели главную опасность для себя. Специально для борьбы с революционным движением была создана вооруженная охранка, которую прозвали «Эль партидо де ла Порра» — «партия

дубинки». Эта организация, состоявшая из бывших уголовников и агентов тайной полиции, установила в стране подлинное царство террора. Члены «Порры» громили демонстрации, похищали, истязали и убивали без суда и огласки настроенных оппозиционно политических и профсоюзных деятелей, руководителей студенческих и других организаций, прогрессивных журналистов и издателей.

Террористическая диктатура Мачадо осуждалась прогрессивными кругами всего мира. А в апреле 1932 г. даже председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Бора вынужден был публично выступить в конгрессе США с осуждением репрессий на Кубе.

Правительство Г. Гувера было полностью информировано о положении на Кубе, однако никаких изменений в проводимой им политике не произошло. «Одной из причин этого, — свидетельствует Р. Смит, — была продолжавшаяся поддержка администрации Мачадо американскими деловыми кругами и новым послом США в Гаване Г. Гугенхеймом. «Наши отношения» с кубинской администрацией «никогда не были более дружественными, чем в настоящее время», — писал президент Американской торговой палаты на Кубе М. В. Молэнфи государственному секретарю Г. Стимсону. Будучи вызван в сенатскую комиссию, Стимсон выступил в защиту Мачадо.

В связи с растущим в США негодованием и требованиями демократической общественности положить конец кровавому режиму Мачадо Г. Стимсон в октябре 1930 г. заявил, что США не вмешиваются во внутриполитическую борьбу на Кубе. В 1931 и 1932 гг. он и его заместитель У. Кэстль неоднократно повторяли, что принцип «руки прочь» продолжает оставаться основой кубинской политики США. Но в то же самое время американские инструкторы обучали солдат диктатора. Правительство США строжайше запретило продажу какого-либо оружия представителям кубинской оппозиции, но в изобилии снабжало им армию Мачадо. Американские власти тесно сотрудничали с секретной службой Мачадо, наблюдая за каждым шагом кубинских революционных эмигрантов на территории США и всячески их преследуя. Известно, в частности, что многие американские полицейские чиновники, в том числе шеф полиции одного из городов Флориды, состояли на постоянном жалованье у кубинского министерства внутренних дел.

Хотя сам Гугенхейм и уверял, что он «никогда не имел никаких прямых или косвенных интересов на Кубе», в действительности это было не так. Миллионер, видный представитель правящей финансовой плутократии США, Гугенхейм был главой и членом правлений многих североамериканских монополий, действовавших на Кубе и в других странах Латинской Америки. Лично заинтересованный в судьбе режима Мачадо, он всегда оказывал поддержку последнему и всячески старался примирить с ним буржуазную оппозицию.

Со своей стороны Мачадо никогда не упускал случая упомянуть об этой поддержке. «Мое правительство, — заявил он как-то на банкете, сидя рядом с Гугенхеймом, — является честным и справедливым, и здесь рядом со мной находится американский посол, чтобы подтвердить это». И хотя «сеньор посол» понимал, что, спекулируя его именем, кубинский диктатор стремился запугать своих политических противников и народ возможностью военной интервенции в случае попытки свергнуть его, Гугенхейм ни разу не возразил против этого.

Посол неоднократно и почти открыто вмешивался в кубинскую политическую жизнь. Зачитывая в сенате США заявление ста выдающихся кубинских женщин, обвинявших Гугенхейма в «несомненном, постоянном и лицемерном» вмешательстве в дела Кубы, сенатор Л. Уолш (от штата Массачусетс) назвал его «одним из главных приверженцев незаконного режима», возникшего на Кубе.

Постоянное вмешательство Гугенхейма во внутренние дела страны лишь усиливало чувство ненависти к «империализму янки», давно уже зревшее в кубинском народе. В 1931 г. возмущение кубинцев вылилось в бойкот империалистических фирм в знак протеста против «действий посла США». Бойкотом было охвачено более 60 городов, население которых отказалось пользоваться услугами торговых, коммунальных и транспортных предприятий, банков и отелей, принадлежавших американскому капиталу, перестало посещать кинотеатры, где демонстрировались американские фильмы. Например, трамвай в Гаване из-за отказа населения пользоваться им и забастовки служащих Компании гаванской электрической железной дороги не работал несколько недель. Кроме того, в здании конторы этой компании было брошено несколько бомб. Бомбой же был частично разрушен большой американ-

ский универсальный магазин стандартных цен. Вынужден был закрыть свои двери крупнейший американский отель в Гаване — Севилья-Билтмор.

Кубинцы прямо заявляли, что Мачадо держится у власти прежде всего благодаря поддержке Гугенхейма. Иронизируя по поводу «дружбы» посла Соединенных Штатов с диктатором, они, как свидетельствует американская журналистка Р. Х. Филлипс, называли их «Гугенадо и Мачадохейм».

Мировой экономический кризис резко обострил и без того усилившиеся в правление Мачадо противоречия, существовавшие внутри кубинского общества, а также между кубинской нацией и империализмом США. Социальная база режима Мачадо быстро сужалась. На Кубе назревала антиимпериалистическая революция.

Интервенция под маской «добрососедства»

В конце 1932—начале 1933 г. политическое положение на Кубе резко обострилось. Американская и европейская буржуазная пресса чуть ли не ежедневно сообщала об арестах, пытках и убийствах противников диктаторского режима, о взрывах бомб и перестрелках между террористами из «АБЦ» и агентами «Порры» на улицах кубинских городов, о поджогах плантаций сахарного тростника. В феврале 1933 г., в самый разгар сафры (уборки тростника), на большинстве сахарных заводов вспыхнули забастовки. Комитеты действия, созданные рабочими, организовывали пикеты и даже отряды самообороны, героически сопротивлявшиеся карательным экспедициям. В ряде мест (Насобаль и др.) рабочие захватили сентралы. В столице и других городах проходили массовые демонстрации безработных. Ремесленники, мелкие торговцы, домовладельцы отказывались платить налоги.

В конце февраля 1933 г. посольство США сообщало в Вашингтон о том, что наблюдается «усиление беспорядков» и что только во второй половине февраля в разных районах Кубы были совершены четыре диверсии на железных дорогах, вооруженное нападение на пост жандармерии, в нескольких местах перерезаны телефонные и телеграфные провода. Сообщалось также, что на границе провинций Камагуэй и Лас-Вильяс действует партизанский отряд. В марте партизаны действовали уже в трех из шести провинций Кубы. В вооруженной парти-

занской борьбе участвовали студенты, сельскохозяйственные рабочие, крестьяне. Весь остров облетело известие о дерзком палате на важный железнодорожный узел — Сан-Луис. Разгромив гарнизон, партизаны, возглавляемые одним из героев борьбы против режима Мачадо — студенческим лидером Антонио Гитерасом, два дня удерживали этот город в своих руках.

В апреле положение стало еще более напряженным. В столице продолжали рваться бомбы террористов из «АБЦ» и Студенческого директората. Только за одни сутки, 14 апреля, в разных районах Гаваны взорвалось семнадцать бомб. Полиция немедленно ответила на это убийством семнадцати студентов.

Нараставший революционный подъем оказал свое влияние на армию, о чем свидетельствует донесение поверенного в делах США на Кубе Рида от 17 апреля 1933 г., в котором сообщалось, что в казармах пятого артиллерийского дивизиона в Гаване имеется ячейка коммунистической партии.

Все это не могло не найти отзвука в Вашингтоне. В американском конгрессе участились требования вмешательства в кубинские дела.

Между тем вступивший 4 марта 1933 г. на пост президента США Франклин Делано Рузвельт пришел к власти в трудный для американского империализма момент. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., развернувшийся на базе общего кризиса капитализма, по силе и продолжительности не имел себе равных. Наиболее сильно он поразил главную страну капитализма — США. За неслыханным биржевым крахом на Уолл-стрит последовали разорение и закрытие тысяч промышленных и торговых предприятий. Безработица охватила 17 млн. человек. Резко обострились классовые противоречия.

Кризис явился тяжелейшим ударом не только по всей американской экономической и социальной системе, но и ослабил позиции империализма США за рубежом. Экспорт капитала из США почти прекратился. Американские капиталовложения за границей и особенно в Латинской Америке обесценились гораздо больше, чем английские, резко упала доля США в торговле латиноамериканских стран. В то же время враждебность к «империализму янки» и антиимпериалистическое движение

приняли к концу 1932—началу 1933 г. невиданные до того в Латинской Америке масштабы. Обстановка там, по выражению Уильяма Фостера, «была чревата революцией».

Ф. Рузвельт еще до вступления в должность президента уделял особое внимание проблеме отношений с латиноамериканскими странами, которые он рассматривал как ближайший «тыл» и резерв США. В своем вступительном послании конгрессу 4 марта 1933 г. он обещал, что его правительство будет проводить «политику доброго соседа — соседа, который решительно уважает себя и именно поэтому уважает права других, соседа, который верен своим обязательствам и уважает святость своих соглашений с миром соседей».

Подобные заявления о «добрососедстве», «уважении прав малых наций» и т. д., делавшиеся затем время от времени в течение многих лет, имели целью усыпить бдительность народов Латинской Америки и притупить, ослабить их сопротивление экспансии американского капитала. Они были также рассчитаны на обман настроенных в большинстве своем антиимпериалистически народных масс США и других стран мира²⁰.

Политика «доброго соседа» не ограничивалась, как известно, только словами. Латиноамериканцы слышали подобные заверения много раз еще со времен Вудро Вильсона и давно уже перестали им верить. Правительство Ф. Рузвельта действовало более тонко, энергично, с широким размахом. Уже в 1933—1936 гг. оно ликвидировало ряд наиболее откровенных актов «старой» политики: «поправку Платта» на Кубе и подобное же формальное «право» на вооруженную интервенцию США в Гаити и Панаме; вывело, наконец, после 20 лет оккупации американскую морскую пехоту из Гаити; подписало конвенцию об отказе от вооруженной интервенции и вмешательства в дела других стран и т. д.

Другим фактором, также оказавшим свое влияние на формы латиноамериканской политики США накануне второй мировой войны, было быстрое экономическое и политическое проникновение в латиноамериканские

²⁰ «Апелляция к демократическим чувствам, — отмечает американский буржуазный историк Д. Ф. Риппи, — была важной фазой политики доброго соседа Ф. Д. Рузвельта и К. Халла».

страны итальянского, японского и особенно германского империализма. В борьбе с ним Вашингтон не прочь был опереться на демократические силы в Латинской Америке и использовать антифашистские настроения масс в своих интересах. Но, хотя объективно противодействие правящих кругов США гитлеровской экспансии в Латинской Америке имело прогрессивный характер, оно не имело ничего общего с действительной защитой интересов народов Латинской Америки. Политика «доброго соседа» была направлена отнюдь не против идеологии и практики фашизма, как такового, а против германского и итальянского империализма, оспаривавшего у своего американского соперника «первенство» и контроль в Латинской Америке.

Что же касается местных диктаторских режимов полуфашистского и фашистского типа, то их «добрый сосед» поддерживал, о чем писала не только демократическая, но и буржуазная американская пресса. Сказал же однажды Франклин Рузвельт о диктаторе Доминиканской республики Рафаэле Трухильо: «Он, может быть, и сукин сын, но это наш сукин сын». Политика «доброго соседа» с самого начала была рассчитана на «сотрудничество» американского империализма с местными буржуазно-помещичьими кругами в борьбе против демократического и национально-освободительного движения в Латинской Америке, которое одно только и вело там последовательную борьбу с фашизмом. Эта политика учитывала классовую общность интересов латиноамериканских реакционных правящих кругов и американских монополистов²¹.

Таким образом, оказавшись вынужденным пойти на серьезные уступки и резко изменить формы своей политики, американский империализм отнюдь не отказался от достижения своих прежних целей политического закабаления и экономической эксплуатации стран Латинской Америки. Именно для более успешного достижения этих целей в условиях бурного роста национально-освободительного движения и конкуренции других империа-

²¹ «Правительство Ф. Д. Рузвельта в росте фашистского проникновения в Южную Америку видело... подрыв влияния США в этом районе», — свидетельствуют авторы «Истории американской внешней политики» Д. Латанэ и Д. Вейнхауз.

листических держав и провозгласили правящие круги США в 1933 г. так называемую политику «доброго соседа»²².

Операция по спасению под названием «посредничество»

Острая потребность американских монополий в рынках сбыта была одной из причин, заставивших Ф. Рузвельта заняться «кубинской проблемой» задолго до своего вступления в Белый дом. Экономический кризис привел к тому, что в 1933 г. Куба занимала уже 16-е (а не шестое, как в 1924 г.) место среди рынков сбыта США. Другой причиной этого был крайне осложнивший всю «кубинскую проблему» фактор — быстро нараставший подъем революционного движения масс против режима Мачадо и его североамериканских покровителей, угрожавший перерасти в народную антиимпериалистическую революцию. «Кубинская проблема» оказалась, таким образом, первым серьезным испытанием «добрососедства» Вашингтона.

Рузвельт и его окружение понимали, что правительство Мачадо, возбудившее против себя ненависть всего населения — от широких масс трудящихся до многих слоев господствующих классов, — не способно больше обеспечивать «стабильность» и защиту американских интересов на Кубе. Дальнейшее усиление террора неизбежно приближало революционный взрыв. Ослабление диктатуры также неминуемо вело к революционному свержению ненавистной массам диктаторской клики. «Становилось ясно, — писал впоследствии К. Хэлл, — что либо Мачадо уйдет в отставку, либо его свергнет революция».

Кубинская буржуазно-помещичья оппозиция готовила вооруженный переворот в Гаване. Но Вашингтон ни в коем случае не желал допустить нового восстания про-

²² Было бы неправильным забывать о том, что в определенный период — в годы подготовки фашистскими державами второй мировой войны и особенно во время войны, когда фашистская угроза для стран Латинской Америки стала реальностью, их солидарность и широкое сотрудничество с США временно и объективно имели прогрессивный характер. И в этом смысле политика «доброго соседа», способствуя победе демократической коалиции над фашистским блоком, несомненно, имела определенное положительное значение.

тив Мачадо, справедливо полагая, что при создавшейся на острове накаленной обстановке оно могло послужить своего рода детонатором и стихийно перерасти в народную революцию. В Вашингтоне понимали также, что такая революция неизбежно приняла бы антиимпериалистический характер и оказала огромное революционизирующее влияние на все страны Карибского бассейна.

Однако в сложившейся в Латинской Америке, да и в самих Соединенных Штатах под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. обстановке массового антиимпериалистического движения попытка убрать Мачадо и предупредить революцию старым испытанным методом американского империализма — путем открытой вооруженной интервенции на основе «поправки Платта» — тоже была исключена. «Для президента Рузвельта, — свидетельствует С. Уэллес, — были ясны два факта. Первый — тот, что хотя существующий договор с Кубой дает нашей стране право на интервенцию, любая такая интервенция полностью противоречила бы общей линии латиноамериканской политики, намеченной им для себя. Второй — тот, что с положением», сложившимся на Кубе, «должно быть покончено. Такому положению у парадной двери Соединенных Штатов нельзя было позволить продолжаться неопределенное время».

Было решено отказаться от открытого вмешательства в кубинские дела и избрать путь постепенного устранения Мачадо, используя «конституционную процедуру», с тем, чтобы отстранить народ от решения вопроса о власти и разрядить революционное напряжение на Кубе. Первым звеном разработанного в Вашингтоне плана было создание в США хунты — единого центра буржуазной оппозиции режиму Мачадо. Затем предполагалось заставить Мачадо договориться с хунтой об уходе его в отставку и передаче власти лидерам оппозиции с тем, чтобы объединить кубинский правящий лагерь и предотвратить революционный взрыв, угрожавший интересам всех участников этой сделки. Такой план полностью укладывался в рамки провозглашенной Ф. Рузвельтом политики «доброго соседа».

Осуществление этого хитроумного плана было возложено на близкого друга Ф. Рузвельта опытного дипломата — Бенджамена Сэмнера Уэллеса, только что назначенного помощником государственного секретаря по Ла-

тинской Америке. Его временно освободили от этого поста и в начале мая 1933 г. направили послом на Кубу. Перед отъездом новый государственный секретарь США Корделл Хэлл вручил ему инструкции, в которых было изложено существо вашингтонского плана. Уэллес должен был выполнить свою задачу, не выходя за рамки «конституционности», не допуская никакого участия народных масс в свержении диктатора и сохранив за Вашингтоном контроль над будущим кубинским правительством.

Прибыв в Гавану, Уэллес в течение мая вел переговоры с Мачадо и его государственным секретарем О. Феррара, а также с представителями кубинской буржуазной оппозиции. 1 июня он формально предложил обеим сторонам свое «посредничество» и «рекомендовал» Мачадо немедленно провести реформу избирательного закона и разрешить «реорганизацию» буржуазных политических партий. В ходе переговоров «посредник» оказывал прямое давление на правительство Мачадо и на лидеров оппозиционной хунты. Причем в качестве одного из рычагов нажима на Мачадо он использовал ведущиеся одновременно переговоры о новом торговом договоре с Кубой, который бы позволил увеличить экспорт кубинского сахара в США ²³.

Внешне дело изображалось так, что Уэллес выступает в качестве частного лица. Однако все понимали, что его «посредническая» деятельность по существу была замаскированной формой вмешательства. Газета «Нью-Йорк Ивнинг Пост» 20 июня 1933 г. безо всяких обиняков писала, что на «посредничестве в Гаване следует поста-

²³ «Я затем заговорил об основах предполагаемого торгового договора с Кубой, — сообщал Хэллу Уэллес об одной из бесед с Мачадо, — и подчеркнул, что Соединенные Штаты готовы пойти на уступки в отношении ввоза кубинского сахара, если кубинское правительство в обмен гарантирует Соединенным Штатам *практическую монополию на кубинском рынке для американских товаров*. Я подчеркнул также, что переговоры о заключении взаимовыгодного торгового договора помогут отвлечь общественное мнение от политики...» (Курсив наш. — Э. Н.). Со своей стороны К. Хэлл в меморандуме, составленном им для Ф. Рузвельта, подчеркивал, что «перспектива увеличения экономических выгод является лакомым куском, который не дадут до тех пор, пока кубинское правительство не предпримет позитивных и удовлетворительных шагов для того, чтобы покончить с нынешней смутой» (Меморандум хранится в библиотеке Ф. Рузвельта в Гайд-Парке).

вить марку «made in United States». На заседании кубинского сената вечером 22 июня сенатор Пардо выступил с речью, в которой заявил: «Мы должны сбросить маску. Интервенция уже решена!» Председатель поспешил прервать оратора и продолжил заседание в закрытом порядке. «Так называемое „посредничество“ Уэллеса, — констатировала в июле газета „Дейли Уоркер“, орган Компартии США, — является активной открытой интервенцией в кубинские дела».

«Посредничество» протекало более или менее успешно до тех пор, пока не встал вопрос о сроках отставки диктатора. «Было ясно с самого начала, — вспоминал позже Уэллес, — что президент Мачадо постарается всеми силами помешать принятию решения, результатом которого была бы его отставка»²⁴. Мачадо, действительно, отнюдь не собирался добровольно уступать власть. Оценивая общую, сложившуюся летом 1933 г. обстановку, он, по-видимому, решил, что интервенция США почти исключена и что следует попытаться оказать сопротивление нажиму Уэллеса.

Начав с угроз в адрес лидеров оппозиции, Мачадо не остановился перед прямым выступлением в кубинском сенате против Уэллеса. «Нельзя считать, что посредничество имеет место по его собственной инициативе и не подчинено инструкциям или приказам правительства Соединенных Штатов..., — заявил Мачадо в сенате. — Если бы было иначе..., я бы скорее перестал быть президентом республики, чем принял его». Затем Мачадо намекнул, что если бы он пожелал этого, то мог бы избавить Кубу от Уэллеса в течение пяти дней и вновь повторил свое решение остаться у власти до мая 1935 г.

Демонстративный характер заявления Мачадо подчеркивался тем обстоятельством, что он уже более двух лет не посещал заседаний сената. Иначе говоря, Мачадо пошел на создание открытой оппозиции Уэллесу, что могло иметь далеко идущие последствия. И тогда, чтобы сломить его упорство, было пущено в ход экономическое

²⁴ Любопытна характеристика Мачадо, данная Уэллесом: «Президент Мачадо, несомненно, был типом, интересным для психиатров. Он был человеком... крайне авторитарным и реакционным по своим убеждениям».

оружье: Вашингтон дал понять, что США отложат рассмотрение вопросов о снижении существующей высокой пошлины на ввоз кубинского сахара и оказании Кубе любой другой экономической помощи до тех пор, пока не будет согласован вопрос об отставке Мачадо. 2 августа американские представители в Гаване прекратили идущие уже более месяца переговоры о новом торговом договоре. Расчет был на то, что, если эти меры и не убедят Мачадо сразу, то они помогут изолировать его от остающихся еще у него политических и военных сторонников и, таким образом, все равно вынудят его уйти.

В тот же день кубинский посол в США О. Синтас посетил заместителя государственного секретаря Филлипса и протестовал против того, что «м-р Уэллес использует тяжелое экономическое положение на Кубе, которое может быть улучшено только при помощи нового торгового договора, для того, чтобы оказать нажим и заставить президента Мачадо осуществить желания м-ра Уэллеса».

Филлипс, как официально было объявлено на другой день, «отверг сообщение о том, что государственный департамент решил использовать экономическое давление в попытке добиться восстановления нормальных политических условий на Кубе» и утверждал, «что посол Уэллес был так занят политическими конференциями, что не имел времени серьезно заняться формальными переговорами о договоре...»

Однако документы, увидевшие свет два десятка лет спустя, неопровержимо свидетельствуют, что Филлипс и государственный департамент сознательно лгали, так как еще 8 июля 1933 г. Уэллес сообщал Филлипсу из Гаваны: «Что касается торгового договора, то основная работа практически завершена. Я надеюсь начать заключительные переговоры о торговом договоре сам в конце этого месяца». А спустя десять дней в письме на имя Ф. Рузвельта Уэллес писал буквально следующее: «Я, конечно, сохраняю переговоры о торговом договоре в качестве рычага до тех пор, пока я не знаю определенно, каковы шансы на политическое урегулирование».

Между тем революционный кризис на Кубе нарастал с такой быстротой, что ставил под угрозу осуществление разработанного в Вашингтоне плана «конституционного» устранения Мачадо. К июню партизанские отряды

действовали в большинстве провинций. Все чаще происходили столкновения, а иногда и бои партизан с полицией и войсками. В провинции Лас-Вильяс только за две недели — со 2 по 17 июня — произошло семь таких столкновений. В провинции Матансас партизаны взорвали железнодорожный мост, парализовав на целые сутки железнодорожное движение. Число диверсий на железных дорогах росло из месяца в месяц. Нелегальная радиостанция вела передачи, направленные против режима Мачадо. В июле по острову прокатилась новая волна забастовок и демонстраций в крупных городах и на сахарных заводах. Забастовали водители автобусов в Гаване. Число безработных достигло почти 700 тыс.

Правительство Рузвельта, как сообщала нью-йоркская газета «Ла Пренса», еще в конце июля намеревалось послать к кубинским берегам для «устрашения» три военных корабля. Однако массовая кампания протеста против интервенции на Кубе, организованная в конце июля — начале августа созданным демократическими организациями в США Временным комитетом поддержки кубинского народа, Коммунистической партией и Антиимпериалистической лигой Соединенных Штатов, заставила Вашингтон действовать более осторожно.

К 3 августа в знак солидарности с водителями автобусов в Гаване забастовали рабочие почти двух десятков предприятий: железнодорожники, трамвайщики, печатники, табачники, пекари, работники почты и телеграфа. Помимо поддержки шоферов они выдвигали и свои требования. 4 августа забастовка стала всеобщей, охватив все отрасли промышленности, транспорт, торговлю, служащих государственных учреждений и приняв ярко выраженный антиправительственный характер. В манифесте Компартии Кубы и КНОК разоблачалось вмешательство Уэллеса в кубинские дела и выдвигалось требование создания демократического правительства и отмены «поправки Платта». 7 августа полиция и охранка диктатора расстреляла на улицах Гаваны толпу народа, собравшуюся у президентского дворца с криками «Долой Мачадо!» Убито и ранено было 150 человек. Правительство ввело в столице военное положение.

Обстановка накалилась до предела, и Уэллес, стремясь перехватить инициативу из рук кубинского народа

и перевоплощаясь то в «частного посредника», то в «чрезвычайного и полномочного посла дружественной державы», лихорадочно спешил убрать Мачадо со сцены раньше, чем это сделает революция. Утром 7 августа он послал государственному секретарю Хэллу телеграмму, в которой «ввиду крайней сложности сложившейся здесь (в Гаване. — Э. Н.) обстановки» просил подтвердить, дает ли президент Ф. Рузвельт согласие на его план устранения Мачадо. В тот же день, в 7 часов вечера, К. Хэлл телеграфировал Уэллесу: «Ссылаясь на телефонный разговор заместителя государственного секретаря с Вами, президент уполномочил меня сказать, что он одобряет план, изложенный в Вашей телеграмме № 129 от 7 августа. Хэлл».

Получив эту телеграмму, Уэллес потребовал встречи с Мачадо. Однако последний отказался принять его. Тогда Уэллес, давно уже старавшийся оторвать от Мачадо две его главные опоры — правительственные партии и армию, открыто пригрозил американской вооруженной интервенцией. 8 августа, пригласив в американское посольство лидеров правивших партий, он горячо убеждал их в необходимости ухода Мачадо. При этом он заявил, указывая на свой карман: «Я держу здесь судьбу Кубы. Президент Соединенных Штатов больше ждать не может. Остается еще несколько часов, в которые Куба может быть спасена. Сделайте усилия спасти республику».

В тот же день, все-таки добившись встречи с Мачадо, Уэллес вручил ему «Предложение посредника», которое фактически было ультиматумом, требовавшим немедленного «конституционного» ухода диктатора «в отпуск». Посол подчеркнул при этом, что он «специально уполномочен заявить, что предложенное им решение полностью одобрено президентом Соединенных Штатов». В качестве кандидата на пост временного главы нового кубинского правительства он назвал имя Карлоса Мануэля де Сепедес-и-Кесада. Когда же Мачадо возразил, что он предпочитает сделать уступки забастовщикам и оппозиции, либо видеть интервенцию США, нежели примет условия этого ультиматума, попирающего суверенитет Кубы, Уэллес встал и со словами: «Президент Соединенных Штатов больше ждать не может; если Вы откажетесь уйти в отставку, я свяжусь с ним и последствия будут весьма

тяжелыми для Кубы», направился к выходу из кабинета. У самой двери Мачадо остановил его и попросил два дня на ответ. Уэллес благосклонно ответил: «Если хотите, хоть три дня».

Полученную «передышку» Мачадо использовал для того, чтобы выяснить подлинные намерения Вашингтона. 9 августа его посол в США О. Синтас был принят Ф. Рузвельтом. Последний был достаточно откровенен. Он дал понять, что Уэллес пользуется полным его доверием и что Мачадо должен уйти теперь, так как «время является сутью всей проблемы»; «...Президент Мачадо сможет войти в историю как великий человек, великий лидер и великий патриот, если он примет решение, рекомендованное представителями всех кубинских политических партий, и позволит избежать того, что легко может вылиться в кровопролитие и анархию», — сказал Рузвельт и добавил, что «если бы президент Мачадо смог пойти на то, чтобы спасти кубинский народ от голода, то он не только бы «спас свое лицо», но и «совершил благородный акт». В этом случае, заметил Рузвельт, из США могло бы быть послано в Гавану судно с продовольствием.

Правда, на состоявшейся в этот день пресс-конференции Ф. Рузвельт пытался уверить корреспондентов, что не имело места «никакой правительственной акции с нашей стороны» и что Уэллесу просто было сказано: «Поезжайте и помогите всем чем можете...», ибо мы не можем сказать Мачадо: „Вы должны уйти“. Это было бы вмешательством во внутренние дела другой нации». Однако заявление никого не обмануло. На Кубе оно, по словам газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», «интерпретировалось в качестве приглашения президенту Мачадо поставить интересы своей страны выше личных соображений и уйти в отставку». «Рузвельт публично вмешался в кубинский кризис...», — писала лондонская «Таймс». — Заявление, как все понимают, представляет собой тактичное предложение... о том, что президент Мачадо должен уйти в отставку».

Одновременно с дипломатическим нажимом на правительство Мачадо был организован широких масштабов шантаж угрозой военной интервенции. В течение трех-четырех дней в американской, латиноамериканской и европейской буржуазной прессе усиленно распространялись подробные описания приготовлений к вооружен-

ной интервенции на Кубе. Газета «Нью-Йорк Таймс» угрожающе предупреждала, что в Вашингтоне «идея вооруженной интервенции встречает все большее внимание» и что, по заявлению морского министра К. Свэнсона, флот США готов оккупировать Кубу по первому же приказу президента. Другие американские и английские газеты сообщали подробности о количестве войск и кораблей, приведенных в готовность, названия кораблей и описание маневров в районе базы корпуса морской пехоты США в Квантико, репетирующих высадку на Кубе.

Однако в действительности как Ф. Рузвельт и К. Хэлл, так и сам Уэллес всячески старался избежать военной интервенции на Кубе, так как допустить ее — это значило бы поставить на карту будущее всей их латиноамериканской политики. В письме послу США в Лондоне Бингхэму, посланном 11 августа, Хэлл откровенно признавался, что он «отчаянно» стремится избежать открытой военной интервенции на Кубе. «Я еще надеюсь, что мне это удастся, хотя положение является критическим», — писал он.

Шантаж вооруженной интервенцией, на которую на самом деле собирались пойти только в самом крайнем случае — в случае революционного взрыва на Кубе, — был призван оказать влияние не столько на самого Мачадо, сколько на позицию трех правительственных партий и армии с тем, чтобы заставить их отказаться от поддержки Мачадо. Но в еще большей мере военный шантаж был направлен против демократических организаций трудящихся, против революционных сил Кубы.

Что касается правительственных партий, то угроза вооруженной интервенции сыграла свою роль. 10 августа все три партии заявили о принятии ими предложений «посредника».

Тем временем Уэллес также старался не терять времени. Еще в 1932 г. полковники кубинской армии О. Феррер и Х. Сангилл начали сколачивать заговор против Мачадо. События первой недели августа и усилия американского посольства привели к расширению офицерского заговора. Рано утром 11 августа 1933 г. в Гаване восстал артиллерийский батальон. Его поддерживали гарнизоны столичных фортов Кабанья и Кастильо-де-ла-Фуэрса, направившие свои орудия на президентский дворец,

а также авиационные части. Заговорщики захватили штаб армии и потребовали от военного министра А. Эррера отставки диктатора в 24 часа.

Мачадо сделал еще одну отчаянную попытку удержаться у власти, бросившись ночью с 11 на 12 августа вместе со своей личной охраной пулеметчиков за помощью в офицерские казармы военного городка Колумбия. Но встретившие его здесь лидеры заговора, а также командующие авиационным корпусом и флотом и другие высшие офицеры потребовали, чтобы он немедленно ушел в отставку. Мачадо был арестован и отправлен под охраной в свой дворец. Той же ночью во дворце, на совещании политических и военных кубинских деятелей в присутствии Уэллеса он написал просьбу об отпуске. Временным президентом стал протеже Уэллеса К. М. де Сэспедес.

Но поскольку все должно было соответствовать формальной конституционной процедуре, а по условиям существующей конституции предоставить президенту отпуск мог только конгресс, то необходимо было созвать с этой целью заседание обеих палат конгресса. Однако сделать это было не так просто — подавляющее большинство членов конгресса либо сбежали из Гаваны, либо попрятались, страшась народного гнева. Несмотря на охрану в 300 солдат, всего лишь три конгрессмена оказались достаточно храбрыми для того, чтобы поздней ночью явиться в здание Капитолия. В помещении сената, при свете свечей (включить электрическое освещение так и не рискнули), они подписали за себя и за других членов конгресса решение о предоставлении Мачадо отпуска.

В Вашингтоне — в ожидании «развязки» — в государственном департаменте всю ночь с 11 на 12 августа также не спали. Там дежурили ответственные сотрудники во главе с Джефферсоном Кэффери, принимавшие ежеhourные телефонные сообщения от Уэллеса. Все эти сообщения немедленно передавались в личный поезд Рузвельта, находившегося в пути из Гайд-Парка в Гаррисонбург и приказавшего держать его в курсе всех событий на Кубе, какой бы час ночи ни был. Ночное дежурство было также в военном и морском министерствах США.

Ранним утром 12 августа, едва успело взойти солнце, из ворот президентского дворца в Гаване выехал доверху нагруженный грузовик. За ним следовали зеленый автомобиль с дочерьми президента и броневик самого Мачадо,

которому Уэллес гарантировал личную безопасность. Замыкали эту кавалькаду грузовики с солдатами дворцовой охраны. Столица еще спала, когда экс-диктатор, прихвативший с собой... 33 чемодана, набитых золотыми песо, улетел самолетом на Багамские острова.

Так «с помощью юридической фикции, — пишет кубинский историк Портуондо дель Прадо, — уходу Мачадо и новому правительству была придана конституционная форма». В депеше, посланной в час дня 12 августа, Уэллес сообщал, что «вся процедура точно соответствует условиям конституции» и что «достигнутое решение было выработано исключительно самими кубинцами...»

Полностью оценив юмор своего старого друга, президент Ф. Рузвельт в заявлении, сделанном 13 августа, объявил, что «смена правительства... на Кубе находится в полном соответствии с признанной конституцией и законами этой страны».

Таким образом, американский империализм, путем дипломатической интервенции и войдя в союз с буржуазной оппозицией, предавшей интересы своего народа, сумел посредством военного переворота предотвратить переход власти в руки революционного народа, свергнувшего диктатуру Мачадо. Однако этот временный успех американской дипломатии отнюдь не помог ей убедить народы Кубы и других стран Латинской Америки в том, что «добрососедская» политика правительства Ф. Рузвельта многим отличается от империалистического вмешательства предшествующих американских правительств в кубинские дела.

* * *

Сын знаменитого отца — вождя Десятилетней войны за независимость — Карлос Мануэль де Сéspedes-и-Кесада был полнейшей политической посредственностью. Один из американских журналистов даже назвал его в печати «старым дураком». Но в течение своей бесцветной карьеры К. де Сéspedes проявил себя в качестве послушного слуги американского капитала. В 1914—1923 гг. он был послом в США, затем, по «совету» из Вашингтона, был назначен государственным секретарем в кабинете президента Сайяса, а позже был министром у Мачадо, посланником его правительства во Франции

и Англии, послом в Мексике. Летом 1933 г. де Сэспедес активно сотрудничал в «посреднических» переговорах с С. Уэллесом, который в своем донесении от 12 августа охарактеризовал его как «самого искреннего друга Соединенных Штатов».

Правительство де Сэспедеса, включавшее представителей почти всех групп бывшей буржуазной оппозиции, рассматривалось американским империализмом и кубинскими правящими классами как временное правительство, необходимое для получения «мирной передышки» в борьбе с силами революции. Оно призвано было «ослабить» политическое напряжение в стране. «Президент де Сэспедес стоит перед серьезной проблемой приостановки забастовки и предотвращения того, чтобы... массовая революция не стала слишком революционной», откровенно сообщал 13 августа гаванский корреспондент «Нью-Йорк Таймс».

Творец этого «правительства» — С. Уэллес стал фактическим распорядителем и хозяином на острове. Спустя неделю после свержения Мачадо, он сообщал в Вашингтон, что Сэспедес и его министры «ежедневно просят моего совета буквально по любому вопросу — от внутренней политики кабинета и дисциплины в армии до назначения чиновников во всех органах управления...»

Телеграмму К. Хэллу от 12 августа, в которой описывались события, связанные с уходом Мачадо и приходом к власти де Сэспедеса, Уэллес заканчивал словами: «Следующие несколько дней, вероятно, будут трудными, но я уверен, что ситуация спасена и что никакой дальнейшей акции со стороны правительства Соединенных Штатов не потребуется». Однако последующие события развивались далеко не в том направлении, как рассчитывали Уэллес и государственный департамент США.

Как только радио объявило 12 августа об отставке Мачадо, стихийная ненависть масс к режиму диктатора прорвалась наружу. Президентский дворец и дома видных мачадистских деятелей были разгромлены. Народ повсюду вылавливал не успевших скрыться мачадистов, агентов тайной полиции и членов отрядов «Порры»; нередко их убивали на месте. Народные массы праздновали свою победу. Проспект «Авенида дель пресиденте Мачадо» был переименован в «Авенида Рубнера» — в память о замученном свергнутом режимом студенте-революционере. Воздвигнутая в честь диктатора колонна полу-

чила название — «Жертвам Мачадо». Демонстрации и митинги происходили по всему острову. Везде продолжались забастовки. Полиция в первые дни вообще боялась показываться на улицу.

Хитроумные вашингтонские политики и дипломаты, рассчитывавшие, что им удастся повернуть революционный подъем на Кубе в «конституционное» русло и ограничить его свержением Мачадо посредством военного переворота, на этот раз просчитались. Революция на Кубе продолжала развиваться по восходящей линии.

В Вашингтоне поднялась тревога. «За падением Мачадо на Кубе последовало такое возбуждение части населения и солдат в армии, что выражались определенные опасения — сможет ли новое временное правительство президента Сеспедеса своевременно восстановить контроль», — сообщала газета «Вашингтон Пост». Перепуганный Уэллес затребовал немедленной присылки американских кораблей, и уже утром 14 августа два американских эсминца стояли в гаванском порту, а третий направлялся в Мансанильо. Под защитой пушек американских кораблей и после энергичного вмешательства Уэллеса полиция и военное командование в Гаване взялись, наконец, 14 августа за «восстановление порядка». Было введено военное положение, демонстрации запрещены. Генеральный штаб отдал войскам приказ занять Гавану, патрулировать улицы и стрелять по «нарушителям порядка».

Введение военного положения и предательская деятельность лидеров «АБЦ», приложивших все усилия к срыву всеобщей забастовки, привели в середине августа к некоторому «успокоению» в Гаване. В связи с этим 23 августа государственный департамент официально объявил, что С. Уэллес 15 сентября будет смнен в качестве посла на Кубе Джефферсоном Кэффери и вернется на свой прежний пост помощника государственного секретаря.

Но государственный департамент и С. Уэллес снова просчитались, приняв временное затишье в Гаване за окончание революционного кризиса. Импералистические дипломаты не могли понять, что начавшуюся на Кубе революцию нельзя «ликвидировать» с помощью военного переворота и смены кабинетов, что кубинский народ ждал радикальных перемен во всем социальном, экономическом и политическом укладе страны. Такие перемены могло

осуществить лишь революционное правительство, которое, несомненно, возникло бы, если бы революция развивалась без вмешательства американского империализма. Правительство же Сеспедеса, которое, по меткому выражению журнала «Коммюнист» — органа Компартии США, «родилось... с Уэллесом в качестве повивальной бабки и с кислородными подушками... на борту американских крейсеров в Гаване и Мансанильо», было правительством контрреволюции, созданным американским империализмом.

В ходе августовской всеобщей забастовки кубинский рабочий класс явочным порядком добился легального существования коммунистической партии и революционных профсоюзов, загнанных при Мачадо в подполье. Влияние КНОК быстро росло. Коммунисты, игравшие все большую роль в растущих профсоюзах и поддерживаемые левым крылом студенческого движения, организовывали рабочих на борьбу за свои права, против проимпериалистической политики правительства де Сеспедеса. Со второй половины августа революционная борьба сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства развернулась с новой силой. В центрах создавались фабзавкомы и комитеты плантаций, вспыхивали забастовки. Бастующие требовали повышения заработной платы, улучшения условий жизни, признания профсоюзов, начали захватывать землю и сахарные заводы. Через месяц после захвата 24 августа сахарного завода Пунта-Алегре в руках рабочих находились уже 37 заводов. В некоторых местах рабочие заняли не только заводы, но и железные дороги и порты компаний и даже соседние мелкие города. Были созданы «освободительные комитеты», достававшие пищу для бастующих и их семей и распределявшие земельные участки между неимущими.

Массы быстро левели.

К началу сентября режим де Сеспедеса, вставший перед собой такую трудную задачу, как ликвидация социальных и экономических последствий кризиса и диктатуры Мачадо, и оказавшийся перед лицом все более растущего размаха революционного движения, трещал по всем швам. К тому же армия все еще оставалась в руках офицеров-мачадистов, а входящие в правительство буржуазно-помещичьи партии грызлись между собой и не имели никакой массовой опоры.

Между тем в армии, среди рядового и особенно сержантского состава, вышедшего в основном из рядов мелкой буржуазии, росло недовольство сохранявшимся за счет офицеров-мачадистов и оставшимися от старого режима ограничениями, унижающими достоинство солдат и сержантов. Не мог не затронуть армии и общий революционный подъем в стране. В ряде мест солдаты отказывались стрелять в бастующих рабочих и братались с ними. Кроме того, в армии распространился слух о предстоящем введении новых правил, затрудняющих продвижение в чинах для сержантов, снижающих жалование и предусматривающих массовое увольнение рядовых. Это еще больше усилило недовольство и тревогу, использованные «маленькой группой сержантов, промышлявших политикой», как назвал их Фидель Кастро. Возглавляли ее Пабло Родригес, Фульхенсио Батиста, Хосе Педраса и др. При этом ведущую роль в подготовке ими восстания в армии почти с самого начала играл Ф. Батиста.

Полное его имя — Рубен Фульхенсио Батиста-и-Салдивар. Он родился в 1901 г. в местечке Вегитас, муниципии Банес, на севере провинции Ориенте. По происхождению — мулат (с примесью по деду китайской крови), выходец из бедной крестьянской семьи, Батиста до 20 лет работал в качестве рабочего на плантациях сахарного тростника, тормозного кондуктора на железной дороге и т. д. Некоторое время учился в квакерской школе. В 1921 г. поступил в армию, где начал обучаться стенографии; позже был переведен в капралы, затем в сержанты. С 1928 г. служил сержантом-стенографом военного суда в форте Кабанья.

Зная о настроениях рядового и сержантского состава, Батиста с группой перечисленных выше лиц почти сразу же после падения режима Мачадо начал готовить вооруженное выступление в армии. Для этой цели они создали конспиративную организацию «Военный союз Колумбии» и установили контакт с лидерами Студенческого директората, группы университетских профессоров и отколовшейся от «АБЦ» радикальной группировки, также выступившими против правительства де Сеспедеса.

Лидеры Студенческого директората — правого крыла студенческого движения, объективно представлявшего интересы мелкой и средней национальной буржуазии, также стремились взять власть в свои руки. За ними под

лозунгом «Куба для кубинцев!» шла значительная часть студентчества и интеллигенции, сыгравших заметную роль в свержении правительства де Сеспедеса.

На собрании-митинге в солдатском клубе военного городка Колумбия поздно вечером 4 сентября в присутствии многих гражданских лиц из Студенческого директората и организации университетских профессоров было принято решение устранить из армии офицеров-мачадистов и добиваться создания нового, не связанного с американским империализмом правительства. Заговорщики действовали согласованно и быстро. Они заменили охрану президентского дворца и ряда правительственных учреждений, заняли городок Колумбию и арестовали часть офицеров. Другие были просто смещены со своих постов и отпущены по домам.

Некоторое представление о том, к чему стремились Батиста и его друзья, дает следующий эпизод: ночью с 4 на 5 сентября Батиста отправил одному из сержантов-заговорщиков в провинциальном городе телеграмму: «Действуй немедленно, ты произведен в чин капитана. Подтверди получение». На это бывший сержант ответил: «Твоя телеграмма опоздала. Я уже произвел себя в полковники».

В пять часов утра 5 сентября Революционная хунта, созданная на почном собрании в городке Колумбия, сформировала исполнительный орган власти — «Правительственную исполнительную комиссию», состоявшую из пяти человек во главе с видным физиологом, профессором Гаванского университета Рамоном Грау Сан Мартином.

Днем 5 сентября сержанты, которым удалось повести за собой большую часть солдат, захватили власть в провинции. В час дня члены Исполнительной комиссии уже разместились в президентском дворце.

В результате этого почти бескровного восстания власть оказалась в руках представителей кубинской средней и мелкой национальной буржуазии.

Вашингтон отказывает в признании

Революционная хунта категорически отвергла слухи о «связях с коммунистами» и поспешила заверить Вашингтон, что гарантирует защиту жизни и собственности иностранцев. У зданий иностранных банков и посольств была

выставлена охрана. Утром 5 сентября Ф. Батиста посетил посольство США и обещал Уэллсу принять все меры для «обеспечения порядка».

Свержение правительства де Сеспедеса, оказавшееся полнейшей неожиданностью для Уэллеса, привело его в замешательство, граничившее с паникой. В страхе перед «угрозой коммунизма» он сильно преувеличил «революционность» хунты и непосредственную опасность интересам монополий США на Кубе. Только за сутки 5 сентября Уэллес послал в Вашингтон одиннадцать телеграмм и не менее четырех раз беседовал с К. Хэллом и его помощником Д. Кэфферп по телефону. В первой же телеграмме, посланной в час ночи с 4 на 5 сентября, он потребовал немедленной отправки американских эсминцев в Гавану и Сантьяго. Сообщив, что новое правительство состоит из «крайних радикалов», «чьи теории являются открыто коммунистическими», посол требовал присылки в Гавану еще и крейсера, чтобы можно было высадить на берег не менее тысячи американских солдат. Официально это должно было мотивироваться необходимостью защиты посольства США и отеля «Насиональ», где жило много американцев.

В действительности же, по мысли посла, американская морская пехота должна была помочь восстановить правительство де Сеспедеса.

У страха, как известно, глаза велики, и Уэллес, видимо, потеряв в эти дни способность трезво взвесить все возможные последствия вооруженной интервенции, истерически требовал высадки морской пехоты. С просьбой о высадке войск для «защиты их интересов» в государственный департамент обратились также «Бетлихем стил компани», «Юнайтед фрут компани» и некоторые другие действующие на Кубе американские монополии.

Однако Вашингтон действовал осторожно. Получив в 3 часа 45 минут утра 5 сентября телеграмму Уэллеса с просьбой прислать военные суда, Хэлл немедленно обратился по радио к Ф. Рузвельту, совершавшему в это время поездку на яхте. «Ввиду сложившейся обстановки...», — сообщал он президенту, — считаю необходимым согласиться с рекомендацией Уэллеса относительно военных судов и прошу Вашего одобрения. Чтобы не терять времени, я прошу военно-морское министерство в случае Вашего согласия немедленно отдать приказ об отправке

судов». Рузвельт дал согласие, но предупредил о необходимости соблюдать осторожность.

Утром 5 сентября был отдан приказ о посылке в кубинские воды крейсера и эсминцев, часть которых прибыла в Гавану и Сантьяго в тот же день. 6 сентября на базе корпуса морской пехоты в Квантико (Виргиния) были сосредоточены отряд морской пехоты (свыше тысячи солдат и офицеров) и бомбардировщики, находившиеся в полной боевой готовности. Части морской пехоты были сконцентрированы также в Порт-Эверглейде (Флорида). Всего к 11 сентября в кубинских водах и на пути туда находились 30 военных кораблей, в том числе линкор «Миссисипи» и крейсера «Ричмонд» и «Индианополис». Атлантический флот США получил приказ быть готовым к боевым операциям. По словам кубинского историка, это была «самая большая мобилизация военно-морского флота, осуществленная Соединенными Штатами против какой-либо страны после первой мировой войны».

Одновременно помощник государственного секретаря по делам Латинской Америки Кэфферп вечером 5 сентября, а Хэлл и Уэллес 6 сентября сделали официальные заявления для прессы о том, что присутствие военных судов США в кубинских водах не означает интервенции и связано лишь с защитой «жизни американских граждан».

В разговоре с Уэллесом по телефону утром 6 сентября Хэлл сообщил, что его предложение о высадке войск всесторонне обсуждалось, но принято не было. «Нам кажется, — сказал он, — что вся проблема там заключается в армии и, поскольку речь идет о возможной высадке тысячи человек, мы сомневаемся, следует ли высаживать их прежде, чем возникнет абсолютная необходимость в этом, ибо такая мера, по всей вероятности, означала бы интервенцию; и хотя мы, не колеблясь, пойдем на нее, если будем вынуждены, мы не хотим делать этого, пока нас не вынудили».

Вашингтонское правительство действительно предпочло бы обойтись без открытой вооруженной интервенции, так как она, несомненно, подорвала бы у латиноамериканцев всякое доверие к «политике доброго соседа». Интервенция была тем более нежелательна в сентябре 1933 г., когда США вели важные переговоры о торговых соглашениях с южноамериканскими правительствами и когда оставалось всего два с половиной месяца до VII панамерикан-

ской конференции, на которую Вашингтон возлагал серьезные надежды. Американская и европейская пресса, в частности, много писала о том, что успехи дипломатии США на предстоящей панамериканской конференции в г. Монтевидео будут во многом зависеть от умения Ф. Рузвельта и К. Хэлла справиться с «кубинской проблемой» без вооруженной интервенции.

Тем не менее ясно, что «политика доброго соседа» являлась не самоцелью, а лишь одним из средств, призванных укрепить позиции американских монополий в Латинской Америке. Поэтому в случае возникновения действительной угрозы его позициям на Кубе в результате народной антиимпериалистической революции вашингтонский «добрый сосед» никогда бы не остановился перед вооруженной интервенцией, и Хэлл недвусмысленно подтвердил это в беседе с Уэллесом по телефону, цитированной выше.

Именно на этот случай Вашингтон постарался заранее обеспечить поддержку своим действиям со стороны правительств основных латиноамериканских стран. 6 сентября в Белый дом были приглашены послы Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики. Рузвельт информировал их о положении на Кубе и сказал, что США стремятся избежать интервенции, а если бы они и вмешались в кубинские дела, то лишь на основе «поправки Платта» и потому такое вмешательство не являлось бы прецедентом в отношении других латиноамериканских стран.

Но главной его целью было убедить своих собеседников в том, что их правительства в такой же мере, как и Соединенные Штаты, заинтересованы в сохранении на Кубе «нормального» правительства. А отсюда логически вытекала необходимость их совместных с США действий ради этой цели. «Я сказал послам и посланникам, сидящим у моего стола, что... любая акция... должна быть акцией всех стран Америки...», — писал Рузвельт об этой встрече. Одновременно Кэффери пытался убедить в том же посланников и представителей посольств остальных латиноамериканских стран.

Однако уже первая реакция в Латинской Америке, на Кубе и в самих США на действия Вашингтона была весьма поучительна для американских империалистов. Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» сообщал из Буэнос-Айреса, что «интерес к самой кубинской революции был целиком заслонен в Аргентине сообщениями о по-

сылке США военных судов и морской пехоты, которые все вечерние газеты поместили под огромными черными заголовками через всю первую страницу». «Вопрос об интервенции, — подчеркивала газета, — почти неизменно ставится на каждой панамериканской конференции, и многие наблюдатели тут считают, что будет трудно избежать постановки этого вопроса на предстоящей конференции в Монтевидео, если США осуществят сейчас интервенцию на Кубе».

Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало из Монтевидео: «Южноамериканские столицы, внимательно... наблюдающие за политикой США в отношении Кубы, понимают деликатность положения, но надеются, что интервенция может быть предотвращена...» В телеграмме из Панамы корреспондент «Нью-Йорк Таймс» писал, что «перспектива интервенции Соединенных Штатов является темой передовых статей в местной прессе... и всеобщее мнение против такой акции». В конгрессе Перу была внесена резолюция, осуждавшая интервенцию на Кубе.

В Нью-Йорке, Чикаго и других городах США компартия и другие демократические организации провели митинги и демонстрации протеста против интервенции, требуя немедленного отзыва военных судов. 13 сентября в центре Нью-Йорка появилось огромное красное полотнище с надписью: «Руки прочь от Кубы!» Сотни телеграмм протеста и петиций против отправки военных судов к берегам Кубы поступили в Белый дом и государственный департамент. «Посол Уэллес пытается делать на Кубе то, что посол Фрэнсис пытался делать в России во время и после Октябрьской революции — использовать американское посольство в качестве базы для коптрреволюции», — писала газета «Дейли Уоркер».

Вопрос о защите Кубы был включен в повестку созываемого в конце сентября в Нью-Йорке Национального антивоенного конгресса.

Что касается реакции официальных кругов латиноамериканских стран, то лишь марионеточные правительства кровавых диктаторов Убико в Гватемале и Трухильо в Доминиканской республике — осмелились официально одобрить план американской интервенции против кубинского народа. Мексиканское правительство официально признало Революционную хунту и выразило надежду, что она будет способна образовать правительство, которое осуществит

«самые высокие национальные стремления» Кубы. Правительства Бразилии и Чили объявили, что они готовы приветствовать новый режим на Кубе, но призвали хунту «быстро восстановить порядок».

Однако наиболее красноречивой была реакция Аргентины. В коммюнике аргентинского МИДа от 8 сентября и в ноте, переданной в тот же день посольству США в Буэнос-Айресе, выражался недвусмысленный отказ санкционировать любое вмешательство — даже «коллективное» — в дела Кубы. По словам газеты «Нью-Йорк Таймс», эта нота интерпретировалась в Вашингтоне «как открытое заявление о том... что Соединенные Штаты не имеют никакого права вмешиваться во внутренние дела независимого государства при любых обстоятельствах».

На самой Кубе действия американского империализма вызвали огромное возмущение. Прибывший в Гавану линкор «Миссисипи» был встречен мощной демонстрацией под лозунгом «Долой империализм янки!» Ночью эти слова были выведены огромными буквами на корпусе корабля. Коммунистическая партия Кубы призвала трудящихся оборонять свою родину в случае высадки морской пехоты. Гаванские женщины создали «батальон смерти» и организовали милицию Красного Креста. Народ повсюду выражал решимость защищать страну с оружием в руках. Хунта, заявив, что запугивание интервенцией «едва ли согласуется с политикой «добраго соседа», сконцентрировала в стратегических пунктах войска с пулеметами и артиллерией.

Возмущение и протесты в Латинской Америке против планов империалистической интервенции на Кубе, отказ правительств большинства латиноамериканских стран поддержать эти планы и, наконец, твердая решимость кубинского народа оказать вооруженное сопротивление интервентам — со всей очевидностью показывали, что последствия подобной интервенции могли оказаться весьма плачевными для всей латиноамериканской политики США. «Мне, — признавался впоследствии Хэлл в своих мемуарах, — казалось, что Уэллес сбит с толку местными событиями на Кубе и недооценивает той разрушительной реакции, которая последовала бы во всей Латинской Америке, если бы мы согласились на его требование высадки войск». Вот почему Ф. Рузвельт и К. Хэлл продолжали действовать осторожно.

9 сентября, говоря по телефону с послом в Мексике Даниэльсом, Хэлл заявил, что он «скорее бы отправился отсюда на Южный полюс, чем пошел на интервенцию». Накануне вечером Рузвельт позвонил Уэллсу в Гавану и в результате этого разговора, содержание которого до сих пор неизвестно, позиция Уэллеса настолько резко изменилась, что уже спустя сутки он сообщал Хэллу: «Я более чем когда-либо уверен, что ввиду весьма серьезной ситуации, сложившейся в настоящее время, единственный путь, который могут избрать сейчас Соединенные Штаты, — это путь, подсказанный мне президентом по телефону вчера вечером, а именно — путь внимательного ожидания».

По-видимому, Рузвельт говорил по телефону достаточно откровенно, так как с этого времени Уэллес уже ни разу не поднимал вопрос о высадке американских войск или восстановлении правительства де Сеспедеса.

Между тем гаванская хунта делала все, что могла, чтобы добиться признания со стороны Вашингтона. Выступая от имени хунты, глава Правительственной исполнительной комиссии Р. Грау Сан Мартин выразил надежду на то, что США быстро признают новый режим. «Мы надеемся, что если Соединенные Штаты увидят, что революционное правительство достаточно сильно, чтобы поддерживать порядок..., — мы будем признаны. Мы не имеем никаких антиамериканских тенденций и надеемся на лояльное и дружественное отношение со стороны Соединенных Штатов...», — заявил он и заверил Вашингтон, что все действующие при правительстве де Сеспедеса законы остаются в силе и что «армия быстро и определенно отделяется от политической сферы кубинской жизни».

В тот же самый день посол Кубы в США, по поручению Правительственной исполнительной комиссии, посетил Д. Кэффри и сделал ему заявление, смысл которого сводился к тому, чтобы опровергнуть «слухи о якобы коммунистическом характере» нового кубинского правительства. Он также сообщил, что «с целью восстановления дисциплины и власти в армии Исполнительная комиссия решила восстановить всех офицеров на их постах» и что «быстрая реорганизация армии позволит гарантировать защиту жизни и личной свободы наших граждан».

Офицерам, чья репутация не была замарана кровавыми преступлениями во времена режима Мачадо, было

предложено вернуться на свои посты в армии. Однако генерал Сангилл, которого офицеры все еще считали начальником штаба армии, отказался принять это предложение. Тогда начальником штаба армии был назначен Ф. Батиста, которому был присвоен чин полковника. Но большинство офицеров отказалось «служить под началом сержанта». 8 сентября они стали собираться в здании отеля «Насиональ», расположенном в центре Гаваны. Отель принадлежал американскому капиталу, и в нем всегда жило много американцев, а 6 сентября там поселился С. Уэллес. Здесь собралось около 300 вооруженных виптовками и пулеметами офицеров, к которым присоединилось значительное число гражданских лиц. 9 сентября они потребовали восстановления правительства де Сеспедеса.

По приказу Батисты здание отеля было окружено солдатами. Но попытка их войти туда, чтобы арестовать и разоружить офицеров, окончилась неудачей в связи с тем, что отель стал резиденцией посла США и получил право дипломатической неприкосновенности. Кроме того, Уэллес заявил вошедшему в здание сержанту, что офицеры могут оказать сопротивление и жизнь живущих в отеле американцев может оказаться в опасности, что приведет к «весьма серьезным последствиям». Солдаты отступили.

10 сентября правительственные войска начали осаду «Насионаля». На все предложения восстановить их на прежних постах офицеры, связавшиеся через Уэллеса с руководством буржуазно-помещичьих партий оппозиции и тайно получавшие оружие и боеприпасы, упорно отвечали отказом. Лишь в результате бури возмущения, пронесшейся по всему острову, и забастовки служащих отеля Уэллес 12 сентября покинул «Насиональ». Вынужденный дать формальное объяснение своих действий, опубликованное государственным департаментом, он отрицал в нем какую-либо связь между ним и засевшими в здании отеля «Насиональ» офицерами-мятежниками.

Однако в ноябре 1933 г. студенческая газета Гаванского университета «Альма матер» опубликовала фотоконии показаний арестованных офицеров-мятежников из «Насионаля», свидетельствующие о связи Уэллеса с их заговором. Спустя четверть века американская журналистка Р. Х. Филлипс, свидетельница тех событий, писала: «В отеле «Насиональ» офицеры нам сказали, что Уэллес

обещал американскую интервенцию, если солдаты нападут на отель»... И далее: «Военный атташе американского посольства полковник Джимперлинг, у которого было много друзей и знакомых среди кубинских офицеров и который, как мы думаем, говорил непосредственно от имени посла, посоветовал офицерам ни при каких обстоятельствах не возвращаться на свои посты, заявив, что американское правительство никогда не потерпит мятежа рядовых... и что американская интервенция совершенно неизбежна».

Желание получить признание Вашингтона привело к роспуску Правительственной исполнительной комиссии и назначению президента. Уже 8 сентября «Нью-Йорк Таймс» сообщала, что в Гаване обсуждается «вопрос об изменении формы правительства и избрании президента, чтобы избежать обвинения в установлении системы, которая пахнет советизацией». 10 сентября было официально объявлено о создании Временного революционного правительства и назначении Рамона Грау Сан Мартина временным президентом. В заявлении, сделанном после присяги, новый президент обещал уважать иностранные интересы на Кубе.

Во Временном революционном правительстве, объективно отражавшем интересы кубинской национальной — средней и мелкой городской буржуазии, с самого начала развернулась борьба между представителями патристически настроенных слоев этих классов, готовых вести борьбу за политическую и экономическую независимость страны, и представителями кругов, проявлявших склонность к сговору с империалистами и местной реакцией. При этом первое время в нем явно преобладали представители именно этих кругов. К их числу относился и сам глава правительства — Рамон Грау Сан Мартин. Не случайно сенатор Бора и некоторые другие более дальновидные либеральные буржуазные деятели в Соединенных Штатах уже тогда разглядели в нем человека, готового служить интересам американского капитала.

Однако С. Уэллес упорно продолжал в своих донесениях характеризовать новое правительство и его главу как «крайне радикальные элементы», не имеющие почти никакой поддержки и никакой перспективы удержаться у власти. Слишком часто полагаясь на тенденциозную информацию, поставляемую отвергнутыми пародом полити-

канами, он неоднократно принимал желаемое за действительное. Например, 7 сентября он сообщил Хэллу, что «сержант Батиста попросил встречи с президентом де Сеспедесом, чтобы сказать, что армия хочет передать себя в его распоряжение». Причем Уэллес был настолько уверен в достоверности получаемой им информации, что решил даже облегчить Батисте... бегство с Кубы. С этой целью американский консул в Гаване договорился с местной конторой «Юнайтед фрут компани» о том, что один из ее пароходов, идущих из США в Мексику, отклонится от своего курса специально для того, чтобы взять на борт Батисту, «если это окажется необходимым». Одновременно к Батисте явился таинственный посетитель, заявивший, что он представляет «американские власти» и что, если положение Батисты станет невыносимым и он захочет покинуть занимаемый им важный пост, то ему не следует беспокоиться. Его будет ожидать хорошая работа у компании «Юнайтед фрут» в Центральной Америке. Больше того, он может воспользоваться этим предложением немедленно. Батиста ответил вежливым отказом.

Не один, и не два раза Уэллес сообщал в Вашингтон, что правительство Грау Сан Мартина стоит накануне неминуемого краха, и каждый раз действительность оказывалась иной. Тем не менее на основе этой информации Вашингтон, желавший видеть на Кубе правительство, которое бы сумело «навести порядок» на острове, верно служило бы интересам американских монополий и было готово их отстаивать, считал Грау Сан Мартина и большинство его министров людьми, «неподходящими» для этой цели. Такими людьми в глазах руководителей государственного департамента были лидеры буржуазно-помещичьих партий К. Мендиэта, М. Гомес, правые лидеры «АБЦ», и Вашингтон желал либо введения их в правительство с тем, чтобы они могли определять его политику, либо ухода этого правительства в отставку.

В составленном Уэллесом и подписанном К. Хэллом заявлении государственного департамента о политике в отношении Кубы говорилось, что Соединенные Штаты готовы «приветствовать любое правительство, представляющее волю народа республики и способное поддержать закон и порядок на всем острове. Такое правительство должно быть способным осуществлять функции и обязанности, лежащие на всяком стабильном правительстве».

Лицемерно обещая признать Временное революционное правительство, если оно докажет, что «способно поддерживать порядок», Вашингтон рассчитывал сразу «убить двух зайцев»: разгромить руками национал-реформистского правительства революционное движение на Кубе и лишить тем самым это правительство всякого влияния на массы, что значительно облегчило бы реакционным силам свержение его. Заявление государственного департамента обрекало Временное правительство бороться внутри порочного круга: без «стабильного правительства» Вашингтон не шел на признание, но без признания невозможно было обеспечить «стабильность», так как лидеры буржуазно-помещичьих оппозиционных партий, выражавшие, по мнению государственного департамента, «волю народа», отказывались, по совету Уэллеса, от всякого сотрудничества с этим правительством и вели активную борьбу против него. Поощряемые посольством США, они инспирировали в середине сентября реакционные мятежи в провинциях Пинар-дель-Рио, Камагуэй, Лас-Вильяс, Ориенте.

37 крупнейших кубинских капиталистов опубликовали заявление, обвиняющее Грау Сан Мартина в неспособности подавить революционное движение. Связанные с американским капиталом круги кубинской буржуазии и крупных землевладельцев саботировали правительственные мероприятия, не платили налогов, отказывали правительству в кредитах.

Через посредство Уэллеса и прибывшего незадолго до переворота 4 сентября в Гавану для торговых переговоров специального советника Белого дома по экономическим вопросам А. Берли Вашингтон оказывал непрекращавшийся нажим на Грау Сан Мартина, давая понять, что пока кубинскому правительству не будет обеспечено «общественное доверие» путем предоставления решающих постов в нем лидерам оппозиции, экономическая разруха на острове и непризнание США неизбежны. 19 сентября Берли демонстративно отказался вести переговоры и уехал.

Это означало, что в то время, как кубинская казна истощалась, вопрос о квоте на ввоз сахара с Кубы в США и об американских займах отодвигался на неопределенный срок. Вашингтон, зная о нехватке на Кубе продовольствия, использовал, таким образом, в своих целях оружие голода. Кроме того, как сообщали кубинские газеты

«Информасьонес» и «Эль Паис либре», Уэллес с целью создания дополнительных трудностей для правительства Грау Сан Мартина добивался сокращения американскими фирмами поставок на Кубу нефти и других видов горючего.

Между тем революционный подъем, вызвавший в августе 1933 г. падение режима Мачадо, достиг наивысшей степени своего развития во второй половине сентября. Забастовочная волна к этому времени, даже, по словам авторов доклада Ассоциации внешней политики США о положении на Кубе, «охватила почти все сахарные заводы и сахарные районы, распространившись... на самые отдаленные сентралы. Бастовали молодые и старые, белые и черные, местные жители и иностранцы... Во многих пунктах в движение было вовлечено все работающее население; фабричные рабочие объединялись с полевыми рабочими, служащими контор и складов компаний. Крестьяне сформулировали свои собственные требования».

Но забастовочное движение охватило не только сахарную промышленность. Бастовали табачники в провинции Пинар-дель-Рио, рабочие кофейных и банановых плантаций в провинции Ориенте, рабочие марганцевых рудников в Кристо (пров. Ориенте) и американских асфальтовых разработок в районе Матаамбре (пров. Пинар-дель-Рио). Рудники «Бетлихемской стальной компании» в Дайкири (пров. Ориенте) были закрыты и находились в руках рабочих.

Движение не ограничивалось экономическими требованиями. Оно быстро переросло в ярко выраженное политическое движение, направленное против местной реакции и американского империализма. «В Антилье красный флаг развевался со шпилья ратуши, а в Сантьяго коммунистическая демонстрация заставила мэра и губернатора провинции бежать...», — отмечалось в упоминавшемся уже отчете Ассоциации внешней политики Соединенных Штатов. В сентрале Мобай и ряде других мест забастовочная борьба переросла в вооруженную борьбу с полицией и войсками, в захват местной власти и создание рабочих советов.

В результате массового забастовочного движения кубинский пролетариат добился серьезных завоеваний. В частности, рабочие основных отраслей хозяйства — сахарной и табачной промышленности, железнодорожного и мор-

ского транспорта — добились увеличения в два раза средней заработной платы и установления 8-часового рабочего дня. Значительно окрепли, добились легальности и расширили свое влияние революционные профсоюзы. Национальная рабочая конфедерация Кубы (КНОК) стала крупнейшей профсоюзной организацией в стране и одной из сильнейших во всей Латинской Америке.

Кубинские капиталисты, коммерсанты и латифундисты были в панике. Консервативная гаванская газета «Диарио де ла Марина», отражая настроения этих кругов, предупреждала, что «если правительство не примет мер, то очень скоро вся Куба превратится в один сплошной Мобай».

В Вашингтоне и на Уолл-стрит также росло чувство тревоги. «Перспективы теперь таковы, — писал в эти дни в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» некий американский бизнесмен, — что мы должны поцеловать наши кубинские капиталовложения и распрощаться с ними». Быстрый рост ненависти народных масс на Кубе к «империализму янки» отмечала не только американская, но и европейская пресса. Об этом свидетельствуют также следующие записи, сделанные в дневнике находившейся в те годы в Гаване американской журналистки Р. Х. Филлипс.

«10 сентября... Сегодня в Центральном парке состоялся митинг, созванный Антиимпериалистической лигой. Там все кричали: «Долой империализм янки!», «Долой Уэллеса!»

«15 сентября... Растет враждебность кубинцев к американцам. Поступают сообщения о том, что рабочие захватывают сахарные заводы...»

«23 сентября. Все верят в революцию... В провинции происходят стычки... Поднимаются и требуют равенства негры... В стране так много забастовок, что о них бесполезно говорить. Бастуют докеры, табачники, полиграфисты и печатники. Улицы полны демонстрантов, которые кричат то одно, то другое. Единственно, в чем все они согласны, — это «Долой американцев!»

«30 сентября... Собственники напуганы до смерти. Толпы в лохмотьях на улицах кричат: «Долой американцев!» Коммерсанты первичаю и трясутся от страха...»

Рабочий класс Кубы сыграл решающую роль в борьбе за свержение режима Мачадо. В ходе осенних стачечных боев 1933 г. он также одержал крупные победы. Даже

буржуазные авторы не могли не признать, что «в целом движение имело определенную пролетарскую целеустремленность». Однако кубинский рабочий класс не был еще тогда достаточно сплочен и подготовлен к тому, чтобы повести за собой весь народ. Коммунистическая партия Кубы, фактически вышедшая в августе 1933 г. из подполья, заметно увеличила в последующие месяцы свое влияние в рабочем классе. Коммунисты играли ведущую роль в Национальной рабочей конфедерации Кубы и руководили крупнейшими забастовками на сахарных заводах. Даже Уэллес вынужден был в одном из своих донесений отметить, что «на Кубе нет эффективной национальной рабочей организации, кроме находящейся под влиянием коммунистов».

Коммунисты призывали массы к аграрной и антиимпериалистической революции, к созданию рабоче-крестьянского правительства, которое освободит страну от господства империалистов США и местных латифундистов и буржуазии. Но руководители молодой Коммунистической партии Кубы тогда не освободились еще полностью от пережитков сектантства, типичных для компартий многих латиноамериканских стран, и выдвинутый ими лозунг установления советской власти в то время был ошибочным. Они недостаточно четко представляли, что Куба переживала антиимпериалистический этап освободительной революции, когда все революционные силы нации, выступающие против империализма, должны объединиться в единый общенациональный фронт. Они недооценили поэтому и то обстоятельство, что правительство Грау Сан Мартина было первым национальным правительством, созданным вопреки воле Вашингтона, и то, что оно опиралось на широкие слои населения, причем не только на мелкую буржуазию города и деревни, но и на определенные слои рабочего класса.

В результате компартия вместо того, чтобы оказать на определенных условиях поддержку правительству Грау Сан Мартина, проявить необходимую тактическую маневренность и гибкость и использовать сложившуюся осенью 1933 г. обстановку для создания единого национального фронта борьбы против империализма, расценила классовую ограниченность и колебания руководителей Временного правительства, как предательство, и заняла ошибочную позицию борьбы против этого правительства.

Между тем бурный подъем революционного движения масс напугал национальную буржуазию. Она была не прочь ограничить хозяйничанье американских монополий во имя собственного господства и старалась использовать движение масс в своих целях. Но в то же время она увидела в нем прямую опасность своим классовым интересам. Стремясь поскорее получить спасительное признание США, означавшее займы, квоту на сахар, новый торговый договор и т. д., правительство старалось доказать, что оно само в состоянии «навести порядок» в стране. С этой целью оно потребовало и получило от Революционной хунты диктаторские полномочия.

Уже во второй половине сентября войска начали вытеснять рабочих с занятых ими центральных и возвращать последние владельцам. Новый начальник штаба армии Ф. Батиста в беседе с Уэллесом 21 сентября, по словам последнего, «выразил суровую враждебность в отношении всякой коммунистической деятельности и пропаганды».

29 сентября в Гаване состоялась многотысячная демонстрация в память основателя Коммунистической партии Кубы Х. А. Мельи. По приказу военных властей, солдаты обстреляли ее из пулеметов. Результатом было более трех десятков убитых и раненых. Расстрел демонстрации послужил сигналом к наступлению на демократические организации. Были разгромлены помещения руководства компартии, Антиимпериалистической лиги и революционных профсоюзов. Коммунистическая партия и КНОК были объявлены вне закона, а ряд их лидеров брошены в тюрьму.

После расправы с демократическими силами правительство решилось, наконец, покончить с угрозой со стороны засевших в отеле «Насиональ» офицеров-мачадистов, категорически отказавшихся пойти на компромисс, которого добивался Батиста. После ухода оттуда Уэллеса осада восьмизэтажного здания отеля велась по всем правилам военного искусства: были перерезаны водопровод, телефон и электричество, на входы направлены пулеметы, подтянута артиллерия. Несмотря на все это, офицеры упорно не желали сдаваться. 2 октября солдаты Батисты при поддержке артиллерии, орудий канонерки «Патриа» и самолетов в результате десятичасового боя заставили офицеров выкинуть белый флаг.

Во второй половине октября политика репрессий против демократических сил и революционного движения масс еще более усилилась. Тем не менее в октябре бастовали 28 тыс. рабочих сентралей, 17 тыс. докеров, 15 тыс. железнодорожников, 5 тыс. табачников, 14 тыс. рабочих других отраслей.

Несмотря на некоторый спад революционной волны по сравнению с сентябрем, случаи захвата рабочими сахарных заводов и забастовки имели место в октябре, ноябре и даже в декабре месяцах.

Временное революционное правительство было к ноябрю уже формально признано Мексикой, Уругваем, Панамой, Перу, Испанией. Правительство Аргентины также считало, что пора признать новый режим на Кубе и зондировало с этой целью почву в Рио-де-Жанейро. Мексиканское правительство заключило с правительством Грау Сан Мартина важное соглашение о посылке на Кубу мексиканской военной миссии для обучения кубинской армии. Однако в политике США никаких принципиальных изменений не произошло.

На запрос Хэлла о целесообразности признания правительства Грау Сан Мартина в связи с тем, что американская пресса расценила разгром офицеров в отеле «Националь», как «признак консолидации положения нынешнего правительства», Уэллес ответил отрицательно. «... Захват в плен офицеров, — писал он, — не свидетельствует о консолидации положения правительства, а лишь значительно поднимает престиж армии, которую отнюдь не следует отождествлять с правительством... По мере того как Батиста становится более влиятельным, власть студентов и Грау Сан Мартина уменьшается».

Уэллес был прав. В правительстве Грау Сан Мартина почти с самого начала его существования образовалось два крыла — левое, за которым стоял Студенческий директорат и наиболее видным представителем которого был министр внутренних дел А. Гитерас, и правое, опиравшееся на поддержку Батисты и требовавшее компромисса с буржуазно-помещичьими оппозиционными партиями ради получения признания США. Разногласия и трения между этими разнородными элементами внутри правительства приняли в октябре серьезный характер. «В авторитетных кругах считают, — сообщало в конце октября агентство Юнайтед Пресс, — что политическое будущее

Кубы зависит от позиции Батисты... Как полагают, полковник Батиста осознал это положение... Этот лидер обнаружил большую силу характера, и хотя он лишен культуры и образования, он удивил всех своим благородством и терпимостью».

Правительство Грау Сан Мартина существовало уже два месяца, но Вашингтон упорно отказывал ему в официальном признании. Уэллес по-прежнему делал все, чтобы убрать со сцены это правительство, а Куба по-прежнему была окружена кольцом американских военных кораблей. В интервью, данном в конце октября, Грау Сан Мартин назвал политику США «пассивной интервенцией». Как показал, однако, вспыхнувший в ноябре новый военный мятеж, эта интервенция отнюдь не была «пассивной».

Мятеж в Гаване, организованный правым крылом «АБЦ» и мачадистскими элементами, начался рано утром 8 ноября с захвата штаба полиции и складов оружия. Сержанты авиационного корпуса захватили аэродром и использовали бомбардировщики. В мятеже участвовали гарнизоны трех столичных форт, полицейские и много гражданских лиц из правой оппозиции. Однако большая часть армии и обе канонерки кубинского флота остались верны правительству, и в результате двухдневных ожесточенных боев с участием артиллерии, авиации и флота Батисте удалось подавить мятеж.

Следствие вскрыло, что нити заговора тянулись в американское посольство в Гаване. Один из лидеров мятежа — полковник Х. Блас Эрнандес был тесно связан с Антонио Гонсалесом де Мендоса из «Эмерикэн шугэ рифайнинг компани», в доме которого жил С. Уэллес. Другой заговорщик — Рафаэль Итуральде за два дня до мятежа посетил посольство США, а затем, выйдя оттуда и потирая руки, заявил корреспондентам, что кубинская проблема теперь разрешена. Третий вожак мятежников — полковник Кольясо, миллионер, бывший при Мачадо одним из заправил в провинции Матансас, спасся от ареста на моторной шлюпке американского крейсера, переправившей его на борт американского торгового парохода. «Таковы были те элементы, с которыми сотрудничали «АБЦ» и Уэллес и которых он хотел восстановить у власти», — комментировал результаты следствия американский еженедельник «Нэйшн».

Результаты следствия еще раз показали, что посольство США по-прежнему оставалось режиссером всей заговорщической деятельности против Временного революционного правительства. Кубинцы ненавидели Уэллеса за мрачную роль душителя революции, которую он сыграл на Кубе в 1933 г. В распространившейся по всей Латинской Америке статье, опубликованной в журнале «Ла Семана», говорилось: «Подобно ворону Эдгара По, злоеущий дипломат упрямо вонзает свои когти в нашу сочащуюся кровью землю... Пока Сэмнер Уэллес дышит воздухом Кубы, здесь никогда больше не будет мира... Народ указывает на него в страхе, суеверно крестясь. М-р Уэллес может быть очень хорош, но по несчастливому совпадению после каждого из ряда его тайственных визитов взрывается динамит, неистово трещат пулеметы, и кладбища пополняются мертвецами... Его голова окружена страшным ореолом трагедии... С нас хватит Вашего присутствия, м-р Уэллес... Ваша интервенция должна прекратиться. Оставьте нас в покое... Мы друзья американского народа, но мы отказываемся от сэмнеруэллесаизма»²⁵.

15 ноября Грау Сан Мартин обратился к Ф. Рузвельту с письмом, в котором просил прислать в Гавану нового посла. «Я вынужден просить от своего собственного имени и от имени моего правительства, — писал он, — чтобы Вы положили конец беспокойным действиям посла С. Уэллеса ради поддержания высокого уважения и традиционной дружбы, существующей между нашими странами. Он неоднократно проявлял свое пристрастие, поддерживая связь и имея дело с врагами правительства, в частности с врагами, замешанными в восстании, которое мы только что подавили... Мы будем приветствовать любого представителя Вашего превосходительства на Кубе, проникнутого политикой доброго соседа, которую Вы провозгласили...»

Все эти обстоятельства так же, как и предстоявшее через две недели начало работы седьмой панамериканской конференции, определяли настоятельную необходимость решить вопрос о дальнейшей линии политики США в отношении Кубы. Тем более, что еще несколько латиноамериканских стран, как стало известно Вашингтону, были

²⁵ «Ворон» — известное стихотворение североамериканского поэта Э. По.

намерены перед открытием конференции в Монтевидео признать кубинское правительство.

18 ноября Уэллес был вызван в США. Он встретился с Ф. Рузвельтом, а также с заместителем государственного секретаря У. Филлипсом и Д. Кэффри. Содержание их бесед остается неизвестным, но, судя по комментариям прессы и последовавшему за этими встречами заявлению Ф. Рузвельта, Уэллесу удалось убедить президента в непрочности режима Грау Сан Мартина и наличии на Кубе — и даже внутри самого Временного правительства — реакционных сил, способных свергнуть этот режим. Было решено проводить прежнюю политику непризнания.

В заявлении президента Соединенных Штатов, сделанном 23 ноября и, как обычно, обильно уснащенном заверениями о «добрососедстве», говорилось о «желании начать переговоры об изменении Постоянного договора» с Кубой. Однако далее в нем достаточно ясно давалось понять, что Временное революционное правительство, неспособное доказать свою «стабильность», не может рассчитывать на признание США, а также на переговоры о торговом договоре, займе и отмене «поправки Платта».

Обещая все это правительству, которое сможет «навести порядок», заявление фактически призывало реакционные силы на Кубе к свержению Временного революционного правительства. Объявлялось также, что Уэллес «по завершении своей миссии, которое ожидается в ближайшем будущем», будет заменен на Кубе Джефферсоном Кэффри.

К этому времени трения внутри Временного революционного правительства стали принимать все более острый характер. Гитерас и его сторонники в левом крыле правительства понимали, что, не получая признания Вашингтона и оторвавшись от масс, оно рисковало стать игрушкой в руках честолюбивого начальника штаба армии Ф. Батисты. Под влиянием левого крыла и непосредственно Гитераса Временное революционное правительство осуществило ряд мер, направленных на некоторое улучшение положения народных масс и укрепление национального суверенитета Кубы. Придя к власти, оно сразу же объявило, что будет проводить политику «Куба для кубинцев!», отменило навязанную американцами конституцию 1901 г. и заменило ее Статутом Временного правительства

Кубы, в котором «поправка Платта» даже не упоминалась. Затем были распущены политические партии, поддерживавшие Мачадо, созданы комиссии для чистки государственных органов и политических организаций от мачадистских элементов, образованы специальные трибуналы для суда над политическими преступниками. 19 сентября был подписан декрет, вводивший восьмичасовой рабочий день и 44-часовую рабочую неделю. Другой декрет обязывал хозяев предприятий признать профсоюзы и заключать с рабочими коллективные договоры. Были конфискованы предприятия, «незаконным путем присвоенные чиновниками правительства Мачадо» (в том числе обувные, красильные и другие фабрики самого Мачадо), приняты меры, несколько облегчившие положение безработных, образовано министерство труда, возвращена автономия Гаванскому университету.

В декабре правительство снизило на 40—45% расценки на электроэнергию, газ, воду и телефон и запретило американским компаниям изменять их, а также сокращать персонал. Ряд электростанций, а также сахарных заводов, принадлежавших американскому капиталу и закрытых в связи с забастовкой их рабочих и служащих, были временно взяты под государственное управление. В начале января 1934 г. был установлен минимум зарплаты для рабочих сахарных плантаций, конфискованы земли активных мачадистов для распределения их среди безземельных рабочих и арендаторов. Тогда же правительство опубликовало новый избирательный статут и впервые в истории Кубы предоставило право голоса женщинам.

Батиста и его ближайшее окружение старались сделать все, чтобы помешать осуществлению сколько-нибудь радикальных преобразований, на которых настаивал А. Гитерас и поддерживавшие его мелкобуржуазные деятели из Студенческого директората. Уэллес регулярно сообщал в Вашингтон о резких разногласиях в правительстве между Гитерасом и Батистой, а также между последним и Грау Сан Мартином. Он еще в сентябре — начале октября установил контакт с Батистой и организовал переговоры между ним и лидерами оппозиции. Уэллес заверил Батисту, что лидеры буржуазно-помещичьих партий и «коммерческие и финансовые интересы» готовы оказать ему поддержку, а Батиста со всей стороны заверил посла США, что он арестует «коммунистических лидеров и га-

рантирует права владельцев собственности». В частном письме, посланном 4 октября, Уэллес подчеркивал, что «полковник Батиста надежен и твердой рукой стремится покончить с неограниченной классовой агитацией... Он, однако, пока что не может сделать больше того, что сделано, так как крайние и радикальные элементы правительства Грау Сан Мартина не поддерживают его усилия в этом направлении... Он решительный противник коммунизма и, если бы он решился поддержать порядок, то получил бы помощь банковских и деловых кругов в интересах замены нынешнего режима правительством, которому они смогут больше доверять».

После подавления контрреволюционного мятежа 8—9 ноября значение Батисты и его роль в определении политики правительства стали быстро расти. Он не без основания считал себя хозяином положения в правительственном лагере — в его руках была армия. Для Батисты и его друзей восстание 4 сентября было лишь ступенькой к власти, к которой они рвались с самого начала. Теперь они добились власти и желали стабилизировать свое положение любыми средствами, хотя бы даже путем компромисса с реакцией, лишь бы этот компромисс обеспечил признание их положения Вашингтоном. Действительные чаяния и интересы народа были им глубоко чужды.

Во главе всех военных частей Батиста поставил своих людей и всячески подавлял деятельность коммунистической партии, особенно в армии. Военные власти неоднократно срывали усилия министерства труда по «урегулированию» забастовок на сахарных заводах, арестовывая без всякого на то права рабочих лидеров, применяя к бастующим прямое насилие.

По приказу Батисты военные власти назначали и смещали местных гражданских чиновников, игнорируя министра внутренних дел А. Гитераса.

Однако открыто выступить против правительства Грау Сан Мартина Батиста пока не мог, так как часть вооруженных сил — флот и отдельные войсковые части, а также полиция, еще не были под его полным контролем. Батиста справедливо опасался, что в случае его попытки совершить государственный переворот они могут пойти за Гитерасом. В этих условиях он старался постепенно расширить и укрепить свой контроль над вооруженными силами, максимально ослабить революционное движение

масс и выждать, выиграть время для того, чтобы удержаться у власти при любом возможном повороте событий.

При этом Батиста прежде всего старался сохранить за собой расположение посольства США. Так, узнав, что Уэллес должен выехать в США для совещания с Рузвельтом, и понимая что там будет обсуждаться дальнейший курс Вашингтона в отношении Кубы, Батиста в тот же день заверил Уэллеса в том, что «он глубоко сожалеет о нападках правительственных кругов на Соединенные Штаты, что ни он сам, ни члены его штаба не принимали никакого участия в этих нападках и не верят сделанным голословным утверждениям. . . что распространяемая лживая и злобная пропаганда является исключительно делом рук штатских лиц, близких к доктору Грау».

Честолюбивые замыслы Батисты не были секретом для Уэллеса. После провала ноябрьского мятежа он решил сделать ставку на раскол в правительственном лагере и на измену Батисты. В Вашингтоне его план был одобрен и, вернувшись в Гавану, Уэллес активно занялся подготовкой к осуществлению этого плана.

Тем временем американская делегация, возглавляемая К. Хэллом, прибыла в столицу Уругвая г. Монтевидео, где с 3 по 26 декабря 1933 г. проходила VII панамериканская конференция. Обстановка, сложившаяся накануне конференции, была мало благоприятной для США и настоятельно требовала отказа от старых методов диктата, применявшихся их делегациями на предшествующих панамериканских конференциях. И Хэлл не мог не учитывать этого.

Делегаты Соединенных Штатов уклонились от принятия почти всех предложенных им председательских постов в комитетах и подкомитетах конференции, всячески стараясь, по выражению одного из делегатов Мексики, «держаться в тени». Это, однако, не помешало тому, что влияние американской делегации чувствовалось за дверьми большинства комитетов. Хэлл сумел использовать в интересах дипломатии США аргентино-бразильское и аргентино-мексиканское соперничество на конференции и с помощью услужливых делегатов некоторых зависимых от американского империализма правительств продвинул ряд нужных ему предложений. Однако заставить молчать делегатов Кубы Корделлу Хэллу не удалось.

Обвинив правительство Соединенных Штатов во вмешательстве в дела Кубы уже на первом пленарном заседании конференции, кубинская делегация затем неоднократно заявляла об этом на заседаниях отдельных комитетов и подкомитетов. Но главное испытание делегации США пришлось выдержать во втором комитете, занимавшемся «проблемами международного права», и, в частности, вопросом о запрещении интервенции. Решение этого вопроса, который, по выражению делегата США на конференции в Монтевидео Э. Грюнинга, «тлел в Сант-Яго десять лет назад»²⁶ и «едва не взорвался и не вызвал крушение VI конференции в Гаване пять лет назад», было стараниями государственного секретаря Ч. Э. Юза в 1928 г. отложено до VII панамериканской конференции. Поэтому в повестку дня последней, в разделе «Кодификация международного права», был включен проект Конвенции о правах и обязанностях государств со статьей, гласившей, что «ни одна страна не имеет права вмешиваться во внутренние или внешние дела другой страны». Латиноамериканские страны, испытывавшие на себе прелести интервенционистской политики американского империализма, упорно добивались формального признания этого принципа Вашингтоном, и было ясно, что делегация Кубы поднимет этот вопрос в самой резкой форме.

Все попытки К. Хэлла «похоронить» проект конвенции или хотя бы, по выражению газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», «обломать зубы» ему, а затем, когда это не удалось, уклониться от его обсуждения и добиться создания комитета юристов для «дополнительного определения» условий конвенции, провалились. На заседаниях второго комитета и его подкомитетов делегаты Гаити, Доминиканской республики, Венесуэлы, Сальвадора, Перу и других стран во главе с делегатом Кубы, заявившим, что «поправка Платта» является постоянной угрозой интервенции и призвавшим дать его стране действительную возможность самостоятельного развития, — категорически потребовали отказа от интервенции. Оказавшись перед лицом единого фронта большинства латиноамериканских делегаций, требовавших безусловного запрещения всякого вмешательства, К. Хэлл вынужден был пойти гораздо

²⁶ В Сант-Яго (Чили) в 1923 г. состоялась V панамериканская конференция.

дальше, чем собирался, и голосовать во втором комитете за принятие проекта конвенции. Он не мог поступить иначе, чтобы не разоблачить столь торжественно и многократно провозглашенное «добрососедство» США.

Впоследствии, в своих мемуарах, Хэлл вспоминал, что вопрос о запрещении интервенции вызвал жесточайшие дебаты в комитете, а пленарное заседание 26 декабря, на котором развернулась резкая критика США за их интервенционистскую политику, «было одним из самых неприятных... опытов, которые я когда-либо переживал на публичных заседаниях... Это был кризис».

Конференция в Монтевидео, хотя и была значительно более успешной для американской дипломатии, чем VI Панамериканская конференция (1928 г.), со всей очевидностью показала, что даже в правящих кругах латиноамериканских стран все еще существует глубокое недоверие к политике США. Общая обстановка в Латинской Америке и далеко идущие планы американского монополистического капитала в Западном полушарии заставили Ф. Рузвельта в ноябре 1933 г. публично обещать отмену «поправки Платта». Но предварительным условием было наличие на Кубе послушного Вашингтону правительства, так как правящие круги США вовсе не собирались отказываться от контроля над островом. Поэтому к началу 1934 г. Белый дом и государственный департамент были особенно заинтересованы в быстрой реализации предложенного Сэмнером Уэллесом плана использования Батисты и его клики для свержения правительства Грау Сан Мартина.

Уже в середине декабря Уэллеса сменил в Гаване Джефферсон Кэфферн. Поскольку кубинское правительство не было признано Соединенными Штатами, он прибыл на Кубу в качестве личного представителя президента Ф. Рузвельта, а не в качестве посла. Это облегчало ему возможность устанавливать неофициальный контакт с любыми партиями и лицами. Кэфферн сразу же развернул кипучую деятельность. Автор панегирика Батисте — его американский биограф Эдмунд А. Честер, возглавлявший в 1930-х годах бюро агентства Ассошиэйтед Пресс на Кубе, в своей книге «Сержант по имени Батиста» свидетельствует, что «отношения между Батистой и Соединенными Штатами значительно улучшились с прибытием в Гавану Джефферсона Кэфферн... Кэфферн и Батиста

стали друзьями, едва первый успел распаковать свои чемоданы. . .»

По словам другого американского автора, Кэффри «склонил Батисту на секретные совещания», где тот «встретил дипломатов, которые говорили о «прогрессивной армии», и представителей банкиров, которые ничего не говорили, но показали ему достоинство их ассигнаций».

Между тем на Кубе вновь нарастало стачечное движение. 8 января забастовали учителя и медицинские работники, требовавшие повышения жалованья, объявили о готовности начать стачку железнодорожники.

12 января в Гавану вернулся кубинский посол в США Маркес Стерлинг, сообщивший о категорическом отказе Вашингтона признать «кубинский режим». В тот же день Временное революционное правительство объявило о смещении американца Т. Чэдборна с поста председателя «Сахарной экспортной корпорации» и формально отказалось платить долги по незаконным займам Мачадо у «Чейз нэйшнл бэнк».

13 января истек месячный срок, предоставленный администрации «Кубинской электрической компании» для ответа на требования, предъявленные рабочими и служащими компании в начале декабря. Американские хозяева компании категорически отвергли эти требования и утром 14 января на ее предприятиях по всей Кубе началась забастовка, лишившая города освещения, трамвайного движения, подачи воды и газа. В связи с этим Грау Сан Мартин, по рекомендации министра внутренних дел А. Гитераса, немедленно подписал декрет об установлении временного правительственного контроля над предприятиями «Электрической компании» и об отнесении на ее счет всех связанных с этим расходов до того момента, пока компания не достигнет соглашения с рабочими.

Этот декрет еще больше обострил обстановку. Газета «Нью-Йорк Таймс» заявила, что он «рассматривается... как установление прецедента, угрожающего не только полутора миллиардам долларов американских капиталовложений на Кубе, но и всем другим иностранным капиталовложениям. Крайне националистическая политика правительства Грау направлена к устранению иностранного капитала с острова. . .»

В Вашингтоне немедленно объявили, что в связи с созданным положением Джефферсону Кэфферл направ-

лены «особые инструкции». В то же время по приказу Ф. Батисты солдаты с пулеметами окружили предприятия «Электрической компании», а руководство профсоюза было предупреждено о том, что если рабочие не приступят к работе во второй половине дня, то армия не останется перед суровыми мерами.

Батиста решил, наконец, сделать свой выбор. Долгое время он вел осторожную выжидательную политику, укрепляя свои позиции в армии, заигрывая с посольством США, но и не порывал в то же время с правительством Грау Сан Мартина. Он неоднократно встречался с Уэллсом, охотно поощрял его авансы и не уставал заверять посла в своей «враждебности коммунизму» и желании видеть Кубу «стабильной». Подобные же заверения он делал при встречах с лидерами буржуазно-помещичьей оппозиции и представителями «деловых» кругов. Тем не менее, несмотря на явно враждебное отношение лично к Грау Сан Мартину, Батиста поддерживал его правительство. Ставка была достаточно велика, чтобы действовать наспех. Бывший сержант и его друзья предпочитали не рисковать и выяснить сначала, на чьей стороне больше шансов на успех.

Декреты, ограничивавшие деятельность американского капитала, подписанные Грау Сан Мартином под влиянием Гитераса, «обеспокоили Батисту, человека, гораздо более практичного, чем Грау, — свидетельствует Э. Честер. — Батиста и другие лидеры понимали, что с каждым антиамериканским актом возможность получения правительством Грау признания, в котором оно нуждалось, уменьшалась. . . Действия Грау в деле Кубинской электрической компании не нравились Батисте, и, когда он услышал о них, он стал действовать. . .»

В полдень 13 января в небольшом частном поместье, недалеко от Гаваны, состоялась встреча Батисты с Мендиэтой. На этой встрече начальник штаба армии предложил лидеру Националистического союза сформировать новое кубинское правительство и обещал ему поддержку вооруженных сил. Мендиэта согласился. Во второй половине дня 14 января, после договоренности с Кэффери, Батиста добился встречи с Грау Сан Мартином в присутствии Мендиэты. Разговор длился несколько часов. Батиста предложил Грау Сан Мартину покинуть президентский пост, уступив его Мендиэте. Он дал понять, что последнего

поддерживает Вашингтон и угрожал временному президенту республики арестом. Грау Сан Мартин вынужден был согласиться и вручил Революционной хунте свою отставку. Заседание хунты, начавшееся поздно вечером, длилось до утра 15 января. В конце концов Батисте пришлось согласиться на компромиссную кандидатуру — министра сельского хозяйства в правительстве Грау Сан Мартина — Карлоса Эвиа.

Но Эвиа считался одним из «левых» среди министров свергнутого правительства и поэтому не устраивал ни Вашингтон, ни реакционную оппозицию, ни Батисту, вступившего в эти дни в открытую борьбу за власть. Уход Грау Сан Мартина из президентского дворца сопровождался серьезными волнениями и, чтобы рассеять демонстрантов, протестовавших против его отставки, войска применили оружие. 14 человек были ранены и один убит. «До зубов вооруженные солдаты весь день наводняли город, — записала в своем дневнике Р. Х. Филлипс. — Дворцовая охрана была удвоена. Пулеметы и зенитные пушки приведены в боевую готовность. Морской штаб в Ла Пунта ошетилился мелкокалиберными пушками. Возможно вспыхнет гражданская война...»

Под нажимом Батисты и Кэффери, который, как сообщала газета «Манчестер Гардиэн», «отказался признать правительство Эвиа», последний ночью с 17 на 18 января подал в отставку в пользу Мендизеты. Революционная хунта распалась. Гитерас бежал из Гаваны. Утром 18 января совещание лидеров партий буржуазно-помещичьей оппозиции единодушно поддержало кандидатуру Мендизеты, и во второй половине того же дня он принял присягу в качестве нового временного президента.

Так было свергнуто Временное революционное правительство. Вспоминая спустя двадцать пять лет об этом событии, Фидель Кастро говорил: «В 1934 г. Батиста сверг первое революционное правительство 1933 года при активной поддержке американского посла на Кубе Джефферсона Кэффери. Кэфферп был первым, кто поставил у власти Батисту и поддерживал его в течение одиннадцати лет. Батиста всегда пользовался расположением американцев, последствия вмешательства американских послов и дипломатов в кубинскую политику мы поныне испытываем на себе».

*Наш человек
в Гаване*

Владелец газеты и крупный сахарозаводчик Карлос Мендиэта-и-Монтефур был хорошо известен в Вашингтоне. Еще в годы первой мировой войны он стал одним из видных деятелей либеральной партии, главным соперником Х. Мачадо по партии на пост президента республики. После того как последний организовал в 1928 г. свое «переизбрание» на второй президентский срок, Мендиэта перешел в открытую оппозицию к его режиму и был одним из основателей Националистического союза.

Своим участием в борьбе против диктатуры Мачадо «националисты» завоевали определенную популярность в средних слоях населения, и в сложившихся к началу 1934 г. обстоятельствах К. Мендиэта казался государственному департаменту подходящим человеком на пост временного президента. «Мендиэта, — комментировала его назначение газета «Нью-Йорк Таймс», — воплощает стабильность. Он является солидным человеком Кубы... натурой консервативной... и дружелюбно настроенной к Соединенным Штатам».

В составленное Мендиэтой «правительство концентрации» вошли представители почти всех групп буржуазной оппозиции, но больше всех мест получили в нем Националистический союз и «АБЦ».

23 января было объявлено о признании этого правительства Вашингтоном и об отзыве 10 из 16 американских военных судов, находившихся еще в кубинских водах.

Остальные было обещано отозвать по мере «улучшения обстановки».

26 января Д. Кэфферн был официально назначен послом на Кубе, а 31 января новый кубинский посол в США вручил свои верительные грамоты Рузвельту.

Демократические и прогрессивные круги как в США, так и на Кубе, были возмущены лицемерной политикой Вашингтона, свергнувшего негодное ему правительство Грау Сан Мартина и моментально признавшего правительство «концентрации», вокруг которого концентрировались наиболее реакционные элементы, враждебные подлинным интересам кубинского народа. Зато хозяева Уолл-стрит не скрывали своего удовлетворения. Признание Мендиэты, писала «Нью-Йорк Таймс», означает «восстановление доверия среди банкиров и корпораций, делающих бизнес на Кубе».

Правительство Мендиэты-Батисты сразу же вернуло Кубинской электрической компании и Кубино-американской сахарной компании контроль над их предприятиями и с первых же дней своего существования повело упорную борьбу против рабочего и крестьянского движения, подавив ряд стачек. Однако уже в конце января забастовали 15 тыс. табачников и водители автобусов в Гаване. Их поддерживали рабочие сахарных заводов и плантаций.

В начале марта забастовочная волна охватила весь остров. Бастующих табачников по призыву КНОК и компартии поддерживали докеры, водители грузовиков и автобусов, трамвайщики, железнодорожники, работники аптек, больниц, телефона, газетчики, мелкие торговцы, пекари и т. д. Отдельные забастовки переросли в новую всеобщую стачку.

Американская пресса сравнивала положение, сложившееся на Кубе в марте 1934 г., с обстановкой там в августе 1933 г. — перед свержением Мачадо — и указывала на растущую угрозу гражданской войны. Кубинская реакция и американский капитал потребовали от правительства принятия решительных мер. Мендиэта не заставил себя ждать. Было арестовано более 80 рабочих лидеров. Улицы Гаваны днем и ночью патрулировались войсками. Правительство отменило действие конституционных гарантий, ввело военное положение и приняло декреты, объявлявшие всеобщую стачку вне закона, распускавшие участвующие в ней профсоюзы и создававшие особые

трибуналы для «защиты республики». В доки, на телефонные станции и электростанции были направлены штрейкбрехеры, работавшие под охраной солдат. В помощь полиции были созданы полуфашистские отряды «зеленорубашечников» из членов «АБЦ». Из США прибыл «специалист» — организатор полицейской системы штата Нью-Йорк капитан А. Мур. Лишь путем жесточайших репрессий властям удалось постепенно ослабить, а затем подавить мартовскую стачку 1934 г.

Однако революционное брожение на Кубе не прекращалось. В апреле и мае бастовали рабочие центральных, полиция не раз разгоняла студенческие демонстрации и стреляла в демонстрантов. Установление режима военной диктатуры вызывало растущий протест не только в народных массах. В знак протеста против драконовских антирабочих декретов вышел в отставку министр труда, а министр юстиции покончил жизнь самоубийством. «Причиной смерти, — записала в своем дневнике Р. Х. Филлипс, — были отчаяние в связи с положением на Кубе и трения с Мендиэтой».

Однако главной фигурой в правительстве уже тогда был не Мендиэта, а Батиста. «... Конечно, остается фактом, — доносил в Вашингтон Кэффери, — что никакое правительство, это или любое иное, не сможет просуществовать и дня, если Батиста будет возражать против него». По существу новый режим отличался от диктатуры Мачадо лишь еще более откровенным хозяйничаньем в стране военщины и посла Соединенных Штатов. Действительным правителем острова, наместником американского империализма на Кубе был Кэффери, а административным центром ее был не президентский дворец, а посольство США. «Кэффери, — по словам одного из современников, — пользовался... властью над Батистой: он был ментором, другом и хозяином в одном лице». Кубинцы называли их «сиамскими близнецами», зная, что без Кэфферп Батиста (и тем более Мендиэта) не ступит ни шагу.

Не удивительно, что посол США скоро стал самой ненавистной для кубинцев фигурой. «27 мая 1934 г., — записала та же Р. Х. Филлипс, — американское посольство (в Гаване. — Э. Н.) подверглось нападению. Ходят слухи, что жизнь посла была в опасности. Так или иначе Кэффери — первый американский посол, который имеет телохранителя. Две машины, наполненные полицией и солда-

тами, сопровождают его повсюду и постоянно охраняют посольство».

Тем временем между С. Уэллесом, кубинским государственным секретарем Косме де ла Торренте и послом Кубы в США в обстановке полной тайны велись переговоры о пересмотре Постоянного договора 1903 г.

После превращения Карибского моря в первой четверти XX в. в своего рода «американское озеро» и установления полного господства монополий США в экономической и политической жизни Кубы «поправка Платта» перестала быть существенно необходимой для сохранения американского контроля над «жемчужиной Антилл». Опыт 1920-х годов ясно показал, что Уолл-стрит и Вашингтон располагают достаточными возможностями ставить у власти на Кубе «своих людей» и без «поправки». Уже в президентство Гувера отмены ее требовали многие более трезвые и дальновидные деятели американского империализма. В январе 1933 г. даже посол США на Кубе Г. Гугенхейм рекомендовал государственному департаменту пересмотреть «поправку».

К весне 1933 г. требование отмены «поправки» стало на Кубе всеобщим, и Ф. Рузвельт решил, что в новых условиях мощного подъема освободительного движения народов Латинской Америки отмена ее принесет Вашингтону только пользу. При этом предполагалось максимально использовать факт добровольного якобы отказа США от «поправки». «Наши действия в отношении Кубы, — свидетельствует К. Хэлл, — должны были доказать остальной Латинской Америке... насколько мы искренни в своем отказе от интервенции». Отмена «поправки Платта» стала одним из важных звеньев пресловутой политики «доброго соседа».

Новый кубино-американский договор был подписан 29 мая 1934 г. «Право» США на вооруженную интервенцию на Кубе отменялось. Но договор 1934 г. оставил в силе «все акты, осуществленные на Кубе Соединенными Штатами во время их военной оккупации до создания республики», и все права, приобретенные по этим актам, а также «условия соглашений... по которым была создана и сохраняется военно-морская база Соединенных Штатов в Гуантанамо». В тот же день договор был передан в сенат и с феноменальной быстротой ратифицирован 31 мая.

Ф. Рузвельт, К. Хэлл, С. Уэллес, а за ними и многие американские историки упорно протаскивали мысль о том, что добровольный якобы отказ США от «поправки Платта» и договор 1934 г. чуть ли не «открывают новую эру в отношениях США с Кубой». На самом деле отказ от «поправки Платта», как и вся так называемая политика «доброго соседа», был вынужденным. Американский империализм пошел на него под давлением обстоятельств. Но, отказавшись от формального «права» на интервенцию, он сохранил военно-морскую базу в Гуантанамо — американского часового на острове — и все полученные до мая 1902 г. и существовавшие до 1934 г. привилегии американцев на Кубе. Фактически свое «право» на интервенцию США не использовали уже более десятка лет. Опыт этих лет и особенно 1933—1934 гг. показал, что с кубинским народом уже нельзя было обращаться по-старому, что, отказавшись от «права» на интервенцию, правящие круги США больше выиграют, чем потеряют. Новый договор ни в коей мере не ликвидировал и не ослабил фактический контроль заправил Уолл-стрит и Вашингтона над Кубой. Он лишь изменил формы этого контроля.

Вот почему современный американский исследователь Р. Смит называет договор 1934 г. «недорогим жестом», а бывший сотрудник государственного департамента США — Э. Геррант, откровенно восхваляющий политику «доброго соседа», считает, что США отказались от «поправки Платта», «не пожертвовав ничем существенно важным».

Наряду с отменой «поправки Платта» в качестве доказательства «доброй воли» и «добрососедства» Вашингтона кубинцам преподносилась американская «экономическая помощь»: предоставление Кубе кредитов и квоты на ввоз сахара в США, а также новое торговое соглашение на основе взаимных тарифных уступок.

Правящие круги США не раз применяли в своей внешней политике оружие экономического и финансового давления, т. е. методы экономической интервенции. В отношении Кубы, экономически целиком зависимой от монополий США, это оружие являлось особенно эффективным, и правительство Ф. Рузвельта активно использовало его под видом «экономической помощи».

В действительности «экономическая помощь» с самого начала была задумана как помощь американским моно-

полистам-экспортерам, заинтересованным в восстановлении кубинского рынка. Она была задумана и как помощь американским сахарным компаниям на Кубе, вассалам крупнейших банков в США, заинтересованным в политическом и экономическом «оздоровлении» Кубы. Для осуществления этой цели правительство Ф. Рузвельта использовало как тайную дипломатию С. Уэллеса, военный шантаж и нажим, так и методы экономической интервенции.

С. Уэллес уже в мае—июне 1933 г., выступая в качестве «посредника», обещал экономическую помощь Кубе. Посольство США в Гаване даже начало торговые переговоры с представителями кубинского правительства. Однако упорство Мачадо и задержка в «посредничестве» вызвали прекращение в конце июля торговых переговоров. С приходом к власти де Сеспедеса переговоры об «экономической помощи» должны были быть возобновлены специально посланным в Гавану советником Рузвельта — А. Берли. Но как только место маршноточного кабинета де Сеспедеса заняло неугодное магнатам Уолл-стрит Временное революционное правительство, Вашингтон снова прервал всякие переговоры о «помощи». Берли вернулся в США, а помощник государственного секретаря Дж. Кэффери 16 сентября 1933 г. заявил, что продолжению экономических переговоров мешает «сложность политической обстановки» на Кубе. Попытка Грау Сан Мартина в ноябре 1933 г. добиться соглашения о сахарной квоте также была безуспешной.

Зато едва к власти пришло реакционное правительство Мендиэты — Батисты, позиция Вашингтона немедленно изменилась. Уже спустя неделю после признания этого правительства Ф. Рузвельт заявил кубинскому послу о готовности США начать переговоры об установлении квоты, определяющей объем импорта кубинского сахара в США, и снижении импортной пошлины на него, о пересмотре чрезмерно высоких процентных ставок и моратории по кубинским долговым обязательствам американским банкирам, и о заключении нового торгового соглашения на основе «взаимного» снижения пошлин.

Вопрос о квоте на ввоз кубинского сахара вызвал в конгрессе США ожесточенную борьбу, смысл которой наиболее откровенно выразил в пылу спора сенатор Кларк. «Фактически сахарные компании... на Кубе контролируются интересами в Соединенных Штатах», — заявил

он. — «Всякий знает, что сахарное производство на Кубе контролирует «Чейз нэйшнл бэнк». . . Всякий знает, что сахарное производство на Гавайях контролируется другой группой американских капиталистов; это же верно и относительно Филиппин. . . Происходит спор между различными интересами в Соединенных Штатах».

В конце концов Кубе была установлена квота на миллион тонн меньше ее среднегодового экспорта сахара в США в 1927—1930 гг. и лишь на 100 тыс. т выше экспорта наихудшего в этом отношении 1932 г. Кроме того, эта квота имела целью задуть кубинскую рафинировочную промышленность, ограничив долю рафинированного сахара лишь одной пятой от всего объема квоты. А. Нуньес Хименес пишет, что в 1934 г. в США была установлена дискриминационная квота «на ввоз кубинского сахара (28,6% от общего потребления сахара в США), тогда как за первые 30 лет текущего века Куба фактически покрывала свыше 50% американской потребности в сахаре. Тем самым кубинцы были поставлены в неравные условия конкуренции с пользовавшимися покровительством американскими производителями сахара из свеклы и сахарного тростника». Дискриминационный в отношении Кубы характер американской политики квот на ввоз сахара в США не раз подчеркивал в своих выступлениях и Фидель Кастро.

Ту же цель — закрепление колониального одностороннего характера экономического развития Кубы и ее экономической зависимости от США, а также восстановление ее в качестве рынка для широкого сбыта американских товаров — имел и новый торговый договор между США и Кубой, подписанный 24 августа 1934 г.

Формально по этому договору обе стороны предоставляли друг другу существенные тарифные уступки. На самом деле «взаимность» была чисто внешней. Куба резко снизила пошлины на ввоз 426 видов американских товаров. Основными уступками со стороны США было снижение пошлины на кубинский сахар и табак, составлявшие соответственно 68,2 и 8,6% экспорта Кубы в 1934 г. Но это снижение распространялось только на указанные в квоте 1902 тыс. т сахара.

Подписание торгового договора 1934 г. сопровождалось широковещательными заявлениями вашингтонских руководителей о том, что он является якобы «величайшим

благоденствием» для кубинцев и улучшает американско-кубинские торговые отношения. В связи с этим орган Компартии США писал: «Чьи торговые отношения? Отношения американских экспортеров товаров на Кубу и американских сахарных компаний на Кубе».

Действительно, основная «уступка» правительства США Кубе — снижение на 40% пошлины на сахар — была лишь ловкой «деловой» операцией, которая сама по себе принесла в карманы американских владельцев сахарной промышленности Кубы от 25 до 30 млн. долл. в 1934 г. и обещала принести в 1935 г. около 50 млн. долл., т. е. столько же, сколько составила общая сумма прибыли, полученная ими за весь урожай сахарного тростника 1933 г. Кубинцы лишь производили сахар, а принадлежал он монополистам с Уолл-стрит. И вот за эту «уступку» самим себе заправили крупнейших банков, контролирующие как сахарную промышленность Кубы, так и автомобильную, машиностроительную, химическую и электропромышленность США, получили вновь свободный доступ на кубинский рынок.

Не удивительно, что новое торговое соглашение не успело еще даже формально войти в силу, а Ассоциация американских промышленников-экспортеров уже поспешила прислать Корделлу Хэллу благодарность за заключение «договора... представляющего весьма существенную основу для увеличения нашего бизнеса на Кубе». Подобные же телеграммы и письма прислали Американская торговая палата на Кубе, «Электрик бонд энд шэйр компани», «Кьюбэн телефон компани», «Юнайтед Фрут компани». По данным кубинского исследователя Оскара Пино-Сантоса, весь импорт Кубы с 1934 по 1940 г. вырос на 59%, импорт ее из США — на 122% и, наконец, удельный вес импорта из США во всем кубинском импорте — с 56 до 78%.

Некоторые уступки, сделанные правительством США по новому торговому договору, были обусловлены тревогой перед нараставшей на Кубе народной антиимпериалистической революцией и желанием не допустить ее, «стабилизировав экономическое положение» на острове. Не случайно газета «Вашингтон Пост» подчеркивала, что в отличие от других торговых соглашений, заключаемых США, соглашение с Кубой «основано как на экономических, так и на политических соображениях».

Торговый договор 1934 г. закрепил положение Кубы в качестве страны монокультуры, привязанной только к одному рынку, где она вынуждена была продавать сахар и табак и покупать необходимые ей товары и продукты. Обрекая Кубу на положение аграрно-сырьевого придатка Соединенных Штатов, этот договор сохранял тем самым засилье латифундистских элементов, тормозил развитие национальной буржуазии, увековечивал империалистический гнет, полуфеодалскую реакцию, нищету и разорение широких трудящихся масс. По существу он закреплял колониальное господство американского капитала на Кубе. Не случайно один из заправил «Америкэн шуга рифайнинг компани» некий Эрл Бэбст, характеризуя этот договор, заявил в порыве откровения, что «это был шаг в направлении здоровой колониальной политики» (!!!).

* * *

Американская «экономическая помощь», свержение правительства Грау Сан Мартина и создание диктаторского режима Мендиэты—Батисты — все это были разные стороны одной империалистической политики, имевшей целью «стабилизировать положение», т. е. подавить силы революции на Кубе и создать там возможности для дальнейшего усиления позиций американского капитала и неограниченной эксплуатации им народа и ресурсов острова. Для американского империализма всегда был характерен метод удушения под предлогом помощи.

Однако, несмотря на все меры «помощи» из Вашингтона, несмотря на репрессии, издание декрета о смертной казни за «террор и саботаж» и создание военно-полевых судов, «навести порядок» на Кубе явно не удавалось. 15 июня 1934 г. взорвалась бомба на официальном завтраке, ранив президента Мендиэту и убив несколько человек. 18 июня, во время парада, колонна из нескольких тысяч членов «АБЦ» дважды подверглась пулеметному и ружейному обстрелу. В связи с этим четыре министра — члена этой партии — вышли в отставку, а сама «АБЦ» перешла в оппозицию, обвинив правительство в неспособности поддержать «порядок».

В конце июня против правительства восстал экипаж канонерской лодки «Куба». Во второй половине июня —

начале июля бастовали рабочие ряда централей в провинциях Гавана, Лас-Вильяс и Ориенте. 10 июля по призыву КНОК провели 24-часовую забастовку 50 тыс. рабочих Гаваны, потребовавших права стачек и собраний, освобождения команды восставшей канонерки «Куба» и всех политзаключенных. В июле в столице бастовали газетчики, телефонные и телеграфные служащие, работники городского транспорта.

В августе бастовали шоферы и кондукторы автобусов Гаваны, а железнодорожники в знак солидарности с ними отказались перевозить солдат и штрейкбрехеров. Забастовка в министерстве связи парализовала на несколько дней всю связь. В начале и конце месяца были раскрыты два заговора в армии. В сентябре забастовки продолжались. Велась подготовка всеобщей стачки. 4 сентября, в годовщину восстания, свергнувшего проамериканское правительство де Сеспедеса, студенты организовали демонстрацию, во время которой торжественно сожгли портрет Батисты.

Осенью 1934 г. заработная плата в западных провинциях Кубы была ниже, чем в 1909—1910 гг., и в октябре забастовочная волна резко усилилась. 8 октября остров охватила всеобщая забастовка, в которой участвовало 200 тыс. железнодорожников, рабочих сахарных заводов, докеров, автобусных и трамвайных служащих, студентов и т. д. Забастовка сопровождалась столкновениями с полицией.

Заметно активизировалось крестьянское движение. Еще летом 1934 г. восстали крестьяне района Реаленго-18 в муниципии Гуантанамо, расположенной на юге провинции Ориенте, у которых правительство Мендиэты попыталось отобрать их землю. Около 30 тыс. крестьянских семей, всего в 35—40 км от военной базы США в Гуантанамо, грудью стали на защиту своей земли. Они создали своего рода местное народное правительство, провозгласившее лозунг «Земля или кровь!», и организовали вооруженные отряды (насчитывавшие полторы тысячи бойцов), состоявшие в значительной мере из ветеранов войны за независимость 1895—1898 гг. Эти отряды окопались в горах и установили вооруженную охрану границ своего района.

Огромную роль в организации массовой кампании поддержки повстанцев, борющихся против гона их с земли

латифундистами и иностранными капиталистами, сыграла Коммунистическая партия Кубы. Во всех провинциях коммунисты организовали широкую кампанию солидарности с повстанцами Реаленго и сбор средств в помощь им. Лозунг «Поддержка крестьянам Реаленго-18!» был одним из главных требований бастовавших рабочих Сантьяго и Мансанильо, а также участников национальной всеобщей забастовки 8 октября 1934 г.

Буржуазная пресса вела бешеную пропаганду против крестьян Реаленго-18 и помощи им. Но все попытки правительства Мендиэты подавить это восстание вооруженной силой провалились, и, не желая при существовавшей на острове ситуации еще больше обострять положение, правительство вынуждено было объявить «перемирие» на один год.

Долго еще длилась борьба крестьян Реаленго-18. Лишь четверть века спустя, в конце 1958 г., из рук революционной Повстанческой армии, руководимой Фиделем Кастро, получили они, наконец, свидетельство на владение своей землей.

Диктатура Батисты—Мендиэты, за которой стоял посол Соединенных Штатов Д. Кэффери, отвечала на забастовки и крестьянские волнения кровавыми репрессиями. В июне 1934 г. военное положение на острове было продлено на 90 дней, в октябре — еще на 30 дней. Батиста создал правительственные профсоюзы во главе со своими ставленниками с целью заменить ими КНОК. В декабре было прекращено действие Habeas corpus act, а в январе 1935 г. — всех конституционных гарантий на 90 дней, и установлен расстрел или пожизненное заключение за поджоги тростниковых полей и другие «акты саботажа».

«При Батисте бюджет армии на треть больше, чем он был при Мачадо; экипировка — лучшая; дисциплина — более суровая, и существует большая тайная полиция», — констатировал в октябре 1934 г. американский еженедельник «Личерэри Дайджест», отмечая, что вместе с реорганизованными по военному образцу полицией и вспомогательными отрядами Батиста «имеет более 25 тыс. человек, подчиненных его воле... Армия контролирует Кубу..., а Батиста контролирует армию. Он назовет следующего президента».

Напуганные непрекращавшимся движением масс многие латифундисты и другие крупные собственники видели

теперь в Батисте и его армии лучшую защиту для себя и, как доносил в Вашингтон Кэффери, были бы не прочь увидеть его в качестве военного диктатора, который бы «железной рукой» покончил с революционным движением на Кубе. При этом Кэффери не без иронии добавлял, что это были те же самые люди, которые всего лишь несколько месяцев назад «осуждали Батисту, как бандита и негодяя».

Однако в целом правящие классы Кубы по-прежнему отнюдь не представляли собой единого лагеря. Между буржуазными партиями и их лидерами шла непрерывная борьба. Вскоре после выхода в июне из правительства министров — членов «АБЦ» его в знак протеста против засилья военщины покинули сторонники М. Гомеса и консерваторы — сторонники экс-президента Меноскаля, и к ноябрю 1934 г. оно состояло только из членов Националистического союза. В связи с решением всех партий, кроме правительственной, бойкотировать назначенные на декабрь 1934 г. выборы в Учредительное собрание они были перенесены на март 1935 г.

Выходившая в Барселоне (Испания) газета «Эль Дильвино» — под ироническим заголовком: «На Кубе все спокойно» — поместила лаконичный перечень политических событий на острове за 1934 год: сменилось три президента и десять кабинетов министров; частичная реорганизация кабинета происходила 33 раза; имели место два заговора в армии, одно восстание во флоте и одна попытка переворота со стороны буржуазной оппозиции, две всеобщие забастовки, двадцать крупных стачечных выступлений, одно покушение на президента, три покушения на командующего армией Батисту, семь покушений на посла США.

1935 год, несмотря на отмену конституционных гарантий и введение смертной казни за «действия, препятствующие уборке и обработке сахарного тростника», также начался бурно. В январе и феврале бастовали рабочие сахарной промышленности. Их поддерживали университетские студенты. К концу февраля забастовка распространилась на учащихся и учителей всех высших, средних и технических школ, охватив до 350 тыс. человек и заставив уйти в отставку министра просвещения и четырех других членов кабинета. В начале марта к забастовке учащихся присоединились служащие большинства мини-

стерств, таможен, больниц и родильных домов. 8 марта прекратили работу магазины, остановились автобусы. 9 марта забастовали железнодорожники, трамвайщики, почти все государственные служащие. 12 марта забастовка стала всеобщей и охватила всю Кубу. Всего, по сообщению «Нью-Йорк Таймс», бастовало 700 тыс. человек. Бастующие выдвинули пять основных требований: 1) ликвидация военной диктатуры; 2) восстановление демократических методов управления; 3) освобождение политических заключенных; 4) ликвидация военно-полевых судов; 5) увеличение расходов на просвещение.

В ответ правительство Мендиэты, опиравшееся на политическую и материальную помощь из Вашингтона, сразу же перешло в контрнаступление. 9 марта все шесть провинций Кубы были объявлены на военном, а 11 марта — на осадном положении. Военный губернатор Гаваны полковник Х. Э. Педраса получил чрезвычайные полномочия. Столица была наводнена войсками. На каждом перекрестке стояли военные патрули. Ночью на улицах слышалась стрельба. По приказу Батисты над городом «в качестве предостережения» патрулировала эскадрилья военных самолетов. Солдаты стали водить автобусы и силой возвращали рабочих на предприятия. Правительство военизировало железные дороги и мобилизовало штрейкбрехеров, разрешив им «в целях самозащиты» безнаказанно убивать забастовщиков. Министр финансов публично заявил, что «если Мендиэта падет, то будет американская интервенция. . .»

Однако забастовка носила всеобщий характер всего несколько дней. Руководство ею оказалось в руках национал-реформистов из Кубинской революционной партии, отказавшихся от совместных действий с коммунистами. Предательство буржуазных и мелкобуржуазных лидеров ускорило поражение. Это отмечала даже американская буржуазная пресса. «Рабочие, в общем, колеблются, зато армия не колеблется», — сообщала в эти дни газета «Нью-Йорк Таймс».

Батиста, поощряемый Вашингтоном, пустил в ход против бастующих всю свою военную машину. Было убито более ста человек, в том числе несколько профсоюзных и студенческих лидеров. Число арестованных только в Гаване уже к 14 марта превысило тысячу человек. «Армия, — сообщала та же «Нью-Йорк Таймс», — приме-

няет национал-социалистские методы налетов на помещения рабочих организаций, разгромов, поджогов». 17 марта правительство распустило все — в том числе даже существовавшие при Мачадо профсоюзы, конфисковав их собственность и фонды. На предприятия были посланы постоянные «военные наблюдатели». В сахарной промышленности осталось не более 10 тыс. легально организованных рабочих. Во второй половине марта по всей Кубе начали снова работать военно-полевые суды. Сотни и тысячи людей были расстреляны, брошены в тюрьмы, сосланы на остров Пинос. Оппозиционные газеты были закрыты, а типографии их — разгромлены.

Вашингтонское правительство стремилось ослабить впечатление, произведенное на общественное мнение кровавыми событиями на Кубе. Но даже американская пресса не могла не признать, что Батиста превзошел Мачадо. «Восстание кубинского народа против Мендиэты было подавлено с беспощадностью, которая превосходит даже... бойню Мачадо... На улицах Гаваны находили тела с 40 пулевыми ранениями... Трудно поверить, что Мендиэта удержится... там, где это не удалось Мачадо... Он бы не удержался у власти и недели без активной поддержки США», — отмечал в редакционной статье еженедельник «Нэйшн». «Нью-Йорк Таймс» также писала, что если бы не поддержка Вашингтона, то правительство Мендиэты давно бы уже не существовало.

Репрессии на Кубе продолжались в течение всего года. В апреле были на неопределенное время закрыты университет и все школы. В начале мая военным властям удалось в районе Эль Морильо (пров. Матансас) напасть на след Антонио Гитераса, и в неравном бою с правительственными войсками он был убит. Террор против трудящихся и их организаций принял зверские формы. В отчете Американской комиссии по расследованию трудовых и социальных условий на Кубе, датированном сентябрем 1935 г., говорилось: «Батиста... применил ужасное кровопускание. Армейские грузовики врывались в города, и солдаты стреляли направо и налево, чтобы терроризировать население. Каждую ночь на улицах Гаваны солдаты и батистовская полиция выволакивали людей из домов, расстреливали их без суда и милосердия и оставляли умирать на дорогах. Все это еще продолжается, но сообщения корреспондентов не пропускаются». Как вынужден был

признать в конце года кубинский реакционный ежедневный «Картелес», «является фактом, что правительство и трудящиеся классы находятся в состоянии открытой войны».

Силам местной реакции и империализма удалось, используя пугало «коммунистической опасности» и колебания в рядах национальной — средней и мелкой буржуазии, не допустить тогда создания национального антиимпериалистического фронта. Поражение мартовской стачки привело к спаду революционной волны, охватившей Кубу в первой половине 1930-х годов. В результате временного поражения революции рабочий класс Кубы оказался изолирован. Но хотя Компартия Кубы не удалось тогда добиться необходимого сплочения всех сил, способных осуществить коренные изменения в политической и экономической структуре страны, ее огромной заслугой было то, что в исключительно трудных условиях, сложившихся после поражения мартовской стачки, партия продолжала проводить боевую линию, организуя массы, направляя их на борьбу и работая над созданием единого национального антиимпериалистического фронта.

К середине 1935 г. кубинские правящие классы снова, как и в 1933 г., оказались раздроблены междоусобной борьбой за власть. Диктаторский режим на Кубе опирался лишь на армию и одну партию — Националистический союз Мендиэты. Остальные буржуазные партии находились в оппозиции. Часть из них создала оппозиционный блок. Назначенные на март 1935 г. выборы в Учредительное собрание были сорваны всеобщей забастовкой и перенесены на август. К тому же оппозиционный блок не желал участвовать в выборах, проводимых правительством Мендиэты.

Результаты многомесячных усилий Уэллеса, а затем Кэффери, направленных на то, чтобы сколотить «коалиционное» правительство, включающее представителей по возможности всех группировок кубинских правящих классов, способное устоять против нарастающей в стране революции и одновременно создающее видимость «демократического управления», — оказались, таким образом, недолговечными. Политика «добраго соседа» в отношении Кубы была явно дискредитирована. Положение на острове грозило полным провалом этой политики в глазах народов США и Латинской Америки.

Американские монополии устраивала «твердая власть» на Кубе. Но для того, чтобы восстановить фикцию «добрососедства» и оправдать свою политику в отношении Кубы, вашингтонскому правительству необходимо было прикрыть террористический режим Батисты ширмой «демократического управления». Вашингтон поэтому был заинтересован в возможно более скором проведении затянувшихся выборов. В опубликованном 5 марта 1935 г. заявлении государственного департамента США выражалась «искренняя надежда» на способность «кубинских политических партий и групп прийти к соглашению о мерах выборной процедуры, необходимых для обеспечения нормального возвращения Республики Кубы к представительному управлению». Заверяя «общественное мнение», что теперь, после отмены «поправки Платта», правительство США «не относится ни благожелательно, ни враждебно к участию в национальных выборах какой-либо отдельной партии или группы», государственный департамент недвусмысленно предостерегал Мендиэту и оппозицию, что «оно искренне надеется, в связи с особенно тесными отношениями между двумя народами, что, когда национальные выборы будут проведены, результат их представит действительную волю кубинского народа...»

Намек был достаточно ясен: с выборами приказывали поспешить. А чтобы избежать дальнейшей затяжки, государственный департамент США заставил кубинское правительство пригласить в Гавану президента Принстонского университета проф. Г. У. Доддса в качестве советника и арбитра для проведения выборов. Однако лидеры оппозиции заявили, что правительство не дает им гарантии честной организации выборов и, если Мендиэту не сменит более беспристрастный человек, они не будут участвовать в выборах. В результате под новым нажимом Кэфферн, ночью 10 декабря 1935 г. Мендиэта ушел в отставку.

Выборы были еще раз перенесены — на 10 января 1936 г. Из 4,5 млн. человек населения Кубы право голоса имели 1676 тыс., т. е. 37%. Но из них в выборах 1936 г. участвовали лишь 945 тыс. человек. Однако и такого числа голосующих не было бы, если бы Батиста заранее не послал во все пункты острова солдат для «поддержания порядка». Победу одержал кандидат коалиции, состоящей из Националистического союза, Партии республиканского действия и либеральной партии — Мигель Мариано Гомес.

Он победил потому, что его поддерживали Батиста, не желавший победы Менокалья, и Кэфферри, которому Гомес также казался более удобной для американского империализма и более «сговорчивой» фигурой. Новый «конституционный» президент совершил прежде всего верноподданническое паломничество в Вашингтон, где был принят Рузвельтом, Хэллом и Уэллесом, а затем уже, 20 мая 1936 г., вступил в должность.

На Кубе, однако, ничего не изменилось. Продолжались убийства полицией рабочих деятелей, прогрессивных журналистов, студентов. Страной фактически управлял не президент, а Батиста. К 1936 г. он еще больше укрепил свое положение, создав мощный по кубинским масштабам военный аппарат. Кроме армии, флота и полиции имелся еще военный резерв (из отставных военных, полицейских и пожарных) в 20 тыс. человек и специальный женский резерв в 5 тыс. человек. Был почти заново построен из бетона и стали военный городок Колумбия. В нем появились новые казармы, здания для сержантского состава, дома для офицеров и их семей, офицерские клубы. В США было закуплено много нового военного снаряжения, боеприпасов и вооружения, в том числе пушки и пулеметы, гидропланы и бомбардировщики. Авиационные части обучались американскими инструкторами. В результате всех этих мероприятий под контролем Батисты находился бронированный кулак в 30 тыс. хорошо вооруженных людей, целиком предназначенный для борьбы с «внутренним врагом».

Характеризуя обстановку, сложившуюся на Кубе к осени 1936 г., Карлос Эвиа — один из руководителей Кубинской революционной партии, заявил, что «в настоящее время Куба управляется военной олигархией, которая... использует методы угнетения, чтобы удержаться у власти... Гомес — лишь фасад, поставленный этой армейской кликой и его сторонникам». Справедливость этой оценки подтвердилась очень быстро.

Уже летом 1936 г. между Батистой и Гомесом, попытавшимся несколько ограничить засилье в стране военщины, возникли серьезные трения. Честолюбивый Батиста, давно мечтавший о президентском кресле, начал постепенно готовить почву для выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 1940 г. Встречая недоверие и сопротивление осуществлению своих планов со стороны

лидеров большинства буржуазно-помещичьих партий, он начинает все шире использовать политику демагогии и запугивания с народными массами. Стремясь добиться популярности у трудящихся слоев населения, он объявил в 1936 г. о существующих у него планах реформ, включающих строительство школ для детей крестьян и сельскохозяйственных рабочих, предоставление пенсий старикам, осуществление общественных работ в целях борьбы с безработицей и т. д.

Военные власти, захватившие в свои руки многие функции местного гражданского управления, действительно открыли некоторое количество так называемых военно-гражданских школ в сельских районах, где раньше вообще не было школ, и объявили о намерении открыть не менее 2,5 тыс. таких школ. Учителями в них назначались военные. В декабре 1936 г., используя в качестве предлога отказ президента подписать законопроект о налоге для финансирования военно-гражданских школ, Батиста добился предания Гомеса суду сената и устранения его с поста президента.

Попытка эмиссаров Гомеса в Вашингтоне найти управу на Батисту через голову Кэфферри окончилась неудачей — государственный департамент и Белый дом фактически поддержали начальника штаба. Да и трудно было бы ожидать от Вашингтона иной реакции, ибо, как справедливо подчеркнула в те дни газеты «Нью-Йорк Пост», «Батиста является диктатором Кубы потому, что С. Уэллес и Д. Кэфферри вскружили ему голову, убедили его изменить кубинской революции и сделали из него босса».

Немедленно после суда над Гомесом сенатский комитет назначил на его место вице-президента Ф. Ларедо Бру. Последний настолько безоговорочно подчинялся во всем Батисте, что даже в официальном американском учебнике был назван «марионеточным президентом». Большинство министров его кабинета были ставленниками Фульхенсио Батисты.

Характерно в связи с этим, что министр внутренних дел в кабинете Ф. Рузвельта — Гарольд Икес, комментируя хвастливые декларации государственного департамента США об успехах политики «доброго соседа», записал в 1936 г. в своем секретном дневнике: «...Мне не нравится обстановка на Кубе. Я думаю, что наше правительство слишком уж часто вмешивается во внутренние

дела Кубы, хотя это и делается через дипломатические каналы».

Зато американские монополисты могли, наконец, быть довольны положением на Кубе. Правда, за время экономического кризиса 1929—1933 гг. инвестиции США здесь значительно обесценились, а из-за «беспорядков» на острове многие американцы продали свою землю и другую собственность местным предпринимателям, тем не менее прямые капиталовложения США на Кубе в 1936 г. составляли еще кругленькую сумму в 666 млн. долл.; принадлежавшие американскому капиталу сахарные заводы в период сафры 1937 г. произвели 56% всего произведенного на Кубе сахара; импорт Кубы из США вырос с 1933 г. втрое.

Местные сахарозаводчики и коммерсанты также были довольны. Экономика Кубы, выйдя из пучины кризиса, переживала определенный подъем. С 1933 по 1937 г. цены на сахар-сырец выросли почти вдвое, продукция сахара — с 2 до 3 млн. т, а стоимость ее — с 43,5 до 117 млн. песо. Кубинский экспорт за эти годы по стоимости более чем удвоился, а импорт утроился. А главное — Батиста установил как раз такой режим, который обеспечивал американским финансовым магнатам и местным латифундистам, коммерсантам и капиталистам высокие дивиденды и облегчал неограниченную эксплуатацию кубинских трудящихся.

Но задуть полностью освободительное движение, развивавшееся под антиимпериалистическими лозунгами, не удалось. В предвоенные годы демократические силы Кубы продолжали борьбу за ликвидацию военной диктатуры и демократизацию политического строя. В этот период в стране происходил процесс перегруппировки политических сил. Компартия и другие демократические организации также реорганизовали и перегруппировали свои силы. Последовательное и умелое осуществление политики объединения всех патриотических сил и активное участие в развернувшемся в стране движении за созыв Учредительного собрания и выработку подлинно демократической конституции позволило коммунистам Кубы завоевать большой авторитет.

К этому времени был вынужден изменить свою тактику и Батиста. Еще в декабре 1936 г. конгресс принял закон о введении в 1940 г. новой конституции Кубы.

Тогда же Батиста заявил, что одной из первостепенных задач нового правительства является созыв Учредительного собрания. В июле 1937 г. он выдвинул так называемый трехлетний план экономической и социальной реконструкции Кубы. Этот демагогический план был рассчитан на создание Батисте популярности в широких кругах национальной — средней и мелкой буржуазии и привлечение к нему симпатий трудящихся, особенно крестьянства. Противники Батисты из рядов буржуазных оппозиционных партий понимали это и ядовито называли его план не трехлетним, а «трехсотлетним».

Однако бывший сержант оказался «гибким» политиком. 20 ноября 1937 г. в Гаване состоялась многотысячная демонстрация крестьян в поддержку этого плана. А 21 ноября в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» появилась огромная статья «Куба сегодня: земля мира и прогресса», в которой всячески расхваливался режим, установленный Батистой, а сам он назывался «выдающейся личностью» и «спасителем страны». Автор заявлял также, что «полковник Ф. Батиста должен стать следующим президентом республики». Как выяснилось позже, эта статья, призванная подготовить «общественное мнение» в США, обошлась кубинской казне более чем в 25 тыс. долл.

Во второй половине 1930-х годов в связи с продвижением Японии в Китае и возрастающей агрессивностью Германии и Италии в Европе англо-американское мировое соперничество стало на время терять свое преобладающее значение. В Латинской Америке оно, хотя и оставалось, также начало временно заслоняться американско-германским соперничеством. Это было вызвано быстрым экономическим и политическим проникновением в латиноамериканские страны германского империализма. Вашингтонское правительство было чрезвычайно обеспокоено ростом германского влияния в Латинской Америке. Американский империализм стремился к полной гегемонии в Западном полушарии, и правящие круги США считали, что лучшим средством осуществления их далеко идущих планов явилось бы создание военно-политического союза, блока государств американского континента под руководством Вашингтона. С этой целью, в частности, Ф. Рузвельт выступил в качестве инициатора созыва Чрезвычайной межамериканской конференции в Буэнос-Айресе (декабрь 1936 г.). Той же цели была подчинена

деятельность делегации США и на VIII панамериканской конференции в Лиме (декабрь 1938 г.).

Куба, расположенная на подступах из Атлантики к Панамскому каналу, занимала особое место в военно-политических и стратегических планах Вашингтона. Поэтому руководителям Белого дома и государственного департамента было отнюдь не безразлично, какое правительство будет управлять этим, весьма беспокойным с точки зрения правящих кругов США островом в критические годы войны. Вашингтон сделал ставку на Батисту и пока не имел оснований менять ее.

Под нажимом Батисты кубинское правительство и конгресс в конце 1937—начале 1938 г. согласились, наконец, после пятилетних переговоров выплатить долги Мачадо по займам у «Чейз нэйшнл бэнк» на так называемые общественные работы и удовлетворить претензии американских фирм-подрядчиков, нажившихся на строительстве Центрального шоссе и Капитолия в Гаване. Ежедневник «Нэйшн» пронически отмечал в связи с этим, что «Куба является «независимой» лишь постольку, поскольку она соглашается платить «Чейз банку» по займам Мачадо и не становится слишком демократической... Кубинцы платят тяжелые потребительские и транспортные налоги, чтобы оплачивать эти чейзовские займы, и вынуждены это делать, рискуя в противном случае потерять свою «независимость»».

Люди, занимавшие в те годы руководящие посты в Вашингтоне, отдавали себе отчет в том, что времена меняются и что «сильная личность» типа Батисты, сочетающая умение «навести порядок и покой» с пезаурядными данными демагога, разглагольствующего о «союзе труда и капитала», ловко оперирующего «демократическими лозунгами» и умеющего заигрывать с трудящимися массами, является в новых условиях гораздо более удобным и надежным защитником американских капиталовложений на Кубе, чем политики старого типа вроде генерала М. Менокаля или Х. Мачадо. «С 1934 до 1959 года, — пишет в своей монографии Р. Смит, — полковник Фульхенсио Батиста был — да извинит меня Грэхем Грин²⁷, — «нашим человеком в Гаване»... Батиста был символом стабильности для многих американцев. Несмотря на не-

²⁷ Имеется в виду роман Грэхема Грина «Наш человек в Гаване».

которые националистического характера высказывания и реформы в рабочем вопросе, на него можно было положиться в деле защиты американских интересов...» Именно поэтому в ответ на попытки некоторых реакционных кубинских политиканов осенью 1938 г. выяснить позицию США в отношении возможного государственного переворота в Гаване Вашингтон недвусмысленно выразил свое отрицательное отношение к этому.

В сентябре 1938 г., в перипетии чехословацкого кризиса в Европе, Батиста заявил, что в случае войны Куба будет на стороне США. В ноябре того же года, накануне VIII панамериканской конференции в Лиме, он был приглашен в Вашингтон. Официально начальник штаба кубинской армии полковник Ф. Батиста прибыл в США на празднование «дня перемирия» в качестве гостя начальника штаба американской армии генерала М. Крейга. Он присутствовал на военном параде, побывал в военной школе Вест-Пойнт и т. д. Фактически же целью визита были весьма важные переговоры по вопросам кубино-американских и межамериканских отношений. Батиста имел ряд встреч с руководителями государственного департамента и высшими офицерами вооруженных сил США, а также провел несколько часов в личной беседе с президентом Ф. Рузвельтом. «Хотя характер этих бесед остается полностью неизвестным, — пишет современный американский исследователь Б. Вуд, — они касались вопросов обороны полушария; Батиста услышал также кое-что о торговой политике США и некоторые осторожные предположения относительно надежд Вашингтона на прогрессивное развитие демократических институтов на Кубе».

Результатом этой, длившейся около месяца и, по словам посла США в Гаване, «в огромной мере усилившей» положение Батисты на Кубе, поездки была договоренность о так называемых десяти пунктах. Точное содержание их до сих пор не было опубликовано. Однако известно, что они включали взаимное военное сотрудничество между США и Кубой и противодействие проникновению на остров агентуры фашистских держав, а также заключение дополнительного торгового соглашения, открывающего американским сельскохозяйственным продуктам и промышленным товарам еще более широкый доступ на кубинский рынок. В обмен Кубе была обещана финансовая и другая экономическая помощь. Вашингтон тем самым

достаточно ясно подчеркнул свое доверие бывшему сержанту, поддерживав, таким образом, его честлюбивые замыслы в отношении президентского поста. Со своей стороны, Батиста, вернувшись в Гавану, заявил, что в связи с выражавшимися в США опасениями, как бы Куба не оказалась «жертвой тоталитарных влияний», он обещал Ф. Рузвельту, что Куба будет «верна демократическим принципам».

Большое влияние на Кубу оказали события в соседней Мексике, где правительство президента Ласаро Карденаса по примеру советских пятилеток провозгласило так называемый шестилетний план, поддержало профсоюзы в борьбе с иностранными монополиями и вопреки ожесточенному противодействию внутренней и внешней реакции приступило к практическому осуществлению аграрной реформы, а также национализировало в июне 1937 г. железные дороги, а в марте 1938 г. нефтяную промышленность, принадлежавшую американскому и английскому капиталу. На Кубе в то время нефть еще не добывалась, но в мае 1938 г. кубинский конгресс, следуя примеру Мексики, принял закон, закрепивший права на полезные ископаемые за правительством и ограничивший сроки концессий и права концессионеров.

В феврале 1939 г., приехав по приглашению президента Ласаро Карденаса в Мексику, Батиста выступил там с заявлениями о необходимости создания «антиимпериалистического союза народов Западного полушария» и о решимости кубинцев в случае империалистической агрессии бороться рука об руку с мексиканцами. По возвращении он восхвалял Карденаса, как лидера демократии, и обещал трудящимся пойти навстречу их требованиям.

В своих выступлениях он говорил теперь, что стремится к «прогрессивной демократии», критиковал политику фашистских держав и, заявляя, что «не потерпит фашизма на Кубе», стал дружественно обращаться с испанскими республиканцами, осудил расовую дискриминацию и назначил нескольких негров на видные посты в армии, а также объявил «союз рабочих, крестьян и солдат — основой свободы Кубы».

Демократические силы использовали возникшие благоприятные условия для развития и объединения профсоюзов, создания крестьянских, негритянских, женских, молодежных организаций. Были легализованы Кубинская

революционная партия и некоторые другие оппозиционные организации. Многие лидеры оппозиционных партий, в том числе Грау Сан Мартин, получили возможность вернуться из эмиграции. Осенью 1938 г. была разрешена легальная деятельность Компартии Кубы, что сыграло огромную роль в дальнейшем развитии кубинского рабочего движения. Под руководством коммунистов кубинский рабочий класс за короткое время сумел добиться почти полного объединения своих сил. В начале 1939 г. состоялся учредительный съезд Конфедерации трудящихся Кубы, объединившей более 800 профсоюзов и уже в 1940 г. насчитывавшей около 500 тыс. членов. Она стала одним из крупнейших и наиболее боевых отрядов Конфедерации трудящихся Латинской Америки.

Летом 1939 г. состоялся первый крестьянский конгресс, на котором была создана Национальная крестьянская федерация. Конгресс потребовал проведения демократической аграрной реформы. Рабочее и крестьянское движение, таким образом, стало важным политическим фактором в стране, и правящие классы уже не могли не считаться с ним.

В 1939 г. кубинский конгресс принял ряд законов, в известной мере облегчающих положение отдельных слоев народа. Была, в частности, несколько снижена арендная плата и на треть уменьшена плата за воду, освобождены на 5—10 лет от налогов владельцы вновь построенных домов и на 25% уменьшена плата в пансионатах и т. д.

Реакционные круги всячески саботировали принятое под нажимом масс прогрессивное законодательство, отказывались платить налоги, организовывали вывоз капиталов за границу, не желали признавать профсоюзы и увольняли рабочих, прекращали уборку сахарного тростника и работу сентралей и т. д. Блок реакционных сил состоял из Республиканско-демократической партии (консерваторов, возглавляемых М. Менокалем), «АБЦ», Аграрно-национальной партии, партии Республиканское действие и Кубинской революционной партии («аутентикос») Грау Сан Мартина. Последняя, возникнув в 1934 г. как националистическая, антиимпериалистическая и чуть ли не социалистическая партия, к концу 1930-х годов стала постепенно терять свой «антиимпериализм». В 1939 г. ее лидеры снова отклонили предложения коммунистов

о создании единого национального антиимпериалистического фронта и, стремясь укрепить свое влияние в рабочем классе, делали все, чтобы расколоть рабочее движение и профсоюзы.

Оппозиционный блок контролировал большую часть кубинской прессы, имел значительное влияние в армии, сильные позиции в конгрессе и на выборах в ноябре 1939 г. получил несколько более половины (41 из 76) мест в Учредительном собрании. Коммунисты, впервые участвовавшие в выборах, получили почти сто тысяч голосов избирателей и шесть мест в Учредительном собрании.

6 декабря 1939 г. Батиста ушел в отставку с поста начальника штаба армии и выставил свою кандидатуру на предстоящих в 1940 г. президентских выборах. Оппозиционный блок выдвинул своим кандидатом Грау Сан Мартина.

Предвыборная платформа Батисты включала почти все пункты выдвинутого им еще в 1937 г., но затем «отложенного» Трехлетнего плана и обещала народу различные социальные реформы и укрепление суверенитета страны. Все это имело целью завоевать голоса большинства избирателей и ни в коей мере не означало, что Батиста действительно задумал пойти на сколько-нибудь радикальные социально-экономические реформы. «Капитал, — объявил он, — не должен бояться какого-либо уничтожения собственности, но если он не желает уважать права и требования народа, результатом этого явятся беспорядки, которые будут действовать во вред ему же». На запрос журналистов об отношении к иностранной собственности, имеющейся на Кубе, Батиста ответил, что в этом он не намерен следовать примеру Мексики.

Политическая борьба между правительственным блоком и оппозицией достигла такой остроты, что президентские выборы несколько раз откладывались. Поверенный в делах посольства США в Гаване предупреждал Вашингтон, что не исключена возможность захвата власти Батистой путем военного переворота. По-видимому, в связи с этим Ф. Рузвельт в беседе с кубинским послом в США Мартинесом Фрага, перед отъездом последнего в Гавану, сказал ему, что «если революционный цикл, который начался с падения Мачадо, не завершится к тому времени удовлетворительным и законным путем, то правительство США не будет в состоянии защитить интересы Кубы,

когда в американском конгрессе будет обсуждаться законодательство о сахаре».

В ходе этой борьбы кубинские буржуазные политики, из тех, что привыкли всегда оглядываться на Вашингтон, всячески пытались заручиться его поддержкой. В частности посол США в Гаване Д. Мессершмит сообщал Хэллу: «Экс-президент Менокаль пытался вчера через посредника, которому я полностью доверяю, выяснить у меня, желает ли правительство США, чтобы он объединил силы с полковником Батистой или с доктором Грау. Генерал Менокаль также выразил этому посреднику свое убеждение, что полковник Батиста снимет свою кандидатуру, если получит указание, что этого бы желало правительство Соединенных Штатов».

Нечего и говорить, — добавлял посол, — что я не сказал ничего, что могло бы указать на какие-либо пожелания правительства США относительно того, к какой группе следует присоединиться генералу Менокалью, или по поводу кандидатуры полковника Батисты». Однако Менокаль и без того понял, куда дует ветер, и незадолго до выборов возглавляемая им Республиканско-демократическая партия перешла на сторону Батисты, ослабив лагерь оппозиции. В результате на состоявшихся в июле 1940 г. выборах Батиста победил и 10 октября 1940 г. принес присягу в качестве президента Кубы.

В этот же день вступила в силу принятая 1 июля 1940 г. после длительной борьбы в Учредительном собрании новая конституция. Для того времени кубинская конституция 1940 г. была самой демократической и прогрессивной в Западном полушарии. На Кубе вводилось всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании. Декларировались свобода создания политических партий и организаций, право рабочих и служащих на забастовку, 44-часовая рабочая неделя, равная оплата за равный труд, гарантированный минимум заработной платы, оплачиваемый отпуск. Запрещался сгон крестьян с земли и говорилось о необходимости аграрной реформы. Специальная статья осуждала агрессивную войну.

Главной причиной того, что Учредительное собрание, несмотря на его консервативное большинство, приняло столь демократическую конституцию, было постоянное, нараставшее из месяца в месяц давление со стороны народных масс. Конституция обсуждалась в Капитолии, но

«составлялась на улицах», и это явилось решающим фактором, определившим ее характер.

Созыв Учредительного собрания и принятие демократической конституции 1940 г., закреплявшей завоевания и чаяния трудящихся, явилось крупным поражением реакции и победой кубинского народа.

* * *

Весной и летом 1940 г., когда на Кубе бушевали политические страсти, связанные с избирательной кампанией и выборами президента, в Европе полыхало пламя войны. Гитлеровские орды оккупировали целый ряд европейских стран и поставили на колени Францию. В этой обстановке Батиста 23 мая 1940 г. заявил, что в случае распространения войны на Западное полушарие Куба будет на стороне США, а на следующий день президент Лоредо Бру издал декрет, запрещающий нацистскую пропаганду в стране.

В конце июля на созванном в Гаване совещании министров иностранных дел американских стран делегация Кубы предложила оккупировать колонии европейских государств в Западном полушарии с тем, чтобы спасти их от захвата фашистскими державами и предоставить их народам после войны право на самоопределение вплоть до получения независимости.

Это, однако, не устраивало Вашингтон. «Проект Кубы, — писал один из сотрудников посольства США в Гаване, — полностью противоречит американскому». Кубинский проект был отвергнут.

С августа 1940 по май 1941 г. велись переговоры о предоставлении Экспортно-импортным банком США займа Кубе в 30 млн. долл. При этом Вашингтон ставил условием согласие кубинского правительства на обширную программу финансовых реформ (в области фискальной системы, таможенных сборов, военного бюджета, урегулирования всех претензий американских фирм и т. д.), направленных на еще большее укрепление зависимости Кубы от американского империализма. Правительство Кубы вынуждено было согласиться с этими требованиями. Но расходование займа также было определено Вашингтоном: половина его давалась на развитие сельского хозяйства, половина — на «общественные работы», а прак-

тически на развитие добычи марганцевой, хромовой, никелевой руд и другого стратегического сырья для США.

Летом и осенью 1941 г., после нападения гитлеровской Германии на СССР, на Кубе, как и во всей Латинской Америке, развернулось движение солидарности с советским народом. Только в Гаване было создано более сотни комитетов помощи Советскому Союзу. Конференция представителей этих комитетов приняла решение провести кампанию по сбору и отправке в СССР 40 тыс. мешков сахара и миллиона сигар. Симпатии к героическому советскому народу находили свое выражение в десятках митингов солидарности, сборе средств и т. д. Под влиянием широкой общественности правительство Кубы 14 октября 1942 г. установило дипломатические и консульские отношения с СССР. Первым советским посланником в Гаване стал по совместительству выдающийся советский дипломат М. М. Литвинов, бывший в то время послом СССР в США.

7 декабря 1941 г. японцы напали на Пирл-Харбор, и США вступили во вторую мировую войну. 9 декабря Куба объявила войну Японии, 11 декабря — Германии и Италии. В стране была введена всеобщая воинская повинность, велось патрулирование побережья и прибрежных вод, проводилась запись волонтеров в армию США и других союзных стран. Еще в сентябре 1940 г. была достигнута принципиальная договоренность об использовании Соединенными Штатами кубинской территории в целях обороны полушария. В июне 1942 г. с этой целью было подписано соглашение, по которому Куба предоставляла США возможность построить и использовать во время войны военно-морские и авиабазы в Сан-Антонио-де-Лос Баньос (25 км от Гаваны), Сан-Хулиане (пров. Пинар-дель-Рио), Камагуэе, на о-ве Пинос и т. д.

В годы войны кубинская экономика переживала заметный подъем. Куба в то время занимала четвертое место в капиталистическом мире по запасам железа и шестое — по запасам марганца. Здесь имеются также крупные запасы хромовой, никелевой, медной руды, свинец, цинк, вольфрам, бокситы и многие другие полезные ископаемые. До войны они разрабатывались слабо, с началом же войны положение резко изменилось. Добыча марганцевой руды с 1939 по 1943 г. выросла в три раза, а хромовой даже в пять раз. При этом Куба была основным поставщи-

ком храма в США. В Ленгуа-де-Пахаро (пров. Ориенте) американская компания «Никеро никель» построила в 1943 г. крупный завод по обогащению кубинских никелевых руд. Стоимость экспорта этих руд в США за пятилетие 1941—1945 гг. была в 2,5 раза выше, чем в предшествующее пятилетие.

Увеличился и спрос на кубинский сахар. Система импортных квот на сахар в США была отменена. В результате производство его на Кубе возросло с 2,7 млн. т в 1939 г. до 4,1 млн. т в 1944 г. (по стоимости соответственно с 112,5 до 330,5 млн. песо), а ввоз его в США с 1,75 млн. т в 1940 г. до 3,25 млн. т в 1944 г. Общая стоимость кубинского экспорта поднялась со 147,7 млн. песо в 1939 г. до 409,8 млн. песо в 1945 г. «Только со второй мировой войной, — писал американский исследователь, — пришло восстановление экономики Кубы, пострадавшей от кризиса 1929—1933 гг.»

Однако и на этот раз, подобно тому, как произошло в период первой мировой войны, Куба не смогла воспользоваться выгодной конъюнктурой и ростом цен на сахар на мировом рынке. В силу секретного соглашения с США о стабилизации цен на основные продукты питания ей пришлось продавать свой сахар США по строго фиксированной цене. Называлось это «вкладом Кубы в дело союзников». Используя указанное соглашение, Вашингтон в годы войны неоднократно вмешивался в вопросы определения объема производства сахара-сырца на Кубе и распределения его между отдельными центрами. Посольство США в Гаване дошло до того, что устанавливало «квоту» на производство карамели кубинскими фирмами, предоставляя преимущество фирмам, связанным с американским капиталом.

В то же время хозяева Уолл-стрит ревниво оберегали свою монополию на кубинском рынке. Когда кубинское министерство торговли начало переговоры об обмене некоторого количества сахара на эквадорский рис и мексиканскую нефть, из Вашингтона немедленно последовал грубый окрик. Правительство США заявило, что отгрузка американской нефти на Кубу будет уменьшена точно на такое количество ее, какое поступит на Кубу из Мексики. Более того, чтобы опорочить саму политику обмена кубинского сахара на товары других латиноамериканских стран и заставить кубинское правительство отказаться

от нее, американская агентура в Гаване спровоцировала так называемый скандал по обмену товаров, организовав донос и уголовное дело против инициатора этой политики — министра торговли Кубы. Доносчик — офицер кубинской полиции — признал, что ему оказывали помощь в этом «деле» американские агенты.

В годы войны под маркой борьбы с разведкой держав осп на Кубу было направлено большое число агентов ФБР, а также военной и морской разведок США. Однако большинство их занималось совсем иной деятельностью. Агенты ФБР вели слежку за кубинскими общественными и государственными деятелями, подслушивали их телефонные разговоры. На службе у американской разведки находились многие высшие чиновники кубинской администрации, в том числе сам шеф следственного департамента Кубы И. Кастельянос. Он передал агенту ФБР Люису полную информацию о политических деятелях Кубы и картотеку со сведениями о них. Он же, по поручению ФБР, организовал просмотр списков избирателей в стране и передал фотокопии документов всех политически «неблагонадежных» лиц в американское посольство в Гаване.

Посольство создало на этой основе огромную картушку с досье на многих лиц и использовало ее для организации слежки, а позже и преследования всех заподозренных в «коммунистической деятельности».

Война принесла огромные прибыли действующим на Кубе американским и местным компаниям, тем более, что профсоюзы временно, дабы не ослабить военных усилий Объединенных наций, отказались от забастовок. Между тем предприниматели повели методичное наступление на завоеванные трудящимися в упорной борьбе права. В то же время в стране начались перебои с продуктами, так как подвоз продовольствия из США — в связи с введенными там на время войны ограничениями — резко сократился. Это привело к дороговизне и спекуляции. Цена на рис — основной продукт питания большинства кубинцев — возросла более чем вдвое. Проведенное повышение зарплаты не поспевало за ростом цен: стоимость жизни по сравнению с 1937 г. увеличилась на 200%, а зарплата — лишь на 50%. В результате рабочим ради защиты своих насущных интересов пришлось пойти на забастовку.

Одними из первых забастовали текстильщики в г. Баута. За ними последовали забастовки в других отраслях промышленности.

Наряду с требованиями повышения зарплаты и улучшения условий труда рабочие вели борьбу также за упрочение демократических порядков. Обстановка, сложившаяся в период войны внутри страны и на международной арене, принуждала правящие верхи к проведению более или менее либеральной политики. Созданное Батистой коалиционное правительство во главе с его близким другом Карлосом Саладригасом в качестве премьер-министра вынуждено было соблюдать элементарные буржуазно-демократические свободы и принять ряд законов в развитие отдельных статей конституции о правах трудящихся (о минимуме зарплаты в сахарной промышленности, о коллективных договорах, о пособиях по безработице и т. д.). В 1943 г. был принят новый, более прогрессивный избирательный закон.

Значительно окрепло профсоюзное и вообще демократическое движение. Участие коммунистов в разработке новой конституции, так же как и роль, сыгранная ими совместно с Конфедерацией трудящихся Кубы в принятии этой конституции Учредительным собранием, заметно повысили влияние и авторитет коммунистов в массах. Они имели своих представителей в палате представителей и сенате. Два коммуниста — Хуан Маринельо и К. Рафаэль Родригес — заняли посты вице-премьера и министра без портфеля. Это был первый в Западном полушарии случай участия коммунистов в правительстве. В начале 1944 г. с целью создания массовой народной партии, объединяющей не только передовых рабочих, но также широкие слои крестьян и интеллигенции, коммунисты переименовали свою партию в Народно-социалистическую партию (НСП).

Попытка реакционных и профашистских элементов во главе с бывшим сподвижником Батисты, сменившим его на посту начальника штаба армии, — полковником Х. Э. Педраса, шефом полиции Б. Гарсия и командующим флотом А. Гонсалесом (также участником восстания сержантов 4 сентября 1933 г.) организовать военный переворот и свергнуть коалиционное правительство провалилась. Штаб-квартира мятежников в военном городке Колумбия была окружена отрядом, возглавленным самим

Батистой. Заговорщики были арестованы и смещены со своих постов.

Однако Батиста все более открыто использовал свое положение для дальнейшего обогащения. Он не стеснялся афишировать свою близость к Вашингтону, повысил себя в звании и стал генералом. Большинство его предвыборных обещаний так и остались обещаниями. Все это использовали оппозиционные партии и прежде всего «аутентики» — Кубинская революционная партия (КРП).

В обстановке быстрого роста антифашистских и антиимпериалистических сил старые традиционные буржуазные партии утрачивали свое влияние на Кубе. Их место занимали другие, еще не успевшие скомпрометировать себя партии. Такой партией оказалась в тот момент КРП, сумевшая использовать рост демократических и антифашистских настроений кубинского народа. В период подготовки к президентским и парламентским выборам 1944 г. «аутентики» возглавили оппозиционный блок партий. Их кандидат на пост президента Грау Сан Мартин и другие лидеры партии резко критиковали деятельность коалиционного правительства и не жалели обещаний. При этом «аутентики» ловко играли на своей старой репутации борцов против империализма янки, латифундизма и милитаризма и на личной популярности Грау. «Кубинец, — восклицали в своих речах на митингах их ораторы, — вспомни, что за четыре месяца пребывания у власти в 1933 г. Грау Сан Мартин сделал для народа больше, чем все президенты за сорок лет существования республики! Голосуй за Грау — президента Кубы!»

Кандидатом правительственного блока партий в президенты был премьер-министр кабинета Батисты, один из крупнейших капиталистов Кубы — Карлос Саладригас. Сам Батиста по конституции 1940 г. мог выдвинуть свою кандидатуру в президенты лишь через 8 лет и собирался снова возглавить штаб армии. Но он был уверен, что Саладригас будет его послушным орудием. У него уже был богатый опыт такого рода «сотрудничества» в 1930-х годах. К тому же Саладригас еще со времен «посредничества» С. Уэллеса в 1933 г. был в наилучших отношениях с Вашингтоном. Уверенный в победе своего кандидата, Батиста за десять дней до выборов, выступая в одном из фешенебельных гаванских клубов, патетически заявил: «Ухожу еще молодым, хочу жить на своей родине. . . , поль-

зуюсь уважением всего моего народа. Тем, кто сомневается, я говорю, чтобы они спросили сами себя в глубине души своей, возможно ли, чтобы я в политических или каких-либо иных целях выиграл, прибегая к силе в пользу или против какого-либо кандидата».

Широкие народные массы, жаждущие перемен, поверили социальной и националистической демагогии «аутентиков», их обещаниям обеспечить всех работой, расширить демократические свободы, добиться независимости Кубы от империализма и «завершить программу, прерванную 15 января 1934 года». На выборах 1 июня 1944 г. оппозиционный блок получил большинство голосов, Грау Сан Мартин был избран президентом.

Американская пресса объявила выборы 1944 г. «самыми честными в истории Кубы» и создала подхваченную позже некоторыми американскими «исследователями» легенду о том, что это якобы целиком заслуга «генерала-демократа» Батисты, «уважающего волю народа и выполнившего свое обещание не вмешиваться в ход выборов».

Факты, однако, свидетельствуют о том, что в победе «аутентиков» был заинтересован Вашингтон. Известно, в частности, что посол США в Гаване Брэден, узнав, что многие американские предприниматели и коммерсанты в расчете на победу кандидата Батисты собираются оказать ему финансовую поддержку с тем, чтобы получить от будущего президента определенные привилегии, постарался помешать этому. Собрав американских дельцов, находившихся на Кубе, он предложил им воздержаться от финансовой поддержки любого из кандидатов в президенты, мотивируя это необходимостью «невмешательства в кубинские дела».

Вечером 1 июня, несмотря на то, что выборы официально еще не были закончены, Брэден посетил Грау Сан Мартина и поздравил его с победой. Более того, когда через несколько дней после выборов американскому посольству стало известно о том, что группа офицеров во главе с шефом кубинской полиции ген. Мануэлем Бенитесом организовала заговор с целью сохранить у власти Батисту и не допустить перехода ее в руки Грау Сан Мартина, Брэден немедленно встретился с Батистой и Бенитесом. Он предупредил их, что если Грау Сан Мартин не займет в положенный срок пост президента республики, то США блокируют Кубу.

Наконец, в ряде работ различных авторов имеются намеки на то, что «пожелание» о невмешательстве Батисты в ход выборов и уважении к их результатам поступило непосредственно из Белого дома. Во всяком случае, уже 3 июня, т. е. через день после выборов, Франклин Рузвельт пригласил Грау Сан Мартина посетить Вашингтон.

Правящие круги США, конечно, не сомневались в том, что Батиста и впредь будет служить им верой и правдой, но сочли в сложившейся обстановке антифашистской войны и роста демократических сил во всем мире (в том числе и на Кубе) более целесообразным допустить к власти в Гаване «аутентиков». За десятилетие, прошедшее со времени основания Кубинской революционной партии, большинство ее лидеров успели позабыть свой радикализм и антиимпериализм. И хотя партия, находившаяся все это время в оппозиции, пока еще пользовалась поддержкой средней и мелкой буржуазии, а также значительных слоев трудящихся, в действительности от лозунгов «Куба для кубинцев!» и «Долой империализм янки!» остались лишь слова, которыми верхушка КРП прикрывала свое сотрудничество с американским капиталом. Многие из ее лидеров давно уже установили самые тесные отношения с хозяйничавшими на Кубе американскими компаниями.

Вашингтон знал об этом и рассчитывал, что в новой обстановке «аутентики», не успевшие еще в отличие от «традиционных» буржуазных партий растерять свой политический капитал, смогут лучше контролировать массы, требовавшие подлинной экономической и политической независимости Кубы. Понадобятся годы правления «аутентиков», пока народ на собственном опыте убедится в том, что лидеры КРП — буржуазные демагоги и прислужники американского империализма.

10 октября 1944 г. Грау Сан Мартин приступил к выполнению президентских обязанностей. Первый год его правления совпал с разгромом гитлеровской Германии и милитаристской Японии, с началом антиимпериалистических освободительных революций в Индо-Китае и Индонезии, с дальнейшей консолидацией демократических сил на Кубе. Все это вынуждало правительство «аутентиков» усиленно маневрировать и пойти на известные уступки трудящимся,

К концу второй мировой войны демократические силы Кубы значительно окрепли. На выборах 1944 г. Народно-социалистическая партия завоевала 122 тыс. голосов избирателей (в 1940 г. — 81 тыс.), получив 3 места в сенате и 147 мест в муниципальных советах (в 1940 г. — 83 места). Конфедерация трудящихся Кубы (КТК) на своем IV конгрессе (декабрь 1944 г.) объединила все профсоюзы страны и стала крупной политической силой, ведущей за собой полмиллиона человек, т. е. основную часть кубинского рабочего класса. Выступая на этом конгрессе, Грау Сан Мартин официально признал КТК национальным профцентром и обещал проводить свою социальную политику в тесном контакте с профсоюзами. Правительство не могло не считаться с этими обстоятельствами и по требованию народных масс приняло в тот период ряд декретов, отвечающих в известной мере интересам трудящихся. Была, в частности, повышена на 20 % зарплата рабочим сахарных заводов и на 10 % — рабочим плантаций, запрещено выселение съемщиков квартир и повышение квартплаты, запрещен сгон крестьян с земли и т. д. Были лишены своих постов в армии офицеры, связанные с Батистой, а сам экс-президент (только что, кстати, разведенный со своей первой супругой и вступивший во второй брак) предпочел на всякий случай покинуть Кубу и начинать новую главу своей богатой событиями жизни во Флориде.

В целом обстановка на Кубе не вызывала особой тревоги в Вашингтоне. Прибыли американских компаний, действующих на острове, поступали исправно и росли. На долю США приходилось к концу войны четыре пятых всего экспорта и импорта Кубы. «В 1945 году казалось, что кубино-американские отношения вступали в новую эру спокойствия, — пишет современный американский историк. . . — Создавалось впечатление, что экономика Кубы находится в хорошем состоянии. Американские туристы вернулись в бар «Неряха Джо» в Гаване, а патентованный ром от сеньора Баккарди потоком лился через Флоридский пролив, и все представлялось спокойным в Карибском море» ²⁸.

²⁸ «Баккарди» — всемирно известная кубинская фирма по производству рома.

Добрый сосед снимает маску

Победы Советской Армии и разгром фашизма во второй мировой войне, образование социалистического лагеря во главе с Советским Союзом и успехи освободительного движения народов Азии оказали огромное влияние на Латинскую Америку, способствовали значительному укреплению ее демократических сил. Усилившемуся после войны натиску американского империализма, добивавшегося безраздельного господства в Западном полушарии, противостояла все более крепнущая решимость народов латиноамериканских стран освободиться от гнета монополий США и пойти по пути самостоятельного, демократического национального развития.

В эти годы с особой силой проявилось стремление рабочего класса Кубы осуществить в мирное время демократические цели второй мировой войны. Кубинский пролетариат, организованный в единой Конфедерации трудящихся Кубы (КТК), добился удовлетворения своих важнейших требований: 8-часового рабочего дня для большинства рабочих, признания принципа «за равный труд — равная оплата», оплачиваемого отпуска, охраны материнства, запрещения произвольных увольнений и локаута. Право рабочего класса на забастовку было записано в конституции.

Народно-социалистическая партия Кубы (НСП) превратилась в большую политическую силу и стала одной из наиболее организованных коммунистических партий

Западного полушария. Она вдохновила и возглавила многие экономические и политические выступления трудящихся в послевоенные годы. В контакте с другими демократическими партиями и организациями коммунисты создавали молодежные, женские и другие объединения патриотического характера.

Опираясь на рабочее движение и поддержку прогрессивных организаций, НСП возглавила борьбу за ликвидацию военных баз США на Кубе. Еще в августе 1944 г. кубинский министр иностранных дел Гонсалес Муньос сделал заявление о том, что базы, предоставленные на время войны США, должны быть возвращены в полную собственность правительству Кубы через полгода после окончания войны со всеми возведенными там установками и сооружениями. Но по окончании войны выяснилось, что, по мнению кубинцев, базы должны быть возвращены через полгода после капитуляции фашистских держав, а Вашингтон считал, что через полгода после подписания мирных договоров.

В марте 1946 г. в Гавану прибыла специальная миссия во главе с начальником отдела стран Центральной Америки государственного департамента Кохрэном. Ее целью было убедить кубинское правительство оставить базы еще на ряд лет в распоряжении США в «интересах обороны полушария». Однако борьба широких народных масс Кубы, вынудившая правительство Грау Сан Мартина занять твердую позицию в этом вопросе, заставила США вернуть Кубе все военные базы, созданные в годы войны на ее территории.

Дружба — дружбой, а табачок врозь...

Серьезные трения между США и Кубой возникли в связи с обсуждением в американском конгрессе проекта закона о сокращении квоты на ввоз сахара. Принятие и проведение в жизнь этого закона грозило Кубе серьезными экономическими трудностями. Поэтому законопроект вызвал там волну протестов. Его осудили не только трудящиеся на митингах и демонстрациях, но и лидеры всех буржуазных оппозиционных партий. Комиссия по иностранным делам кубинского сената потребовала созыва специальной сессии конгресса для рассмотрения этого вопроса; а министр иностранных дел заявил, что если законопроект бу-

дет принят, то Куба откажется от участия в предстоящей конференции министров иностранных дел стран Америки в Рио-де-Жанейро, занимавшей особое место в вашингтонских планах создания в Западном полушарии военно-политического блока под эгидой США.

Характерно, что даже С. Уэллес вынужден был признать, что новый закон означал бы возврат к тем временам, когда Соединенные Штаты Америки «с помощью принуждения и нажима заставляли малые страны Западного полушария удовлетворять финансовые претензии американских граждан».

На заседании Административного совета Панамериканского союза в июле 1947 г. кубинский посол в США Бельт, напомнив присутствующим, что конгресс США может принять аналогичные законы о ввозе олова, кофе и другой продукции латиноамериканских стран, предложил осудить на конференции в Рио-де-Жанейро подобного рода односторонние акты как угрозу экономической стабильности этих стран. Однако большинство латиноамериканских членов совета под нажимом государственного департамента отвергло предложение Бельта. Тогда он предложил включить в проект межамериканского договора об обороне Западного полушария, который должен был обсуждаться на конференции в Рио-де-Жанейро, пункт о принятии совместных мер против «экономической агрессии, гораздо более опасной... — по его словам, — чем угроза военной агрессии». Но и это предложение было отвергнуто большинством голосов.

Наконец, последняя попытка оказать давление на Вашингтон была предпринята в конце августа 1947 г. уже на самой конференции в Рио-де-Жанейро, вскоре после того, как президент Трумэн подписал принятый конгрессом закон об изменении квоты на ввоз сахара. Бельт от имени Кубы предложил включить в договор об обороне Западного полушария определение понятия «экономическая агрессия» и выработать действенные меры против такой агрессии. И снова большинство латиноамериканских делегатов под нажимом делегации США отвергли кубинское предложение. Впрочем, и сам Бельт сразу же забил отбой, заявив, что кубинская делегация не настаивает на своем предложении и полностью поддерживает предложенный США проект договора об обороне Западного полушария.

Конференция в Рио-де-Жанейро, принявшая договор об обороне полушария, была важным звеном в «холодной войне» против СССР, развязанной империалистическими кругами США вскоре после окончания второй мировой войны. Уже в 1945 г. в американской прессе появились статьи на тему о «коммунистической угрозе» на Кубе и в других латиноамериканских странах. В 1946 г. пропаганда антикоммунизма, призванная оправдать существование военных баз США в этих странах и втянуть их в орбиту военно-экспансионистских планов Вашингтона, а также расколоть рабочее движение в Латинской Америке и облегчить дальнейшее проникновение туда американских монополий, расцвела пышным цветом.

Грау Сан Мартин уже в первых своих выступлениях после победы на выборах 1944 г. допускал выпады против «мирового коммунизма» и Народно-социалистической партии. Но до 1946 г. его правительство, считаясь с обстановкой, проводило сравнительно либеральную внутреннюю политику. Однако с началом «холодной войны» оно резко повернуло вправо. «Избрание Грау Сан Мартина, — пишет А. Нуньес Хименес, — давало надежду, что националистическая и даже антиимпериалистическая программа, которую его партия приняла еще в 1937 г., найдет свое осуществление. Но этого не произошло. . .

Правительство Грау перед лицом народного недовольства и с целью получить поддержку самых продажных профсоюзных лидеров начало в 1946 г. борьбу против подлинных рабочих-демократов и революционного профсоюзного движения».

Осуществление политики раскола рабочего движения было возложено на одного из лидеров КРП — Карлоса Прио Сокарраса, ставшего в 1946 г. министром труда. Назначение его на этот пост совпало с отменой правительственного контроля над ценами и разгулом спекуляции. К 1948 г. цены на продукты и товары широкого потребления выросли втрое по сравнению с довоенными. В то же время предприниматели повели широкое наступление на права трудящихся: отказались продлевать заключенные в годы войны коллективные договоры, произвольно увольняли рабочих, снижали расценки, прекратили выплату пособий по болезни и при увольнении и т. д. Классовые противоречия обострились. Рабочие отвечали стачками, демонстрациями протеста, требовали

реформ, которые покончили бы с нищетой, растущей безработицей, зависимостью от иностранного капитала.

Еще больше выросло влияние Народно-социалистической партии, решительно отстаивавшей интересы трудящихся. Это убедительно продемонстрировали парламентские и муниципальные выборы 1946 г., на которых она получила 240 мест в муниципалитетах, 11 мест в палате представителей и 3 места в сенате. Председатель партии Х. Маринельо был избран вице-президентом сената. «В последние годы Кубинская коммунистическая партия одержала поразительные успехи. . . , — писал автор изданной в 1948 г. в Нью-Йорке книжки «Мировой коммунизм сегодня» Мартин Эбон. — За годы войны количество голосов, поданных за коммунистов, увеличилось вдвое с 81 255 в 1942 г. до 124 619 в 1944 и 197 000 в 1946 гг.»

Встревоженное ростом демократического движения и укреплением единства рабочего класса правительство в полном соответствии с курсом, принятым Вашингтоном, открыто стало на путь преследования прогрессивных организаций, раскола профсоюзного движения и наступления на права трудящихся. С этой целью оно использовало не только печать, радио, церковь, полицию, но и вооруженные банды гангстеров — «пистолерос».

Весной 1947 г. террористы обстреляли из пулеметов штаб-квартиру НСП и ряд помещений, где происходили собрания ее местных организаций. Секретарь Конфедерации трудящихся Кубы Ласаро Пенья получил анонимное предупреждение о том, что если он будет добиваться переизбрания, то его убьют. Затем в здание руководства НСП была брошена бомба. Тогда же группа реформистских профсоюзных лидеров (Х. Аревало, Ф. Агирре, А. Кофиньо, Э. Мухаль и др.), связанных с правым профсоюзным руководством США и со времени объединительного конгресса 1944 г. входивших в КТК, вышла из нее, заявив, что руководство ею является якобы полностью «коммунистическим», и создала находившуюся под контролем властей «Конфедерацию рабочих». По замыслу правительства, передавшего раскольников с этой целью 800 тыс. песо, новый профцентр должен был противостоять Конфедерации трудящихся Кубы. Декретом министра труда в августе 1947 г. он был объявлен единственной законной профорганизацией в стране, а КТК — поставлена вне закона. Ответом рабочих была всеобщая

забастовка в октябре 1947 г. под лозунгом «За единство профсоюзов!» Правительство бросило против бастующих полицию и войска. Более сотни руководящих деятелей КТК и 2 500 рабочих были арестованы. Но под давлением требований народа власти вынуждены были освободить их.

После всеобщей забастовки борьба приняла еще более острый характер. Большинство профсоюзов выступило против штрейкбрехерской «Конфедерации рабочих» и не допустило замены своих испытанных руководителей ставленниками правительства. Тогда реакция под флагом «борьбы с коммунизмом» перешла к террору против демократических сил. В январе 1948 г. полицейскими был убит один из самых популярных в стране рабочих деятелей — руководитель Федерации рабочих сахарной промышленности, депутат парламента коммунист Хесус Менендес. Затем последовали убийства секретаря профсоюза табачников Фернандеса Ронга, руководителя профсоюза портовых рабочих Араселно Иглеснаса, лидеров союза железнодорожников и трамвайщиков Мартинеса Ногеса и Лескано Монторе. Всего в течение 1948 г. жертвами наемных убийц пало более ста прогрессивных деятелей профсоюзного движения, главным образом коммунистов. В то же время власти организовали налеты полиции и солдат на помещения местных комитетов НСП и руководимых коммунистами профсоюзов, сопровождавшиеся обысками, захватом документов и арестами. Фашиствующие элементы совершили нападение на миссию СССР.

Полицейский террор достиг особой силы накануне президентских и парламентских выборов, состоявшихся летом 1948 г. К этому времени антинародная политика правительства Грау Сан Мартина привела к потере «аутентикам» влияния среди значительной части трудящихся. К тому же в их рядах произошел раскол. В марте 1947 г. левое, национал-реформистское крыло КРП, возглавляемое Э. Чибасом, обвинило руководство партии в измене ее идеалам, а в мае того же года откололось, основав новую Партию кубинского народа. Стремясь подчеркнуть верность «старым идеалам», лидеры новой партии дали ей дополнительное название «ортодоксальной» (правоверной).

«Ортодоксы» выдвинули своего кандидата в президенты — Э. Чибаса, что серьезно ослабило КРП, канди-

датом которой был К. Прио Сокаррас. Другие оппозиционные буржуазные партии выдвинули своим кандидатом Нуньеса Портуондо, а НСП — Хуана Маринелью.

Избирательная кампания проходила в обстановке травли прогрессивных сил. Банды «пистолерос» всячески запугивали избирателей. В такой обстановке победу на состоявшихся 1 июля 1948 г. выборах одержал правительственный кандидат Прио Сокаррас, хотя он и набрал менее половины голосов участвовавших в выборах избирателей. Более 190 тыс. избирателей отдали свои голоса Народно-социалистической партии, сохранившей в палате представителей 9 мест.

По списку либеральной партии в сенат был избран Фульхенсио Батиста, а его брат Панчин Батиста был избран губернатором провинции Гавана. В период своего правления Грау Сан Мартин сделал все, чтобы помешать Батисте вернуться на Кубу и по некоторым данным пытался даже с этой целью возбудить уголовное дело против него. Теперь, после избрания сенатором, Батиста получил возможность вернуться, что он и сделал в октябре 1948 г. Опираясь на поддержку стоявших за его спиной влиятельных кругов, он сразу же развернул активную деятельность по сплочению своих сторонников, восстановил старые связи и вскоре основал буржуазную партию — Объединенное прогрессивное действие.

Между тем новый президент сразу же после избрания сообщил, что его правительство будет проводить ту же внешнюю и внутреннюю политику, что и предшествующее; что оно будет поощрять американские капиталовложения на Кубе и освободит их от налогов. Прио Сокаррас поспешил также заявить, что он готов «объявить компартию вне закона, если другие американские страны примут такое же решение». В первом после вступления на пост президента послании конгрессу он подчеркнул, что Куба твердо стоит на стороне «западных демократий». Спустя еще два месяца, прибыв с официальным визитом в Вашингтон, Прио Сокаррас заверил Белый дом, что Куба будет сотрудничать и сохранять прекрасные взаимоотношения с Соединенными Штатами даже, если это будет наносить ущерб ее экономике. Упомянув о сокращении закупок кубинского сахара, он выразил надежду на будущее улучшение экономических отношений между США и Кубой.

Все это, однако, не оказало особого влияния на Вашингтон — сахарная квота для Кубы на 1949 г. была гораздо меньше, чем в 1948 г. В стране образовался значительный излишек сахара, что сразу же ударило по тем отраслям кубинской экономики, которые были связаны с производством сахара, а они охватывали 500 тыс. рабочих. Положение усугублялось пресмыкательством кубинского правительства перед волей Вашингтона и в угоду ему отказавшегося от предложения о закупке сахара, сделанного Англией.

Кризис в сахарной промышленности совпал с кризисом в других отраслях производства: табачной, текстильной, горнорудной промышленности. В частности, резко сократились американские закупки табака и сигар. Более того, конкуренция американских табачных трестов привела к сокращению производства табака на Кубе в 1948 г. почти на треть по сравнению с 1947 г. и безработице 15 тыс. связанных с ним рабочих. Ввоз американских текстильных товаров на Кубу, где они продавались по демпинговым ценам, вырос к 1948 г. по стоимости в пять раз по сравнению с 1940 г., а в 1949 г. еще на 10%. Разорились либо резко сократили производство полтора десятка кубинских текстильных фирм. Оказались полностью или частично без работы около 40 тыс. рабочих-текстильщиков. Американские монополии почти прекратили выросшую в годы войны добычу марганцевой, хромовой, никелевой руд. Пищевая, деревообделочная и некоторые другие отрасли промышленности также значительно снизили уровень производства. В 1949 г. оказались без работы не менее четверти миллиона промышленных рабочих. Значительно большее число сельскохозяйственных рабочих имело работу всего 3—4 месяца в году.

В поисках выхода из экономических трудностей правительство Прио Сокарраса обратилось к США. Вопреки протестам общественности и оппозиции со стороны значительной части конгресса оно заключило заем на сумму в 100 млн. долл. у «Бостон интернэйшнл корпорейшн». Затем Гавану посетил президент так называемого Международного банка реконструкции и развития, потребовавший и получивший подробнейший доклад о сырьевых ресурсах и хозяйстве страны. Наконец в 1950 г. на Кубу прибыла специальная Экономическая и техническая миссия американских экспертов, организованная этим банком

и возглавляемая президентом нью-йоркской биржи Ф. А. Траслоу. Ею был составлен так называемый план Траслоу — план реорганизации кубинской экономики, призванный преодолеть кризис в сахарной промышленности и других отраслях хозяйства за счет сокращения зарплаты и интенсификации труда (т. е. усиления эксплуатации трудящихся) при сохранении прибылей американских монополий и местных сахарозаводчиков.

Все это еще больше усиливало зависимость Кубы от монополий США.

Кризис в сахарной и других отраслях промышленности значительно ухудшил экономическое положение рабочих и крестьян. Между тем наступление иностранных монополий и местных эксплуататорских классов на жизненный уровень и права трудящихся продолжалось. С одобрения властей предприниматели и латифундисты саботировали декреты о минимуме зарплаты, диктуя под угрозой увольнения свои условия труда. Уже в 1949 г. общая сумма зарплаты, выплаченной рабочим сахарной промышленности, была на 12% ниже, чем в 1948 г. В 1950 г. правительство специальным декретом еще более снизило зарплату в сахарной промышленности. Между тем налоги и цены на товары быстро росли. В результате реальная зарплата трудящихся заметно сократилась.

Естественно, что правительство Прио Сокарраса почти сразу же столкнулось с растущим стачечным движением. Бастовали, требуя повышения зарплаты и прекращения увольнений, текстильщики, рабочие сахарных заводов и плантаций, железнодорожники и портовики, рабочие табачных фабрик и авиакомпаний. В апреле 1950 г., например, бастовали рабочие 100 централей из общего числа 161. Только за первые десять месяцев 1951 г. в стране было зарегистрировано 120 забастовок.

Стремясь ослабить рабочее движение, правительство Прио Сокарраса продолжало политику раскола профдвижения и убийств профсоюзных лидеров. Например, в сентябре 1949 г. вооруженные бандиты совершили убийство руководителей Национальной федерации рабочих сахарной промышленности А. Родригеса и Х. Овьедо Чакона. Любое выступление масс в защиту своих прав квалифицировалось как «подрывная деятельность» и для борьбы с ней в 1949 г. было создано специальное управление разведки. За членами НСП велась слежка, их отдавали под

суд под любым предлогом, на помещения местных организаций партии организовывались налеты гангстерских банд. Американское посольство в Гаване отказывало в визах лицам, подозреваемым в принадлежности к НСП, и распространяло тысячи антикоммунистических брошюр и листовок. В конгресс дважды вносились законопроекты, имеющие целью запрещение НСП. С помощью американской разведки была сделана попытка организовать провокационный судебный процесс над 32 руководящими деятелями партии. В августе 1950 г. был запрещен ее центральный орган — газета «Нотиспас де Ой». Закрыт был также ряд других прогрессивных газет. Власти захватили радиостанцию НСП.

Подверглись репрессиям даже буржуазные оппозиционные деятели. Так, был арестован лидер «ортодоксов» и бывший соратник Прио Сокарраса популярный оратор Эдуардо Чибас. Опираясь на специально изданный декрет об ограничении свободы слова, прозванный в народе «декретом-кляпом», полиция арестовала более ста журналистов.

Состоявшийся в ноябре 1951 г. национальный конгресс правящей Кубинской революционной партии выдвинул в качестве одной из основных задач в области внутренней политики «усиление борьбы с коммунизмом» и «объявление вне закона компартии», а в области внешней политики — разрыв дипломатических и торговых отношений с социалистическими странами. Еще в марте 1949 г. сенатор Мартинес Фрага (б. кубинский посол в США) внес в конгресс законопроект о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом. Но это предложение вызвало такое движение протеста, что сам Мартинес Фрага просил его не обсуждать. Выступая в начале апреля 1949 г. на заседании VI конгресса Конфедерации трудящихся Кубы и выражая подлинное мнение народа, ее председатель Ласаро Пенья заявил: «Народ Кубы не будет воевать на стороне империализма. Он не будет воевать против страны социализма — Советского Союза, против стран народной демократии».

О том, чьим интересам служила антисоветская политика «аутентиков», свидетельствует сообщение вашингтонского корреспондента агентства «Интернэйшнл ньюс сервис» от 11 мая 1949 г. об отъезде кубинского посла в США О. Ганса в Гавану, где он, по словам корреспон-

дента, должен был обсудить вопросы дальнейшего политического и экономического сотрудничества с Соединенными Штатами, а также вопросы отношений Кубы с СССР (!!!).

Выше уже говорилось об экономическом «сотрудничестве» правительства Прио Сокарраса с Соединенными Штатами. Политическое «сотрудничество» с Вашингтоном также выражалось прежде всего в дальнейшем подчинении национальных интересов целям и планам американского империализма. Так, следуя пожеланиям Вашингтона и совершенно не считаясь с общественным мнением в стране, кубинское правительство 29 июня 1950 г. официально заявило о своей поддержке агрессии США в Корее. Незаконные решения группы членов Совета безопасности ООН, с помощью которых империалисты США пытались оправдать свою интервенцию в Корее, были приняты голосами представителей стран — членов НАТО, к которым присоединились представители Кубы и Эквадора. Эти же два представителя помогли снять с повестки дня вопрос о мирном урегулировании корейского конфликта. На пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи и в Политическом комитете Куба также оказалась соавтором резолюции, рассчитанной на расширение войны в Корее, и выступила против приглашения представителя КНДР в ООН при обсуждении корейского вопроса.

В ноябре кубинское министерство иностранных дел сделало заявление о готовности Кубы предоставить в распоряжение вооруженных сил ООН в Корее роту солдат в составе 63 человек, 2 тыс. т сахара и некоторое количество мелассы. Однако ООН ответила, что минимальным воинским соединением в Корее является батальон. Под нажимом Вашингтона, заинтересованного в прикрытии еще одним флагом своей корейской авантюры, правительство Прио Сокарраса обратилось в конгресс с просьбой разрешить увеличить отправляемый в Корею контингент солдат до батальона. На объединенном заседании обеих палат конгресса министр иностранных дел разъяснял конгрессменам, что хотя США и не просили об этом, Куба «морально» обязана помочь армиям. «защищающим в Корее демократические свободы».

За месяц до этого правительство подписало соглашение с США о взаимном использовании в армиях обеих

стран проживающих на их территории граждан другой страны без потери ими своего гражданства. В июне 1951 г. в Гаване было подписано еще одно соглашение о «техническом сотрудничестве» между США и Кубой, по которому последняя обязалась согласовывать все планы технического сотрудничества с американскими экспертами и советниками, работавшими в кубинских государственных учреждениях. Затем было подписано соглашение о посылке на Кубу американской военной миссии.

Но добиться отправки кубинского батальона в Корею Вашингтону и раболопствующему перед ним Прио Сокаррасу так и не удалось. Помешал этому народ. Движение в защиту мира приняло на Кубе в эти годы подлинно общенародный характер. Еще в 1949 г. здесь состоялся первый конгресс сторонников мира, избравший Национальный совет сторонников мира во главе с проф. Э. Энтральго. В 1950 г. страну объехал молодежный караван мира. Участники его провели сотни митингов и собраний, помогли в организации местных комитетов движения за мир и в сборе подписей под Стокгольмским воззванием сторонников мира. На Кубе это воззвание подписало около полмиллиона человек.

Молодежь протестовала против захода военных судов США в кубинские порты. В листовках молодежных организаций, напомиравших о том, что матросы прибывшей в 1949 г. в Гавану американской эскадры осквернили национальную святыню — памятник Хосе Марти, говорилось: «Мы должны показать американским захватчикам, что молодежь Кубы горячо любит мир и никогда не позволит, чтобы ее превратили в пушечное мясо. Мы против пребывания на Кубе американских моряков, оскорбляющих наши национальные чувства своим презрительным отношением ко всему кубинскому и к нашим традициям, которыми мы дорожим».

Борьба за мир была центральным пунктом программы Народно-социалистической партии на муниципальных выборах 1950 г. В 90 из 126 муниципальных советов коммунисты достигли соглашения с другими партиями, положив в основу его задачу борьбы за мир и запрещение атомного оружия. Благодаря этому даже в условиях полицейского террора Народно-социалистическая партия завоевала 150 мест в муниципалитетах. Коммунисты

вошли в состав муниципальных советов 32 городов, а в некоторых городах были избраны мэрами.

В июле 1950 г. на Кубе была проведена «неделя поддержки корейского народа». Волну протестов вызвало предложение послать в Корею кубинские войска. Весной 1951 г. буржуазный еженедельник «Боэмпя» сообщил, что более 80% опрошенных кубинцев, придерживающихся различных политических и религиозных убеждений, отвечая на анкету, заявили, что они против отправки войск за пределы страны. Общее недовольство сказалось и на армии. В конце февраля—начале марта 1951 г. в столичном форте Ла Кабанья и в некоторых других гарнизонах часть солдат и офицеров заявила о своем нежелании участвовать в агрессии на Дальнем Востоке. В связи с этим ряд офицеров был арестован.

Упорная борьба народа заставила в ноябре 1951 г. кубинский конгресс отвергнуть предложение президента. Генерал Кабрера вынужден был заявить, что посылать кубинские войска в Корею нет необходимости.

Взбешенные провалом своих планов, силы реакции еще более усилили наступление на права и организации трудящихся. Против бастующих рабочих одного из сентралей американской компании «Кьюбэн америкэн шугар» правительство бросило войска. 700 рабочих было арестовано. Члены кубинской профсоюзной делегации, ездившие по приглашению ВЦСПС в 1951 г. на празднование Первого мая в СССР, сразу же по возвращении были брошены за решетку. Во время большой демонстрации, состоявшейся в Гаване в сентябре 1951 г., агенты полиции стреляли в члена секретариата Народно-социалистической партии Родригеса.

Но подавить сопротивление народа не удалось. Рабочий класс и его авангард — коммунисты — не отступили перед натиском сил реакции. Мобилизовав широкие массы трудящихся, НСП сумела противостоять угрозе запрета. Коммунисты по-прежнему пользовались преобладающим влиянием в объявленной вне закона, но все еще объединявшей 400 тыс. рабочих Конфедерации трудящихся Кубы. Несмотря на репрессии, руководимая коммунистами Федерация рабочих сахарной промышленности провела в 1950, 1951 и 1952 гг. несколько крупных успешно закончившихся забастовок. В те же годы неоднократно бастовали рабочие пищевой, текстильной и дру-

гих отраслей промышленности, железнодорожного и авиатранспорта, студенты.

Упорной борьбой, при поддержке масс, партия добилась в сентябре 1951 г. отмены запрещения газеты «Нотисиас де Ой». В начале 1952 г. суд вынес решение о возврате НСП радиостанции, захваченной у нее ранее властями. Тогда же Национальный совет мира сообщил, что почти миллион кубинцев, т. е. треть всего взрослого населения (самый высокий процент среди стран Западного полушария) — подписали Обращение о заключении Пакта мира между пятью великими державами.

Все это не могло не вызывать беспокойства в местных реакционных кругах и особенно в Вашингтоне. Развернув в конце 1940-х годов подготовку к новой «большой» войне, американский империализм стремился обеспечить свой тыл и полностью подчинить себе правительства стран Латинской Америки. С этой целью в ряде этих стран были организованы военные перевороты и созданы диктаторские режимы. К началу 1951 г. такие режимы господствовали в 16 из 20 латиноамериканских стран; в 14 из них компартии и революционные профсоюзы были запрещены. На IV межамериканском совещании министров иностранных дел (март 1951 г.) были приняты решения о расширении военного и полицейского «сотрудничества» латиноамериканских стран с США. Кроме того, не полагаясь целиком на многосторонний договор об обороне Западного полушария 1947 г., вашингтонское правительство решило закрепить и усилить позиции Соединенных Штатов в каждой из латиноамериканских стран путем заключения с ней двустороннего военного «соглашения».

Между тем обстановка, сложившаяся на Кубе, упорная борьба ее демократических сил в защиту прав и интересов народа, мешали осуществлению далеко идущих планов правящих кругов США. Они считали, что настало время отменить конституцию 1940 г., объявить вне закона Народно-социалистическую партию, ликвидировать социальные завоевания трудящихся и разорвать отношения между Кубой и СССР. Но правительство Прио Сокарраса оказалось неспособным выполнить эти требования. Приближавшиеся парламентские выборы при сложившейся расстановке социальных сил на острове также не вызывали особых надежд в Вашингтоне.

«Аутентики» за семь лет правления растеряли большую часть своего политического престижа. Проводимая ими политика наступления на жизненные интересы и права трудящихся, преследования демократических организаций и движения сторонников мигра, постоянные нарушения конституционных свобод и коррупция в правительственном аппарате, пресмыкательство правительства перед Вашингтоном и монополиями янки породили широкое недовольство и разочарование в массах. Ослабил КРП и раскол на фракции Грау Сан Мартина и Прио Сокарраса. В этих условиях быстро возрастало влияние «ортодоксов». Хотя их критика в адрес правительства часто носила непоследовательный и противоречивый характер, ибо Партия кубинского народа объединяла самые разнородные социальные элементы — от либерально настроенных представителей средней буржуазии до рабочих, — к 1952 г. она стала самой влиятельной буржуазной партией. И даже после на шумевшего ранения и смерти в августе 1951 г. ее лидера Э. Чибаса Партия кубинского народа, как показала начавшаяся уже к тому времени избирательная кампания, имела наибольшие среди всех оппозиционных партий шансы победить на предстоявших летом 1952 г. президентских и парламентских выборах.

Правда, с помощью крупных денежных средств, демагогии и спекуляции на своем «демократическом» прошлом Батиста добился того, что его партия Объединенное прогрессивное действие насчитывала почти четверть миллиона человек. Однако в ходе избирательной кампании стало ясно, что Батиста, выдвинутый этой партией кандидатом в президенты, едва ли сможет в честной борьбе соперничать даже с правительственным кандидатом Карлосом Эвиа, не говоря уже о кандидате «ортодоксов» Роберто Аграмонте. Шансы последнего на победу увеличились еще больше после того, как в январе 1952 г. седьмой съезд Народно-социалистической партии с целью не допустить победы «аутентиков» и открытых реакционеров призвал членов НСП голосовать за Р. Аграмонте.

Если в первые послевоенные годы, в условиях общего полевения масс, Вашингтон вынужден был допускать на Кубе режим ограниченной буржуазной демократии, то в разгар «холодной войны», корейской авантюры и подготовки «большой» войны правящие круги США предпочитали видеть здесь у власти, как и в других латиноамер-

риканских странах, «сильную личность», способную быстро навести нужный монополиям «порядок». К началу 1952 г. во всем Карибском районе, только на Кубе, в Гватемале и Коста-Рике власть еще находилась в руках правительств, более или менее соблюдавших демократические права граждан.

Таким «сильным человеком», который смог бы, не считаясь с конституцией и тому подобными «мелочами», установить военную диктатуру, был прежде всего Батиста. Он уже показал себя однажды в роли душителя демократии на Кубе и в то же время обладал незаурядными данными демагога и политического хамелеона. В многочисленных выступлениях Батиста подвергал резкой критике продажность и коррупцию правительства Прио Сокарраса, заявляя, что «народ устал от правления аутентиков». В поисках популярности он даже пытался прикинуться сторонником движения в защиту мира и заявил члену Всемирного Совета Мира Пабло Неруда «о тяжелых обидах, нанесенных ему, о личных оскорблениях со стороны власть имущих североамериканцев, и при этом, — по свидетельству Неруда, — употреблял резкие и оскорбительные выражения в адрес обидчиков».

Все это, однако, было не более чем маскировкой, призванной прикрыть подготовку заговора против кубинского народа, готовившегося Батистой и его сторонниками в сотрудничестве с ЦРУ и посольством США в Гаване. Уже в августе 1951 г. в американской печати появились намеки на необходимость «перемен» на Кубе. 5 сентября в ряде газет была опубликована статья «специалиста» по проблемам Латинской Америки корреспондента агентства Скриппс-Говард Эдварда Томлинсона, в которой отмечалось, что Батиста, располагавший крупными средствами и влиянием в кубинской армии, становится все более сильной фигурой. «Наиболее здравомыслящие кубинцы считают, — писал Томлинсон, — что решением вопроса может быть государственный переворот, который поставил бы у власти военных во главе с сильной личностью, такой, например, как Батиста». Об этом же писал в те дни известный американский обозреватель Дрю Пирсон.

13 сентября 1951 г. председатель Народно-социалистической партии Х. Маринельо в интервью корреспонденту газеты «Ла Ультима Ора» предупреждал о маневрах американского империализма, направленных на создание на

Кубе режима военной диктатуры и связанных с более широкими экспансионистскими планами Вашингтона.

Встревоженное слухами о готовящемся перевороте, правительство в надежде заручиться поддержкой Вашингтона поспешило в начале марта 1952 г. заключить, наконец, после длительных переговоров двустороннее военное соглашение с США. Оно приняло также некоторые меры предосторожности: ввело цензуру, перевело на казарменное положение полицию. Но дни его были сочтены.

В связи с тем, что ряд министров выдвинул свои кандидатуры на предстоявших выборах, 7 марта кабинет министров ушел в отставку. Было объявлено, что новый кабинет будет сформирован 10 марта. Заговорщики сочли момент самым благоприятным. 9 марта участвовавшие в заговоре офицеры на военной базе Колумбия получили условное сообщение: «Четыре Колумбия Десятое марта», указывавшее на дату и час переворота.

«Наш человек» снова у власти

Ранним утром 10 марта, примерно за час до начала переворота, в военном городке Колумбия появились несколько автомашин. Из них вышла группа военных во главе с невысоким коренастым человеком со скуластым индейским лицом. Это был Батиста. «Генерал-демократ», одетый в спортивную рубашку, обратился к солдатам с призывом подняться на «революцию ради спасения родины от политиканов и жуликов». В четыре утра мятежники овладели военным городком Колумбия, а также фортами Ла Кабанья и Ла Пунта, полицейским управлением и приступили к захвату почты и телеграфа, административных учреждений, аэропорта и др. Отряд солдат был послан в провинцию Камагуэй на случай возможного сопротивления.

Прио Сокаррас обратился к народу с воззванием, призывающим поддержать правительство. Но когда представители студенческих организаций явились в президентский дворец за оружием, им его не дали. В первые часы после переворота большинство гражданских и военных властей на местах сохраняли верность правительству. Однако ни президент (бежавший из дворца, как только

к нему приблизились танки заговорщиков), ни лидеры буржуазных партий даже не попытались организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления, и в течение 10 марта почти все вооруженные силы перешли на сторону мятежников. Президент, нашедший убежище в мексиканском посольстве, повел оттуда переговоры с Батистой о возвращении ему сейфа с деньгами и драгоценностями, впопыхах оставленного в президентском дворце. Получив этот сейф, Прио Сокаррас немедленно покинул Кубу.

Народ не поддерживал Прио. Рабочий класс был расколот и дезориентирован Мухалем и другими реформистскими вожаками, захватившими с помощью «аутентиков» руководство в КГК. Кроме того, у значительной части населения сохранялись еще определенные иллюзии относительно Батисты, которого помнили как либерального президента военных лет, сторонника демократической конституции 1940 г. Лидеров буржуазных партий и некоторых военных, привыкших всегда оглядываться на США, смущала позиция американского посольства.

События 10 марта 1952 г. еще ждут своего исследователя, и многие документы, которые могли бы пролить свет на некоторые детали переворота, пока еще хранятся за семью замками. Но печать не могла не обратить внимания на частые контакты некоторых офицеров-заговорщиков с представителями посольства и офицерами военной миссии США на Кубе, а также на «случайное» появление у кубинских берегов в день переворота довольно крупных военно-морских сил США. Американская газета «Майами Геральд» прямо называла в качестве одного из организаторов переворота посла США в Гаване У. Болока. А орган американского «большого бизнеса» еженедельник «Бэрронс» писал: «Переворот Батисты на Кубе — приятное зрелище для сахарных магнатов... Не секрет, что сахарные магнаты довольны последними событиями. Они знали Батисту раньше».

Поговаривали также об участии в заговоре американца по фамилии Честер, и спустя семь лет, на процессе группы военных и гражданских лиц, участвовавших в перевороте 10 марта, один из свидетелей представил Высшему военному трибуналу доказательства того, что участник переворота полковник Акилино Герра действовал по согласованию с американцем Честером.

О благосклонной позиции Вашингтона к перевороту в Гаване сообщала в те дни печать многих стран. Так, по словам гаванского корреспондента мадридской газеты «Арриба», Батиста пользовался «поддержкой экономических и военных кругов Соединенных Штатов, которые видят в нем сильного человека... способного гарантировать выполнение обязательств и удовлетворение американских военных требований в районе Карибского бассейна».

Сформировав вечером 10 марта правительство и «приняв» на себя функции его главы, Батиста обратился к народу с заявлением, в котором говорилось: «Вместо бойни я предлагаю мир; вместо крови — любовь, вместо лжи — искренность». Он обещал кубинцам «безопасность», «справедливые и честные выборы», а Соединенным Штатам — соблюдение всех, заключенных Кубой договоров, в том числе и двустороннего военного соглашения, подписанного накануне переворота правительством Прио Сокарраса. Кроме того, Батиста, как сообщила газета «Нью-Йорк Таймс», заверил Вашингтон, что в случае войны с СССР Куба будет воевать на стороне США и обещал гарантировать американским капиталовложениям надежную защиту со стороны нового правительства. 21 марта его правительство осуществило провокационный разрыв отношений между Кубой и СССР и после этого было признано США, а в начале апреля Батиста объявил себя «временным президентом» республики.

Единственной политической партией, сразу же решительно выступившей против Батисты, была НСП. 13 марта она опубликовала заявление о том, что переворот является составной частью американской политики насаждения в Латинской Америке диктаторских режимов, призванных задуть там движение за мир, демократию и национальный суверенитет и упрочить господство монополий США. НСП выдвинула конкретную программу борьбы за восстановление конституционного режима.

Оказавшись у власти, Батиста постарался оправдать доверие своих покровителей — американских монополий, сахарозаводчиков, крупных торговцев-импортеров, банкиров, помещиков-латифундистов. Он разогнал конгресс, заменив его «Консультативным советом» из своих сторонников, назначил новых губернаторов провинций и мэров, отменил конституцию 1940 г., заменив ее «Конституцион-

ным статутом», наделявшим главу государства диктаторскими полномочиями и давшим ему право в любой момент отменять конституционные гарантии. Были усилены имевшиеся уже антирабочие и антидемократические законы, ограничены гражданские свободы. Выборы, которые должны были состояться в 1952 г., были перенесены на 1953 г., а затем — на 1954 г. Полиция разгромила помещения нескольких провинциальных комитетов НСП и арестовала их руководителей. В августе 1952 г. при попустительстве полиции был совершен разгром помещения Кубино-советского института культурных связей.

В июне 1953 г., воспользовавшись неудачной попыткой группы революционной молодежи во главе с молодым адвокатом Ф. Кастро овладеть казармами «Монкада» в г. Сантьяго-де-Куба, Батиста отменил на 90 дней конституционные гарантии, объявил вне закона НСП, отдал приказ об аресте ее руководителей и закрытии ее газет. В августе 1953 г. был издан «Закон о безопасности и общественном порядке», на основании которого сотни видных деятелей и активистов рабочего движения были брошены в тюрьмы, а затем предстали перед судом.

В сентябре 1953 г. Батиста заявил, что он всегда помнит о решениях относительно борьбы с коммунизмом, принятых на межамериканской конференции 1948 г. в г. Боготе и совещании министров иностранных дел американских стран 1951 г. в Вашингтоне. «Мы можем усилить эти меры, — сказал он, — и мы стремимся к этому». В ноябре 1953 г. был издан фашистского характера «Закон о запрещении коммунистической деятельности», направленный не только против НСП, но и против комитетов сторонников мира, женских, молодежных и других прогрессивных организаций. Была также создана специальная комиссия, подобная существующей в США Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Для осуществления указанных законов была создана целая система сыскных и карательных органов: Бюро по подавлению коммунистической деятельности, Служба военной разведки, Служба армейской и национальной разведки, Бюро политической разведки и т. д. Все они работали под контролем ЦРУ и ФБР США. Кроме того, в системе кубинских репрессивных органов находилось около тысячи американских агентов. После победы рево-

люции в архивах этих органов были обнаружены документы, свидетельствующие об участии Вашингтона и посольства США в Гаване в руководстве репрессивным аппаратом Батисты. В январе 1959 г. газета «Революсьон» опубликовала фотокопии удостоверений, выданных Кубинской службой военной разведки пяти сотрудникам американского посольства.

Профсоюзы и КТК были сохранены, но во главе их оказалась кучка профгангстеров, возглавляемая Э. Мухалем, перебежавшим на сторону Батисты. Мухаль превратил профсоюзный аппарат в надсмотрщиков над рабочими, сознание которых систематически отравлялось идеологией антикоммунизма.

Для того чтобы придать своему правлению хотя бы видимость «законности», Батиста назначил в 1954 г. президентские выборы. Партии правительственного блока («Объединенное прогрессивное действие», «Объединенная радикальная», либеральная и др.) выдвинули своим кандидатом Батисту, ушедшего в августе в отставку со своих постов. От буржуазной оппозиции была выдвинута кандидатура Грау Сан Мартина. Избирательная кампания проходила в обстановке насилия, шантажа и разнузданной антикоммунистической клеветы. Тем не менее предварительный опрос показал, что большинство избирателей намерены голосовать против Батисты. Тогда в дело вмешались его «ангелы-хранители»: представитель посольства США встретился с Грау Сан Мартином и «посоветовал» ему снять свою кандидатуру, что тот и сделал за день до выборов, обвинив правительство в мошенничестве. Тогда же были произведены массовые аресты «опасных элементов». В день выборов двадцать тысяч солдат заняли «стратегические позиции» на избирательных участках. В выборах единственного кандидата участвовало всего 30 % избирателей. Однако Батиста еще до того, как был закончен подсчет голосов, заявил, что «голосовало 70 % избирателей и из них 60 % голосовало за меня». Избирательной комиссии не оставалось ничего, как сообщить, что результаты подсчета подтвердили этот «прогноз» и объявить Батисту избранным.

Кубинская общественность оценила выборы, состоявшиеся 1 ноября 1954 г., как «самые мошеннические во всей истории Кубы». Однако посол США в Гаване Артур Гарднер, грубо вмешавшись во внутренние дела страны,

объявил их «действительными и честными», поздравил Батисту с победой и «предсказал», что на «ближайшие четыре года в стране воцарится спокойствие».

Так с помощью штыков, полицейских дубинок и посольства США старый палач Кубы, генерал Фульхенсио Батиста-и-Салдивар вновь стал ее «законным» президентом. В феврале 1955 г., официально вступив на пост президента, он объявил о восстановлении конституции 1940 г. и амнистии. Под давлением общественности были освобождены, в частности, герои штурма казарм «Монкада». Но это мало что изменило. Наоборот, полицейский террор с каждым годом усиливался, конституционные гарантии отменялись все чаще.

Внешняя политика нового режима так же, как и внутренняя, целиком определялась Вашингтоном. Это подтвердил впоследствии не кто иной, как сам Батиста, заявивший в апреле 1959 г. в беседе с корреспондентом американской газеты: «Я порвал отношения с Россией, как вы того от меня хотели. Я запретил коммунистическую партию».

В соответствии с условиями двустороннего соглашения с США Батиста подписал с ними соглашение о военных поставках и пригласил новую американскую военную миссию. Американские офицеры установили контроль над военными объектами и вооруженными силами страны, которые под предлогом мнимой «обороны острова» готовились для борьбы против народа. «Эти миссии, — сообщало латиноамериканское агентство Пренса Континенталь, — инспектируют армию, флот, полицию, сахарную промышленность; они интересуются посевами кенафа и даже тем, что кубинцы употребляют в пищу, а что не употребляют». Даже мундиры для солдат кубинской армии были извлечены из американских запасов времен второй мировой войны.

В ООН и ОАГ кубинская дипломатия неизменно следовала в фарватере вашингтонской. Были установлены тесные отношения с диктаторскими режимами Сомосы в Никарагуа, Трухильо в Доминиканской республике, Одриа в Перу и т. д.

Война в Корее привела к росту мировых цен на сахар. Производство его на Кубе достигло в 1952 г. рекордного уровня — 7 млн. т. Приток золота в страну увеличился, улучшилось ее экономическое положение. Это создавало благоприятные условия для повышения жиз-

пенного уровня народа. Однако экономическая политика правительства Батисты служила интересам его хозяев — американских монополий и местной буржуазно-помещичьей верхушки, а не трудящихся. В годы его правления были устранены все преграды для иностранных вкладчиков капитала: правительство отменило двухпроцентный налог на вывозимые ими прибыли и освободило их от ряда важных статей налогообложения, предоставило выгодные концессии.

Так, «Стандард ойл» было дано право разработки всех месторождений нефти на острове. Компании «Фрипорт салфэр» и «Моа Бэй» получили новые концессии на разработку никелевых руд, причем одним из главных акционеров последней был посол США в Гаване Эрл Смит, а декрет об этой концессии был отредактирован в здании посольства. Обе компании были освобождены от всяких налогов и пользовались другими льготами. «Кьюбэн телефон компани» (филиал «Америкэн телефон энд телеграф корпорэйшн») было разрешено повысить тарифы за пользование телефоном более чем на 100%. «Кьюбэн электрик компани» (филиал «Америкэн энд фори пауэр корпорэйшн») ухитрилась даже получить от кубинского правительства субсидию в 12 млн. песо, хотя на долю этой богатейшей монополии приходилась почти четверть всех инвестиций США на Кубе. Американская скотоводческая компания «Кинг рэнч» получила в концессию 13,5 тыс. га плодородной земли, с которой было согнано двести пятьдесят обрабатывавших ее крестьянских семей.

Американские монополии по-прежнему контролировали сахарную промышленность — основу кубинской экономики, на долю которой приходилось $\frac{3}{5}$ всей обрабатываемой земли, $\frac{4}{5}$ экспорта и почти треть национального дохода. Американцам принадлежали 36 наиболее крупных и современных сентралья (из 161), производившие около 40% всей продукции сахара-сырца. Такие компании, как «Кьюбэн атлантик шугар» (владевшая 248 тыс. га), «Кьюбэн америкэн шугар» (146 тыс. га), «Америкэн рифайнинг шугар» (137 тыс. га) или «Юнайтед фрут» (109 тыс. га), были довольны приходом к власти «сильного человека» на острове, где две трети крестьян своей земли вообще не имели, а 62 тыс. бедняцких хозяйств владели всего 297 тыс. га. Среди лиц, не-

посредственно заинтересованных в «сахарном бизнесе» на Кубе, газеты называли государственного секретаря США Д. Ф. Даллеса и его брата — главу ЦРУ Аллена Даллеса.

Мрачный период диктатуры Батисты стал подлинной «эрой процветания» для американских монополий: барыши их были выше, чем когда-либо в истории Кубы и составляли обычно от 20 до 40 %, а иногда, как, например, у «Кьюбэн электрик компани» в 1954 г. — 65 %. Достаточно сказать, что чистая прибыль восьми крупнейших американских сахарных компаний за последние четыре года правления Батисты оказалась равна объему всех их капиталовложений. В целом за семь лет правления Батисты монополии США вывезли с Кубы не менее 800 млн. долл. чистой прибыли, не считая процентов по займам и других операций (т. е. вдвое больше, чем они туда вложили!).

За это время на Кубе развернули свою деятельность свыше двухсот новых американских компаний. «С вашим Батистой можно делать дела», — заявил как-то в порыве откровенности один из американских бизнесменов. И если в 1946 г. прямые частные инвестиции США составляли здесь 533 млн. долл., а в 1950 г. — 646 млн. долл., то в 1958 г. они достигли миллиарда долларов. «Этот миллиард долларов, — пишет президент кубинской Академии наук А. Нуньес Хименес, — обеспечивал американским монополиям господствующее положение в экономике страны. Лучшие плодороднейшие земли, самые богатые пастбища находились в руках американцев. Самые доходные сахарные заводы, самые крупные рудники по добыче железа, никеля, кобальта, марганца, меди находились в руках американцев. Предприятия общественного пользования, представляющие наиболее прибыльное помещение капиталов и насущно необходимые для экономического развития страны, были захвачены международными трестами, владеющими электростанциями и телефонными линиями».

Вплоть до победы народной революции американский капитал контролировал ключевые позиции в хозяйстве Кубы.

В Вашингтоне и банковских конторах на Уолл-стрит были довольны. Американская пропаганда рекламировала кубинского диктатора как «выдающуюся» личность,

Р. Х. Филлис, представлявшая в Гаване газету «Нью-Йорк Таймс» и покоренная «обходительностью» Батисты, называла его «симпатиком» и писала: «Он очаровывал посетителей, особенно американских. И даже его враги должны были признать, что бывший сержант был выдающимся лицом на Кубе». Эдмунд А. Честер, возглавлявший гаванское бюро агентства Ассошиэйтед Пресс, а теперь ставший советником Батисты, утверждал, что последний отличается интеллигентностью, искренностью и мужеством, что он прирожденный лидер и превосходный стратег; что хотя он и захватил дважды власть насильственным путем, он оба раза — в сентябре 1933 г. и марте 1952 г. — «оказал на страну стабилизирующее влияние».

Посетивший Кубу в 1954 г. вице-президент США Р. Никсон назвал Батисту надежным «защитником принципов свободы и демократии», а посол США А. Гарднер не постеснялся публично заявить, что «из всех правителей Кубы Батиста является единственным честным человеком». «Американский посол, — отмечал кубинский консервативный журнал «Боэмия», — выразил свое восхищение политикой Батисты. Торговцы и американские вкладчики капитала довольны. «Мы молимся денно и ночью, чтобы с Батистой ничего не случилось», — говорят они».

По принципу «рука руку моет» хозяева не мешали обогащаться своему протекже за счет кубинского народа и его достояния. Как показали материалы проведенного в 1959 г. расследования, Батиста и его приспешники не упускали случая пополнить свои карманы. За предоставление концессий или разрешение на создание новых компаний Батиста получал 50% акций. Он стал акционером сорока компаний. За крупные взятки всякого рода дельцы и фирмы получали «право» расхищать богатства страны и грабить население. Так, повышение тарифов телефонной компанией было разрешено ей за взятку в 3 млн долл. и ценный подарок — литой телефонный аппарат из золота, преподнесенный Батисте. Одна из фирм подарила ему даже... серебряный ночной горшок. «...Здесь вряд ли были заключены хоть одна сделка, контракт или соглашение о концессии без того, чтобы Батиста и окружающие его лица не получили невероятно большой доли уплаченной суммы...», — писал в связи с этим в январе 1959 г. американский еженедельник «Нэйшн».

Роскошные подарки, взятки, проценты со всякого рода сделок рекой текли в сейфы диктатора. Бывший сержант стал одним из богатейших людей Латинской Америки, и многие миллионеры, по словам французской газеты «Пари матч», чувствовали себя смущенно при виде окружавшей его роскоши. Точно никто не мог назвать размеры его состояния. Говорили о двухстах, трехстах и даже четырехстах миллионах долларов. Но подлинная цифра неизвестна и по сей день.

От диктатора не отставали и его министры, переводившие на свои счета в банках сотни тысяч долларов при жалованье в 10 тыс. долл. в год. Обогащались и более мелкие приспешники режима, в том числе из так называемых рабочих лидеров. В годы диктатуры руководство КТК и крупнейшими профсоюзами оказалось в руках кучки предателей во главе с Э. Мухалем. Реакционные профсоюзные вожаки стали одной из опор режима Батисты и открыто сотрудничали с ним. Являясь послушными исполнителями воли диктатора, помогая ему удерживать власть и пользуясь его поддержкой, они, не стесняясь, расхищали профсоюзные средства. Эусебио Мухаль, например, приобрел целый центральный район стоимостью в 8 млн. песо в провинции Пинар-дель-Рио, молочные фермы, предприятия по производству спирта и т. д.

Хозяинчастье Батисты и его клики дорого обошлось кубинскому народу. В угоду монополиям, желавшим сохранить баснословные прибыли военного времени, Куба уже в 1952 г. вынуждена была оставить на складах около четверти своей продукции сахара. А в 1953 г. ей пришлось на 26% сократить его производство. В поисках выхода из положения кубинское правительство заключило в 1955 г. выгодное соглашение с Советским Союзом о закупке им 441 тыс. т сахара. Оно помогло Кубе справиться с трудностями и произвело большое впечатление на ее общественность. «Благодаря закупкам Советов, — заявил тогда кубинский комментатор Николас Браво, — наша сахарная промышленность в этом сезоне была спасена... Я всегда был твердым антикоммунистом, но идеология — одно, а материальные нужды страны — другое... В связи с этим было бы в высшей степени выгодно для нас восстановить дипломатические отношения с Москвой».

Однако в 1956 г. США вновь сократили квоту на ввоз сахара, что привело к падению цены на него, сокращению

национального дохода и тяжелому кризису экономики Кубы. И снова Советский Союз пришел на помощь кубинскому народу, закупив в 1957 г. у Кубы 351 тыс. т сахара, а в 1958 г. — около 200 тыс. т сахара.

Внешняя торговля Кубы по-прежнему была подчинена интересам монополий США. Если в 1933 г. на долю США приходилось 54 %, а в 1936 г. — 64 % кубинского импорта, то в 1955 г. — 74 %. Сальдо кубино-американской торговли всегда было отрицательным для Кубы. Только с 1951 по 1957 г. дефицит составил 416 млн. песо. Новый торговый договор между Кубой и США, подписанный в 1957 г., так же как и предыдущий, был продиктован Вашингтоном. В результате завышения американскими монополиями цен на свои товары и занижения цен на кубинскую продукцию только на неэквивалентном обмене Куба за десять лет — с 1950 по 1959 г. — потеряла 1 млрд. долл.

Но, кроме того, монополии США, стараясь сохранить Кубу в качестве рынка сбыта своих промышленных товаров, душили многие отрасли национальной промышленности. Увеличив ввоз в страну дешевых текстильных, табачных и других изделий, конкурирующих с местными, они вызвали острый кризис и банкротство десятков предприятий в текстильной, табачной, обувной и других отраслях промышленности.

Наконец, чудовищные масштабы приняла коррупция — продажные правители разворовали государственную казну. В конце 1958 г. золотые запасы Кубы исчислялись в 373 млн. долл., но фактически составляли лишь 61 млн долл., ибо 312 млн. долл. находились в залоге под займы. Государственный долг за время правления Батисты вырос в пять раз — с 200 млн. до 1 млрд. долл.

Господство монополий США в экономике и политике сопровождалось американским вторжением в область культуры. Идеологическая экспансия осуществлялась широким фронтом. «... Иностранное влияние через посредство всех видов пропаганды, через посредство печати, журналов, сообщений, реклам, кинофильмов, книг было таким сильным, — говорил Ф. Кастро, — что черты кубинского национального характера были почти стерты, и кубинцы были уже бессильны противостоять этому». Даже национальные обычаи, моды, вкусы не избежали американизации. На улицах, в магазинах, учреждениях, в среде

имущих классов был в почете американский жаргон. На многие кубинские товары с целью гарантировать их сбыт ставилась американская торговая марка. Все это способствовало распространению проамериканской идеологии, психологии подчинения, зависимости, моральному разложению определенных слоев населения. На Кубе при режиме Батисты пышным цветом расцвели игорные дома и проституция.

Среди многих обязательств перед Вашингтоном, оставшихся Батисте в наследство от правительства Прио Сокарраса, было проведение в жизнь упоминавшегося выше «плана Траслоу» или «плана реорганизации кубинской экономики», предусматривавшего пересмотр социального законодательства, снижение зарплаты, усиление «интенсификации труда» путем внедрения потогонной системы и снижения зарплаты и целый ряд других мер, направленных на увеличение прибылей сахарных и других компаний за счет усиления эксплуатации трудящихся.

Осуществление в угоду американским монополиям «плана Траслоу» увеличило безработицу и ощутимо отразилось на уровне жизни трудящихся, особенно рабочих. Только с 1952 по 1955 г. общая сумма заработной платы, выплаченная рабочим сахарной промышленности, сократилась на 143 млн. песо. В целом же за годы диктатуры Батисты заработная плата рабочего класса сократилась на 25%. Число полностью безработных в 1957 г. достигло 360 тыс. чел.; 150 тыс. работали сезонно и еще 150 тыс. представляли собой домашнюю прислугу и кочующих рабочих, нанимавшихся за стол и ночлег.

О том, как все это отражалось на условиях жизни и здоровье трудящихся, свидетельствуют данные, опубликованные в 1958 г. Университетским католическим объединением. Согласно этим данным, 91% сельскохозяйственных рабочих и крестьян страдали от истощения в результате недостаточного питания. Лишь 4% из них употребляли в пищу мясо, 2% — яйца, 11% — молоко. 14% были больны туберкулезом, 13% — брюшным тифом, 31% — тропической лихорадкой. 42% жилищ в стране было признано ветхими, а 15% — непригодными для жилья. В сельских населенных пунктах $\frac{3}{4}$ жилищ почти не отличались от хижин индейцев времен Колумба. 90% крестьянских домов не знало электрического освещения, не говоря уже о водопроводе. 44% сельского населения пи-

когда не посещало школу и лишь 11% — окончило три класса начальной школы.

В городах многие трудящиеся жили не лучше. Не случайно на окраинах Гаваны, Сантьяго и других городов выросли кварталы жалких лачуг, построенных из старых ящиков, обрезков жести, картона, тряпья. Жизнь миллионов простых кубинцев была очень далека от показного блеска, которым встречала иностранных туристов Гавана с ее фешенебельными отелями и почными клубами, роскошными проспектами и аллеями.

Пожалуй, едва ли найдется более уничтожающая характеристика результатов политики США в 1950-х гг. на Кубе, чем та, которую дал за месяц до того, как его сразила пуля убийцы в Далласе президент Соединенных Штатов Д. Кеннеди. «Я думаю, — заявил он в интервью французскому журналисту Ж. Даниэлю, — что во всем мире не пайдется страны, включая все районы Африки, включая любую страну, находящуюся под колониальным господством, где бы экономическая колонизация, унижения и эксплуатация были ужаснее, чем все то, что перенесла Куба в результате политики моей страны при режиме Батисты... Я могу вам сказать, что понимаю кубинцев... Скажу вам еще одну вещь: в известной мере Батиста как бы унаследовал некоторые грехи Соединенных Штатов. Теперь нам приходится расплачиваться за них».

Нищета, безработица, постоянный рост дороговизны, полное подчинение страны иностранному капиталу и ликвидация социальных завоеваний, добытых многолетней борьбой, вызывали растущее возмущение и сопротивление народных масс. Чувствуя себя как на вулкане, правящая клика зверски расправлялась с малейшей попыткой оппозиции, превратив Кубу в царство террора и кровавых репрессий. Конституционные гарантии большей частью были отменены, свобода слова и собраний ликвидирована, печать, радио и телевидение поставлены под строжайший контроль цензуры. По малейшему подозрению полиция хватала людей и бросала в тюрьмы, где их подвергали жестоким пыткам. По меткому выражению одной из мексиканских газет, Куба напоминала «тюремный лагерь, где штыки приставлены к горлу граждан».

Батиста — ставленник империалистических монополий и местных латифундистов и дельцов — захватил и удерживал власть при помощи насилия. Режим, установлен-

ный им, носил характер тирании, а социальная база его была крайне узка и с каждым годом сужалась еще больше. Батиста правил, опираясь на прямую поддержку империализма США, на кастовую, оторванную от народа армию, руководимую реакционным офицерством, на полицейско-бюрократический аппарат, на банды гангстеров и убийц. Даже в числе его личных телохранителей был известный гаванский гангстер Эваристо Венерео.

Диктатор и его подручные пытались оправдать свои действия ссылками на «борьбу с коммунизмом». Однако фальшивый характер этого предлога вскрыл еженедельник «Боэмия», писавший, что правительство «считает коммунистом... любого, кто в той или иной форме выражает свое несогласие с нынешним положением. Коммунистами называют всех, кто... побуждает рабочих сахарной промышленности к забастовкам, протестует против злоупотреблений и эксплуатации, открыто выражает недовольство экономической политикой нынешнего правительства... всякого, кто разоблачает подчинение нашей страны иностранному большому бизнесу».

Террор на острове особенно усилился с 1956 г. Не только тюрьмы и полицейские участки, но даже улицы городов и сел стали ареной массовых убийств и пыток. Забастовки подавлялись солдатами, студенческие демонстрации расстреливались из пулеметов. Собираться на улице более чем двум человекам было запрещено. Обычным явлением стало убийство политических противников из-за угла, и по утрам жители нередко находили у своих домов трупы людей.

Конец 1956 г. ознаменовался событиями, вошедшими в историю страны, как «кровавое рождество». В ночь с 25 на 26 декабря, в один и тот же час, в разных городах северного побережья провинции Ориенте были схвачены в своих домах и тогда же убиты 22 профсоюзных деятеля. Тела их были буквально изрешечены пулями. Семеро из них были коммунистами, остальные членами Революционной и Народной партий. Убийства профсоюзных деятелей продолжались затем 2, 15, 17 января и в феврале 1957 г. Всего за шесть недель было убито более 60 человек.

15 октября 1958 г. издававшаяся подпольно газета «Карта семаналь», описывая зверства охраны Батисты, сообщала: «С понедельника 29 сентября до воскресенья 5 октября улицы Гаваны были залиты кровью более

тридцати граждан, зверски убитых палачами тирана. Только за одно утро на улице Нуэва дель Пилар и Клавель было обнаружено шесть трупов. Трупы были найдены на «шоссе 10 октября». Два трупа обнаружили в Марианао и два на проспекте Акоста и Майя Родригес... Трое мертвых юношей были брошены на перекрестке железнодорожной линии Ла Виа Бланка. На следующий день был убит еще один юноша, и его труп брошен в парке Фигероа и Сан Мариано... Этот список бесконечен, так как почти нет такого утра, когда бы не были обнаружены трупы кубинцев, убитых преступными агентами тирании... Одни трупы изрешечены пулями, на других видны следы садистских пыток. Часть людей умерли от побоев, другие были кастрированы и истекли кровью. Причем авторы этих зверств проявляют неслыханную жестокость, они оставляют лежать трупы для показа в течение многих часов, запрещая жителям убирать их».

Хотя кубинская буржуазная пресса вынуждена была хранить глубокое молчание, а иностранные корреспонденты, пытавшиеся собрать материалы об этих расправах, подвергались грубому насилию со стороны полиции, факты о них стали известны и вызвали возмущение мировой общественности. В Нью-Йорке и других городах США состоялись демонстрации протеста, участники которых требовали прекратить массовое истребление гражданского населения на Кубе. «Батистовский режим... — заявил в конгрессе США сенатор Морзе, — жестокий режим, типичный для фашистского полицейского государства. Этот режим повинен в совершении многих жестокостей в отношении кубинского народа и в развязывании свирепого террора».

Страшен и длинен список замученных и убитых палачами Батисты. По подсчетам, сделанным еженедельником «Бозмня» в январе 1959 г., этот список насчитывает не менее двадцати тысяч, по некоторым другим подсчетам, даже двадцати двух тысяч человек, в большинстве своем молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет!..

Но никакие преследования и репрессии не смогли остановить борьбу кубинского народа против диктаторского режима и гнета империализма. Первым поднял знамя борьбы рабочий класс. Забастовочное движение, несмотря на террор, не прекращалось в течение всех лет

кровавого правления Батисты. В 1952, 1953, 1954 гг. бастовали рабочие сахарной и табачной промышленности, текстильщики. На ряде централей имели место крупные столкновения бастующих с полицией и войсками. 1955 год начался стачками железнодорожников и рабочих централей «Эстрелья», «Чапарра» и «Делисиас», а закончился массовыми студенческими демонстрациями и столкновениями с полицией в ноябре и всеобщей забастовкой в сахарной промышленности в декабре. Забастовка охватила четыре из шести провинций страны. Бастующих поддерживали рабочие других отраслей промышленности и транспорта, мелкие торговцы и ремесленники, студенты. В 60 из 126 муниципий Кубы жители в знак солидарности с рабочими сахарной промышленности объявили свои населенные пункты «мертвыми городами», где замерла вся промышленная и деловая деятельность, прекратилась торговля и работа транспорта, зрелищных предприятий и учебных заведений. В Гаване состоялась общая десятиминутная забастовка солидарности. В большинстве портов рабочие прекратили погрузку сахара. На митингах и демонстрациях наряду с экономическими требованиями выдвигались и политические: уважение демократических прав, восстановление гражданских свобод, ликвидация режима диктатуры. Власти снова бросили против народа полицию и войска, но вынуждены были пойти на уступки. Лишь после этого забастовка 31 декабря прекратилась.

В первой половине 1956 г. бастовали рабочие табачной промышленности в провинции Лас-Вильяс, а также рабочие многих сахарных централей. Конец 1956 г. ознаменовался восстанием и уличными боями с полицией в г. Сантьяго и крупной забастовкой рабочих сахарных предприятий на севере провинции Ориенте в день похорон жертв «кровавого рождества».

Вслед за рабочим классом в борьбу включилось крестьянство. Национальная крестьянская ассоциация требовала проведения аграрной реформы и передачи земли в руки крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Крестьяне неоднократно выступали совместно с рабочими плантаций. В декабре 1955 г. во время всеобщей забастовки в сахарной промышленности крестьянская ассоциация оказала рабочим помощь продовольствием и организацией забастовок солидарности.

Важную роль в движении против диктатуры сыграли прогрессивно настроенные круги мелкобуржуазной интеллигенции, торговцев и ремесленников, студенчества.

В авангарде борьбы народных масс шли коммунисты. В тяжелых условиях подполья и кровавого террора они вели самоотверженную, полную опасностей борьбу по организации и сплочению разобщенных сил сопротивления. Отсутствие единства сил, боровшихся против диктатуры, было одной из главных причин, позволивших Батисте столь длительное время удерживаться у власти. Поэтому НСП неустанно призывала все патриотические силы объединиться в Национально-демократический фронт рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии и выступающей против империализма национальной буржуазии, который бы привел народ к освобождению от навязанного империализмом и местной реакцией режима. Коммунисты выдвинули конкретную программу деятельности фронта национального единства и настойчиво боролись за осуществление такого единства.

Куба в огне

Постепенно в стране сложилась широкая оппозиция, включавшая представителей демократических сил и представителей национальной буржуазии, требующей независимого экономического развития страны, а также некоторые консервативные политические элементы, занимавшие ранее примирительную позицию в отношении правительства. Против антинародного режима выступил даже архиепископ г. Сантьяго Перес Салинас.

В такой обстановке произошло событие, положившее начало важному этапу борьбы кубинского народа за свободу и демократию. Глубокой ночью 2 декабря 1956 г. к побережью провинции Ориенте подошла шхуна «Гранма», с которой под покровом темноты на берег высадились 82 молодых кубинца, прибывших из Мексики, чтобы положить начало освобождению своей страны. Группой смельчаков командовал Фидель Кастро. Имя его к этому времени было уже известно на Кубе: он был одним из организаторов и участников нападения на казармы «Монкада» 26 июля 1953 г. Вместе с другими, оставшимися в живых участниками штурма «Монкада», Ф. Кастро и его брат Рауль были приговорены ко многим

годам тюрьмы. Но в 1955 г. они были амнистированы и, уехав в Мексику, приступили там к нелегальной организации отряда эмигрантов для освобождения своей родины. Сторонники Фиделя Кастро создали подпольные организации и на Кубе, позже объединившиеся в «Движение 26 июля».

Ищейки Батисты с помощью американского посла в Мексике Р. С. Хилла установили слежку за братьями Кастро и их друзьями. Хилл (как он сам поведал об этом в июне 1961 г., выступая перед юридической комиссией сената США) регулярно информировал Вашингтон об «опасной деятельности» Ф. Кастро в Мексике, не раз пускал по его следу мексиканскую полицию и серьезно затруднил подготовку экспедиции. Но сорвать ее ему не удалось.

Однако кубинские власти узнали о намеченной высадке патриотов и подготовили засаду. В тяжелом бою с регулярными войсками многие были убиты. Уцелевшие от разгрома два десятка патриотов, в том числе братья Кастро, собрались в условленном месте в горах Сьерра-Маэстра. Эта горсточка храбрецов, к которой вскоре начали стекаться крестьяне близлежащих районов, составила ядро повстанческого движения, охватившего сначала провинцию Ориенте, а затем весь остров. Искра, заброшенная в горы Сьерра-Маэстра, постепенно разгорелась в пламя народного восстания.

Силы повстанцев быстро росли. По призыву Народно-социалистической партии, первой — и долгое время единственной — партии, публично выступившей уже 6 декабря 1956 г. с манифестом в защиту Фиделя Кастро и его товарищей, в горы Сьерра-Маэстра потянулись десятки обездоленных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Оружие добывалось при помощи налетов на полицейские участки и мелкие гарнизоны правительственных войск.

Правительство, объявившее, было, об «уничтожении» повстанцев, вынуждено было послать против них отборные части, обученные американскими инструкторами, вооруженные американским оружием и переброшенные в Сьерра-Маэстра на американских самолетах. В середине февраля 1957 г. к берегам Кубы подошел американский авианосец в сопровождении четырех эсминцев. Тогда же состоялась торжественная передача послом США А. Гард-

нером семи танков и другого оружия кубинским вооруженным силам. Все это должно было продемонстрировать поддержку Батисты Вашингтоном.

Посол Гарднер, игравший немалую роль в определении курса кубинской политики государственного департамента, был тесно связан с телефонной и другими американскими компаниями, хозяйничавшими на Кубе. Даже по мнению органа монополистов «Бизнес уик» посол «устраивал слишком много приемов в честь Батисты и слишком часто фотографировался с ним». Гарднер, замечает американский историк Р. Смит, «оказывал ему поддержку с таким энтузиазмом, что это даже затрудняло Батисту».

Другой американский историк — П. Баран — приводит высказывание Д. Кеннеди, который в беседе с Р. Никсоном сообщил, что когда он посетил в 1957 г. Гавану, американский посол на Кубе похвалился, сказав, что он, посол США, «был вторым по влиянию лицом на Кубе». Все это, по словам П. Барана, привело к тому, что антиамериканские настроения были присущи не только рабочим и крестьянам, но и представителям средней и крупной буржуазии, которые также чувствовали себя второразрядными гражданами в собственной стране. Глубокое сознание необходимости политических перемен в стране привело к нейтрализации значительной части средней буржуазии, и это обстоятельство, по мнению Барана, сыграло немалую роль в победе революции.

Газета «Нью-Йорк Таймс» в конце февраля 1957 г. с беспокойством сообщала о растущих антиамериканских настроениях на Кубе: «Вызывает тревогу тот факт, что оппозиция настроена антиамерикански. По мнению представителей оппозиции, поддержка, оказываемая Вашингтоном, особенно усложняет проблему. Американский посол публично выступает за генерала Батисту. Поддерживают его и вкладчики капитала. Продажа кубинскому правительству американского оружия вызвала резкую критику на Кубе и в других латиноамериканских странах. Все кубинцы расценивают этот факт, как стремление Соединенных Штатов укрепить режим Батисты в ущерб кубинскому народу».

Между тем с весны 1957 г. стало заметно усиливаться освободительное движение в остальных провинциях страны, где оно приняло форму «гражданского сопротив-

ления»: забастовок, демонстраций, актов саботажа на государственных и принадлежавших американским компаниям предприятиях, уличных столкновений с полицией, а иногда и вооруженных выступлений. То в одном, то в другом месте вспыхивали студенческие волнения и демонстрации, выступления крестьян, протестовавших против сгона их с земли, происходили взрывы и диверсии на железных дорогах, линиях связи, электростанциях.

В этой обстановке демонстративная поддержка диктатора послом Гарднером вызвала критику со стороны влиятельных кругов в правящей верхушке США, опасавшихся, что это может привести к «излишним осложнениям» в случае свержения Батисты. Критика действий Гарднера наряду с ростом антиамериканских настроений даже в «средних слоях» на Кубе привели к отставке Гарднера и замене его в мае 1957 г. новым послом — Эрлом Смитом.

Э. Смит, крупный бизнесмен и протеже президента Эйзенхауэра, тесно связанный с действовавшими на Кубе американскими горнорудными компаниями, получил инструкции воздерживаться от открытой поддержки Батисты. Однако политика «нейтралитета», провозглашенная государственным секретарем Д. Ф. Даллесом, так же, как провозглашенная в начале 30-х годов Гувером и Г. Стимсоном политика «руки прочь», отнюдь не означала радикального изменения в подходе Вашингтона к освободительному движению на Кубе и прекращения вмешательства в кубинские дела. Эта политика преследовала задачу успокоить общественное мнение на Кубе и в других странах Латинской Америки, возмущенное бесцеремонным вмешательством Гарднера, и попытаться спасти Батисту от краха, а если это не удастся, то вовремя найти ему замену.

В отличие от своего предшественника Смит старался применять более изощренные методы, способные ввести общественное мнение в заблуждение. Так, попав вскоре после приезда на Кубу в г. Сантьяго и оказавшись там случайным свидетелем кровавой расправы полиции с демонстрацией женщин, он выразил «сожаление по поводу крайностей» и осудил действия полиции. Батиста заявил протест против этого беспрецедентного в истории кубино-американских отношений поведения посла. Однако Даллес взял Смита под свою защиту, так как Вашингтон был

зайнтересован в смягчении антиамериканских настроений на Кубе и в других латиноамериканских странах.

Государственный департамент попытался также установить через ряд примазавшихся к «Движению 26 июля» политиканов контакт с Ф. Кастро. Безответственные заявления и обещания, делавшиеся со стороны этих политиканов, породили в государственном департаменте надежду на возможность соглашения с руководителями повстанческого движения на основе сохранения существующей социально-экономической структуры и гарантии интересов американских компаний на Кубе. Вашингтон готов был в этом случае пожертвовать Батистой и через пропагандистский аппарат стал даже распространять слухи о «сочувствии» и «готовности помочь» освободительному движению на острове. Но очень скоро выяснилось, что руководство Повстанческой армии отнюдь не намерено предавать интересы своего народа, и правящие круги США вновь усилили помощь Батисте.

Между тем зверства подручных диктатора, терроризировавших население, переполнили чашу народного терпения. Убийство охранкой в Сантьяго одного из видных лидеров студенчества и «Движения 26 июля» Франка Панса вызвало взрыв возмущения. Похороны его вылились в политическую демонстрацию, которая переросла 1 августа во всеобщую забастовку. Стихийно начавшаяся забастовка распространилась на всю провинцию Ориенте, затем на остальные провинции и столицу. Бастовавшие требовали прекращения террора, проведения свободных выборов, невмешательства США в кубинские дела. Мобилизовав полицию и используя отсутствие согласованности в действиях забастовщиков, правительство подавило забастовку, но она потрясла режим Батисты и способствовала дальнейшей активизации подпольных организаций и групп.

Заколебалась и армия. В сентябре 1957 г. восстал гарнизон военно-морской базы Сьенфуэгос. Население поддержало восставших моряков. В течение нескольких дней Сьенфуэгос, город со стотысячным населением, находился в руках народа. На подавление восстания были брошены танки и авиация. В результате варварской бомбардировки погибли сотни женщин и детей. Двенадцать летчиков, отказавшихся сбросить бомбы, были приговорены к тюремному заключению от 6 до 8 лет. Около

250 пленных моряков и гражданских лиц были расстреляны. В вооруженных силах была проведена чистка.

Правительству удалось сравнительно быстро подавить это восстание в значительной степени благодаря тому, что о подготовке его Батисту предупредил заранее американский посол Э. Смит. Об этом рассказал сам Смит, выступая 30 августа 1960 г. перед одной из комиссий сената США. Характерно также, что командующий кубинскими ВВС полковник Карлос Табернилья за уничтожение мирных жителей Сьенфуэгоса был награжден в Вашингтоне орденом, а руководителю восстания в этом городе американские власти не только отказали в предоставлении политического убежища в США, но и решили его выдать Батисте.

Вскоре после восстания в Сьенфуэгосе Ф. Кастро обнародовал программу «Движения 26 июля», предусматривавшую проведение после победы революции радикальных социально-экономических преобразований. В ней, в частности, подчеркивалась необходимость национализации электрической и телефонной компаний и возвращения народу имущества, незаконно награбленного монополиями. Эта программа рассеяла надежды на «компромисс с Кастро», которые еще питали определенные круги в США, и вызвала попытку внести раскол в освободительную борьбу на Кубе.

С этой целью в октябре 1957 г. из оказавшихся в период диктатуры Батисты не у дел и бежавших в США политиканов — деятелей «традиционных» буржуазных партий (Р. Аграмонте, А. Варона и т. д.) был сколочен так называемый Кубинский совет национального освобождения во главе с экс-президентом К. Прио Сокаррасом. В начале ноября эти «нейлоновые освободители», как их прозвали на Кубе, созвали в Майами (Флорида) совещание, на котором в присутствии трех находившихся тогда в США представителей правого крыла «Движения 26 июля», а также выдававшего себя за журналиста полковника американской разведки Жюля Дюбуа выработали «пакт о единстве кубинской оппозиции диктатуре Батисты». С помощью этого документа буржуазная оппозиция и ЦРУ рассчитывала связать руки Ф. Кастро и поставить борьбу Повстанческой армии под свой контроль, так как были уверены, что он не рискнет публично выступить против «пакта о единстве». Однако это произошло:

в письме организациям, участвовавшим в этом совещании, Ф. Кастро разоблачил цели «майамского пакта» и решительно отмежевался от «нейлоновых освободителей». «Руководство борьбой против тирании находится и будет находиться на Кубе в руках революционных борцов...», — заявил он. — Эмиграция должна сотрудничать в этой борьбе... но пусть не пытаются руководить из Майами революцией, которая происходит во всех городах и селениях острова».

Число сторонников повстанцев быстро росло. Широкий отклик в массах нашел призыв Народно-социалистической партии поддерживать вооруженную борьбу Повстанческой армии, сочетать ее с экономической и политической борьбой в городах, добиваться единства действий всех оппозиционных сил. Коммунисты были в числе первых добровольцев, пробиравшихся в горы Сьерра-Маэстра, чтобы сражаться против диктатуры. Из 17 майоров Повстанческой армии трое были коммунистами.

Огромное влияние на настроение умов на Кубе оказали события на юге Карибского моря. Падение кровавых диктатур генералов Рохаса Пинильи в Колумбии в 1957 г. и Переса Хименеса в Венесуэле в январе 1958 г. воодушевило кубинских патриотов, убедившихся в том, что власть военных диктатур, насаждавшихся и поддерживаемых империалистами янки, не всесильна, что путем решительных действий их можно свергнуть. Десятки тысяч людей, особенно молодежь, включались в борьбу против ненавистой тирании. Повстанческая армия также заметно активизировала в 1958 г. свои операции. В январе партизаны осадили портовый город Мансанильо. В марте повстанческая колонна во главе с Раулем Кастро открыла в восточной части провинции Ориенте «второй фронт». На освобожденной территории начали осуществляться демократические преобразования, проводилась частичная аграрная реформа, открывались бесплатные школы для детей крестьян и бесплатные медицинские пункты.

Повсюду, где действовали партизаны, население снабжало их продовольствием, предоставляло дома для расквартирования, собирало денежные средства, одежду и оказывало другую помощь. Постепенно в борьбу все активнее втягивались представители буржуазной интеллигенции и национальной буржуазии. Известно, например, что финансовую помощь повстанцам оказывала такая зна-

менитая на Кубе компания, как основанная сто лет назад фирма по производству рома — «Баккарди».

Это вызывало тревогу как у Батисты, так и у его Вашингтонских покровителей, пытавшихся не допустить объединения сил оппозиции и добиться примирения между кликой Батисты и кубинской оппозиционной буржуазией. В этой связи характерен эпизод, рассказанный прибывшим в марте 1958 г. в Гавану с удостоверением корреспондента газеты «Чикаго Дейли Ньюс» американским разведчиком Жюлем Дюбуа.

В начале марта Батиста специальным декретом объявил о своем намерении провести в июне 1958 г. очередные президентские выборы. В ответ на возмущение общественности, потребовавшей создать условия для того, чтобы они были действительно демократическими, и отсрочить в связи с этим их проведение, власти ввели 12 марта жестокую цензуру и отменили действие конституционных гарантий. Это вызвало еще больший взрыв возмущения, в том числе и в буржуазных слоях населения. В числе протестовавших было и так называемое Гражданское движение — объединение, включавшее национальные коллегии адвокатов и архитекторов, Национальную ассоциацию преподавателей частных учебных заведений, Федерацию коллегий инженеров Кубы, Кубинский консилиум евангелических церквей и другие — всего 42 организации, всячески подчеркивавшие свою аполитичность, но оказывавшие воздействие на значительные слои городской мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции.

И вот 14 марта американский посол Э. Смит пригласил к себе руководителя Гражданского движения Рауля де Веласко и заявил, что он «узнал по своим каналам о готовности кубинского правительства гарантировать проведение полностью свободных выборов 1 июня и уверен, что такова точка зрения самого Батисты».

«Поскольку гражданские организации являются аполитичными, — вспоминал Веласко, — посол выразил уверенность в том, что если мы, т. е. Объединение кубинских гражданских организаций, будем настаивать, то Батиста согласится... даже на приглашение представителей международных организаций для наблюдения за выборами».

Стремясь помешать объединению между Повстанческой армией, ведущей вооруженную борьбу в горах, и гражданским движением «средних слоев» в городах и

отколоть влиятельную буржуазную организацию от освободительного движения, Вашингтон в качестве приманки выдвинул предложение о международных наблюдателях.

«Я сказал послу Смитту, — продолжает Веласко, — что он ошибается..., что мы не понимаем, как можно проводить выборы 1 июня, когда уже наступил март и не остается времени для демократического избирательного процесса, что каждый, кто противится Батисте, подвергается насилиям, пыткам, расстрелам и не имеет никаких прав... Тогда Смит сказал, что выборы не будут проводиться 1 июня, а будут отсрочены до октября или ноября.

— Господин посол, — сказал я, — сегодня газеты опубликовали сообщение о том, что Верховный избирательный трибунал отверг просьбу об отсрочке выборов.

— Ставлю десять долларов за то, что вы ошибаетесь, — ответил посол, доставая из кармана банкнот в 10 долларов.

Я сказал ему, что не приму пари. Тогда Смит заявил, что он ставит тридцать долларов за то, что выборы будут отсрочены... и пошел в другую комнату, чтобы позвонить помощнику государственного секретаря по латиноамериканским делам Рою Р. Руботтому. Позвонив по телефону, он вернулся.

— Я гарантирую, что выборы будут отложены до октября или ноября, — сказал Смит, — и что Батиста попросит международные организации контролировать их... Мы должны избежать хаоса... Я обязан защитить жизнь, интересы и бизнес граждан Соединенных Штатов на Кубе.

— Жизнь и интересы кубинцев также находятся в опасности, — заметил я, — ибо ничья жизнь не гарантирована сегодня на Кубе. Невозможно убедить кубинский народ в том, что какое-либо обещание Батисты будет выполнено.

— Я проконсультируюсь с Вашингтоном и через двадцать четыре часа правительство Соединенных Штатов сможет получить гарантию, — ответил Смит.

Я сказал господину Смитту, что единственным решением вопроса была бы отставка Батисты, что никакое решение невозможно до тех пор, пока он остается у власти...

— Я слышал по радио Бемба, что гражданские организации уже просили Батисту уйти в отставку, — ответил посол. — Это будет нечто серьезное, потому что явится окончательным разрывом.

Смит попросил меня подождать по крайней мере сорок восемь часов...»

Приведенный диалог красноречиво свидетельствует не только о степени заинтересованности Вашингтона в сохранении Батисты у власти, но и о том, насколько далеко зашло вмешательство американского посольства в кубинские дела. Посол Смит, прозванный кубинцами за высокий рост и умственную пустоту «бамбуком», называл себя «другом» Кубы, но вел себя в Гаване скорее как хозяин. Не кто иной, как сам он, спустя пару лет, выступая перед сенатской комиссией конгресса США, рассказывал, что «до прихода Кастро Соединенные Штаты пользовались на Кубе столь могущественным влиянием, что... их посол там был вторым по значению лицом на острове, а подчас он значил даже больше самого президента».

По мере нарастания борьбы против тирании Батисты увеличивался поток боеприпасов и вооружения для его армии из США. Пентагон стал оснащать карателей самым современным оружием: реактивными самолетами, тяжелыми танками, напалмовыми бомбами, ракетами ближнего боя и т. д. Причем часть этого вооружения поставлялась фактически бесплатно: по символической цене — доллар за самолет. На помощь обанкротившимся батистовским генералам спешили американские советники. Американские военные миссии разрабатывали оперативные планы для батистовцев. Все это также способствовало росту антиамериканских настроений на Кубе и вызвало волну протестов как в Латинской Америке, так и в самих США. Выступая 28 марта в палате представителей, конгрессмен Адам Клейтон Пауэлл обвинил правительство США в том, что оно делит с Батистой ответственность за убийство четырех тысяч кубинцев. «Мы не только снабжаем Батисту оружием, — заявил Пауэлл, — но и держим на Кубе военную миссию, которая оказывает активную поддержку кубинской правящей партии».

В конце концов Вашингтон счел более благоразумным сделать вид, будто он решил отказаться от поставок оружия Батисте, и 31 марта государственный департамент торжественно объявил, что США прекращают всякую военную помощь Кубе и «не намерены вмешиваться в ее дела». С аналогичным заявлением в Гаване выступил посол Смит. Но эти заявления были не более чем фиговым листком, который должен был прикрыть позорную

политику, ибо в действительности поток американского оружия Батисте не прекращался ни на минуту. Изменились лишь каналы, по которым оно поступало. В частности, роль передаточных шестерен взяли на себя диктаторы Сомоса в Никарагуа и Трухильо в Доминиканской республике. Построенный в последней американцами завод, выпускавший ручные пулеметы, стал работать на нужды армии Батисты, а Никарагуа превратилась в экспортера... тяжелых танков. Если с 1950 по 1957 г. военная помощь США карибским странам составила 195 млн. долл., то в 1958 г. она превысила 46 млн. долл.

Для тайной поставки оружия армии Батисты использовалась также американская военная база Кайманера в Гуантанамо. Батистовская авиация использовала ее и для заправки горючим и боеприпасами при бомбардировках городов и сел в Сьерра-Маэстра. Об этом неопровержимо свидетельствовали данные разведки повстанцев. В одном из донесений говорилось в частности: «8 мая армии диктатуры были переданы 300 ракет и 300 направляющих устройств общим весом 9,6 тонны... То и дело батистовские самолеты после бомбардировок Сьерра-Маэстра и позиций второго фронта заправляют бензобаки на самой базе».

В другом донесении сообщалось, что «19 мая в 15.00 на американской военно-морской базе Кайманера произвели посадку два кубинских самолета. Один — с номерным знаком 614 — четырехмоторный ДС-4 (военный тип — С-54); другой — с номерным знаком 220 — двухмоторный ДС-3 (военный тип С-47). В течение длительного времени они загружали боеприпасы и бомбы различного калибра. Как свидетельствуют данные, собранные сотрудниками разведывательного отдела, в четырехмоторном самолете находился заместитель командующего кубинской авиацией».

Протесты повстанцев против использования батистовцами американской базы не помогали. Тогда, для того чтобы обратить внимание мировой общественности на продолжающиеся поставки Соединенными Штатами оружия диктатору, повстанцы в конце июня задержали недалеко от базы 49 американских морских пехотинцев и гражданских специалистов. Им, а затем и прибывшему американскому консулу в присутствии американских корреспондентов газет, радио, телевидения и даже кинооператоров были продемонстрированы остатки американских ракет с серий-

ными номерами, свидетельствующими о том, что они были выпущены в США уже после заявления Вашингтона о прекращении поставок оружия Батисте. Им были также показаны фотографии батистовских самолетов, заправлявшихся на базе США, и фотокопии некоторых американских секретных документов. Вашингтон предпочел замять этот «инцидент». Но бомбардировки батистовцами мирного населения после этого прекратились.

Между тем Батиста, стремясь во что бы то ни стало покончить с повстанцами, в конце мая 1958 г. бросил в «генеральное наступление» против них 11 тыс. отборных солдат, оснащенных новейшим вооружением. Ценой тяжелых потерь «касцитос» заняли часть партизанского района в Сьерра-Маэстра, но разгромить партизан они не смогли. Измотав противника неожиданными атаками и уничтожив значительную часть его живой силы, повстанцы сами перешли в наступление и к июлю отбросили правительственные войска на исходные рубежи. Провал летнего наступления показал, что силы повстанцев значительно возросли, и заметно подорвал моральный дух армии Батисты. Веру в победу стали терять даже многие лица из ближайшего окружения диктатора.

События весны и лета 1958 г. ускорили процесс складывания единого фронта оппозиционных режиму Батисты сил. В июле 1958 г. в столице Венесуэлы г. Каракасе состоялось совещание представителей большинства оппозиционных организаций. Участники этого совещания подписали пакт о создании Гражданского революционного фронта для совместной борьбы за свержение диктатуры и провозгласили временным президентом республики находящегося в эмиграции судью Мануэля Уррутия. Создание Гражданского революционного фронта, к которому присоединилась и Народно-социалистическая партия, явилось большим успехом патриотических сил.

Провал летнего наступления войск Батисты и объединение основных сил оппозиции вызвали буквально приступ истерии у наиболее реакционных деятелей в Вашингтоне. Давно уже прошли те времена, когда американская печать называла Ф. Кастро и его друзей «новыми Дон-Кихотами». Теперь даже некоторые претендующие на «солидность» американские газеты называли повстанцев «бандитами» и требовали вмешательства США. «Я настаиваю на том, чтобы наш главнокомандующий

немедленно послал в район Гуантанамо столько обученных солдат, сколько необходимо для того, чтобы выследить эти незаконные банды и принять необходимые меры...», — заявил в палате представителей конгрессмен Уайтнер. Ему вторили его коллеги — конгрессмены Ноулэнд и Анфузо, сенаторы Кейпхарт, Смазерс и другие «ультра», требовавшие интервенции на Кубе.

Тогда же одна из реакционных организаций в США при поддержке государственного департамента издала брошюрку под сенсационным названием: «Коммунистическая деятельность кубинских мятежников». Авторы этой брошюры утверждали, что Повстанческая армия вооружена... советским оружием и получает финансовую помощь из Москвы. «В августе 1957 г., — говорилось в этом гнусном пасквиле, — русские подводные лодки два раза доставляли оружие силам Кастро. Если Соединенные Штаты не примут необходимых мер для борьбы с этой советской агрессией или будут мешкать, Кастро может надеяться на успех. Положение Батисты, естественно, находится под угрозой, и его позиции ослаблены этой советской помощью». Брошюра широко распространялась в США и на Кубе и должна была подготовить общественное мнение к прямому вмешательству Вашингтона в борьбу.

В конце июля Батиста по договоренности с Вашингтоном объявил, что его войска не в состоянии охранять от повстанцев водонапорную башню, находящуюся в 8 км от военной базы Кайманера и снабжавшую ее водой. Затем он вывел оттуда свои войска, а их место — под предлогом защиты водоснабжения базы — заняли два батальона американской морской пехоты. Это была явная попытка спровоцировать столкновение между американскими войсками и повстанцами. Однако последние проявили максимум осторожности, не дав втянуть себя в военные действия с вооруженными силами США. Ф. Кастро в специальном заявлении разоблачил маневры Вашингтона, оценив их как прямое нарушение суверенитета Кубы и потребовав немедленного вывода американских войск с территории республики. Гражданский революционный фронт обратился к народам Латинской Америки и всего мира, к ООН и ОАГ с призывом немедленно обсудить вопрос о положении на «залитой кровью и обесчещенной родине Марти». Под давлением массовых протестов во всем мире, в том

числе и в самих США, американское командование уже через три дня вынуждено было увести свои войска на базу.

Стремясь удержаться у власти, диктатор еще больше усилил террор. Но репрессии не помогали. Более того, сотни и тысячи людей из районов, подвергавшихся «операциям по очистке тыла», бежали в горы, к партизанам. В августе 1958 г. отряды Повстанческой армии, насчитывавшие 6 тыс. бойцов, спустился с гор и поддерживаемые населением стали быстро расширять район своих действий. В августе они разгромили 14 батальонов правительственных войск в провинциях Ориенте и Камагуэй. В сентябре и октябре «колонны вторжения» под командой Э. Гевары и К. Сьенфуэгоса проникли далеко на запад и при поддержке местных партизан установили контроль над обширными территориями в провинциях Лас-Вильяс, Матансас, Пинар-дель-Рио. В октябре демократические силы добились нового крупного успеха: был образован Национальный объединенный рабочий фронт, в который вошли организации рабочих, примыкающие к Народно-социалистической партии, «Движению 26 июля» и другим оппозиционным партиям.

В течение лета ни государственный департамент США, ни посол Смит, ни Батиста даже не вспоминали об обещанных еще в марте «свободных» президентских выборах. Однако консолидация левых сил на Кубе, провал «генерального наступления» Батисты и провокации с «охраной водонапорной башни», а также переход Повстанческой армии в контрнаступление заставили Вашингтон снова обратиться к мысли о «выборах» и оказать соответствующее давление на диктатора. 12 сентября Эрл Смит пригласил в посольство США лидеров «лояльной оппозиции» Грау Сан Мартина и Маркеса Стерлинга и усиленно убеждал их принять участие в «свободных выборах», назначенных на 3 ноября. Вскоре после этой встречи Батиста выступил с речью в которой заявил, что ради прекращения кровопролития и урегулирования всех разногласий путем «свободных выборов» он решил не выдвигать на них своей кандидатуры на пост президента республики.

Расчет Вашингтона был простой: с помощью «выборов» расколоть фронт оппозиции, оторвать от него и использовать в своих целях буржуазные круги хотя и недовольные режимом Батисты, но уже запуганные размахом народного движения. Это дало бы возможность

получить передышку для создания и укрепления «конституционного режима». Батиста также рассчитывал использовать «выборы» в своих целях: правительственным кандидатом в президенты был выдвинут премьер-министр его правительства, а в прошлом личный секретарь диктатора Андрес Риверо Агуэро. Сам же Батиста собирался «самоустраниться», вновь заняв пост начальника штаба армии.

Однако расчеты эти оказались построенными на песке. По призыву руководства «Движения 26 июля» и НСП все фракции оппозиции, кроме группировок Грау Сан Мартина и Маркеса Стерлинга, отказались от участия в выборах. Но хотя фикция легальной оппозиции и позволила правительству инсценировать избирательный фарс, выборы, состоявшиеся в обстановке разнузданного террора и призванные, по замыслу их организаторов, продемонстрировать «демократическую эволюцию» кубинского режима под воздействием политики Вашингтона, привели к совсем обратным результатам. В связи с приказом диктатора любой ценой обеспечить успех выборов во всех находящихся под контролем правительственных войск районах развернулась подлинная охота за избирателями. Уклонение от голосования расценивалось как «государственное преступление». Это, однако, не помогло. Победу на «свободных выборах», разумеется, одержал правительственный кандидат, но итоги голосования знаменовали поражение Батисты, ибо даже его избирательный трибунал не рискнул назвать более высокую цифру участвовавших в голосовании, чем 40%. Фактически же в выборах участвовало не более четверти всех избирателей. А главное — вопреки замыслам их организаторов выборы способствовали дальнейшему политическому развитию масс, показав еще раз, что подлинной свободы они смогут добиться только в решительной борьбе с тиранией Батисты.

Чрезвычайно характерна в этой связи оценка выборов американской буржуазной прессой. «Вчерашние выборы, — замечала газета «Вашингтон Пост», — были проведены для того, чтобы придать видимость законности избранию указанного Батистой преемника. Независимо от исхода выборов их нельзя рассматривать, как выражение воли населения Кубы». О «победителе», который должен был в феврале 1959 г. занять пост президента республики, даже рупор монополий — газета «Уолл-стрит

Джорнэл» писала: «Будущий президент Риверо Агуэро — просто марионетка Батисты. Он — никто».

Партии и организации, входившие в Гражданский революционный фронт, объявили, что они будут продолжать борьбу за ликвидацию прогнившего режима. Повстанческая армия продолжала успешно расширять контролируемую ею территорию и активно действовала в четырех из шести провинций Кубы. В то же время в армии Батисты началось разложение. Успехам повстанцев способствовал провозглашенный 10 октября 1958 г. «Закон № 3 Сьерра-Маэстра» — о бесплатной передаче в собственность мало-земельным крестьянам, арендаторам и батракам участков земли размером до 27 га. Этот закон не мог не оказать своего влияния и на солдат правительственных войск. К концу декабря 1958 г. армия Батисты, численно превосходящая Повстанческую, обладавшая танками, тяжелыми орудиями и реактивной авиацией, оказалась в состоянии полной деморализации. Тысячи солдат этой армии переходили на сторону повстанцев. Начав во второй половине декабря широкое наступление, повстанцы заняли 12 городов в провинциях Камагуэй и Лас-Вильяс, блокировали крупные города Санта-Клара и Сантьяго. «Положение Батисты тяжелое, так как он не пользуется популярностью, — докладывал своим коллегам американский сенатор Эллендер, посетивший в конце 1958 г. Кубу. — Его презирают до такой степени, что некоторые люди готовы почти на все, чтобы избавиться от него».

Тем временем Вашингтон лихорадочно искал выход из создавшегося положения. 5 декабря Э. Смит прилетел в Вашингтон, и в течение нескольких дней в государственном департаменте шли секретные совещания с участием представителей ЦРУ и Пентагона. Вернувшись в Гавану, Смит — вместе с другим прибывшим туда американским дипломатом У. Паули — встретился с Батистой с целью убедить его добровольно покинуть Кубу. «История, — пишут об этом советские журналисты, — не донесла до нас детали беседы, в ходе которой диктатору предложили выехать из страны с семьей и даже вывезти все награбленные богатства. Но, судя по всему, он не сопротивлялся. Он понял, что лучше уйти добровольно».

И в этом смысле можно сказать, что Смит и Паули «повезло» больше, чем С. Уэллесу за четверть века до того, когда Ф. Рузвельт послал его в Гавану с анало-

гичной миссией: убедить диктатора Херардо Мачадо сойти со сцены «добровольно», чтобы сохранить «конституционную преемственность» власти и помешать ее переходу в руки революционного народа. Объясняется это, конечно, не какими-либо особыми качествами Смита или Паули, а тем простым обстоятельством, что у Батисты — в отличие от Мачадо — уже не оставалось никаких возможностей для маневров, ибо в 1958 г. — в отличие от 1933 г. — кубинский народ располагал своей вооруженной силой — Повстанческой армией, нанесшей поражение войскам тирании и готовившейся к последнему штурму старого режима.

Батиста еще в ноябре начал готовиться к возможности подобного исхода борьбы. Основная часть его капиталов и ценностей была переведена в швейцарские банки. На аэродроме военного городка Колумбия уже второй месяц стоял наготове четырехмоторный самолет «Дакота», готовый к вылету в любой момент, как только это понадобится, и охраняемый солдатами личной охраны диктатора. Чтобы быть поближе к нему, Батиста перебрался на свою загородную виллу «Кукине», также охраняемую отборными телохранителями, откуда было рукой подать до аэродрома на базе Колумбия. Вскоре после беседы со Смитом и Паули он послал в Доминиканскую республику — якобы для переговоров о закупке оружия — премьер-министра и министра труда своего кабинета. Подлинной целью их поездки была подготовка там убежища для Батисты. Затем под предлогом встречи Нового года в Нью-Йорк вывезли двух его младших сыновей.

Между тем Вашингтон все еще пытался маневрировать в надежде выиграть время и помешать победе революции. С этой целью послу Смиту было поручено убедить одного из высших офицеров штаба батистовской армии, бывшего командующего «операциями по уничтожению повстанцев» в провинции Ориенте генерала Эулохио Кантильо установить контакт и начать переговоры с Ф. Кастро. «О чем? О чем угодно! — сказал ему в личной беседе Смит. — Об аресте Батисты, о прекращении боев и т. д. Торгуйтесь, идите на уступки, выдвигайте новые условия, затягивайте переговоры...» С той же целью — задержать наступление Повстанческой армии и выиграть время — США направили в декабре на Кубу через Никарагуа 45 танков, а доминиканский диктатор Трухильо — 30 военных самолетов с кубинскими опознавательными знаками.

В Вашингтоне было в спешном порядке создано совещание стран, входящих в Организацию американских государств, на котором представители Соединенных Штатов поставили вопрос о принятии мер «для прекращения беспорядков на Кубе». Но это предложение вызвало резко отрицательную реакцию со стороны ряда латиноамериканских стран, высказавшихся против вмешательства в кубинские дела.

Тогда была начата новая — «психологическая» атака против повстанцев. Ряд сенаторов и конгрессменов потребовал, чтобы США сами вмешались в кубинские дела, используя все средства, вплоть до высадки на Кубе парашютного десанта. Сенатская комиссия по иностранным делам, несмотря на парламентские каникулы, спешно занялась «кубинским вопросом». И хотя заседания ее были закрытыми, информации о них позволили «просочиться» в печать. При этом одна часть буржуазной прессы уверяла, что вопрос стоит об интервенции, и угрожала (как, например, газета «Дейли Миррор», заявившая, что жизнь одного американца стоит больше, чем «вся армия бунтовщиков» и советовавшая кубинцам помнить о «поправке Платта»...). Другая — давала понять, что у Вашингтона существуют и иные планы. Надеясь на это, газета «Уолл-стрит Джорнэл» выражала уверенность в том, что кубинцы «понимают, насколько тесно связана их страна с Соединенными Штатами» и поэтому «не посмеют крутить нам хвост».

Но остановить наступление Повстанческой армии не удалось. 27 декабря было прервано железнодорожное сообщение Гаваны со всеми районами страны. 28 декабря на старых заброшенных плантациях сентралья «Ориенте», близ городка Пальма-Сориано, произошла встреча генерала Кантильо с Ф. Кастро. Результатом их двухчасовой беседы явилось соглашение о прекращении военных действий, а фактически о капитуляции войск тирании.

Выполняя указание Смита, Кантильо согласился с требованием об аресте Батисты и предании его суду и даже назначил срок ареста — три часа утра 31 декабря.

Однако уже через день он предложил руководителям Повстанческой армии отложить арест диктатора еще на сутки. Это было связано с задуманной Вашингтоном «операцией» — попыткой хотя бы в последний момент предот-

вратить переход власти в руки Повстанческой армии и спасти от полного разгрома старый государственный аппарат. Для руководства на месте этой «операцией» 30 декабря в Гавану негласно прибыл высокопоставленный представитель государственного департамента — директор управления по делам Мексики и стран Карибского района У. Уиленд. Тогда же стало известно о возвращении на военную службу генерала Х. Э. Педрасы, участника восстания сержантов в 1933 г., сподвижника Батисты до 1940 г., когда он организовал заговор против последнего.

Поскольку Кантильо нарушил условия соглашения о капитуляции, Повстанческая армия продолжала боевые действия. Отряды повстанцев осадили крупнейшие города острова и подходили к Гаване. В три часа ночи под Новый год Батиста с женой и ближайшими приспешниками бежал на своем самолете в Доминиканскую республику, бросив не только почти все личные вещи и киноплёнки со своими любовными похождениями, но и серебряный ночной горшок и даже знаменитый телефонный аппарат из золота. Тем же утром несколько четырехмоторных самолетов с Кубы приземлились в Новом Орлеане и на аэродромах Флориды. В них находилось несколько сот высокопоставленных «беженцев» из Гаваны, в том числе старший сын диктатора Рубен Батиста, начальник штаба армии Ф. Табернилья, шеф полиции Пилар Гарсия и его сын — глава Службы военной разведки — И. Гарспа, начальник ВВС — К. Табернилья, командующий флотом Родригес Кальдерон, министры, высшие чиновники и т. д.

Сразу же после бегства диктатора Кантильо объявил о создании хунты, взявшей власть в свои руки. В хунту, кроме него, вошли генерал Х. Э. Педраса, бывший делегат Кубы в ООН Нуньес Портуондо и член батистовского верховного трибунала М. Л. Пьедра. Когда глава Верховного суда отказался принять присягу М. Пьедра, выдвинутого Кантильо и Смитом на пост временного президента, то организаторы «операции» решили отбросить игру в демократию и поставить народ перед свершившимся фактом. Хунта перебралась в военный городок Колумбия, и утром 1 января Кантильо объявил, что в трудный для страны час он, «рискуя жизнью во имя упрочения и прекращения кровопролития», совершил переворот и передал власть хунте. Затем хунта обратилась к руководству повстанцев с предложением заключить перемирие и всту-

пить в переговоры о составе будущего правительства. Одновременно к берегам Кубы подошли американские военные корабли.

Однако уже в 11 час. 30 мин. утра повстанческое радио от имени «Движения 26 июля», НСП и Единого рабочего фронта передало обращение к народу, разоблачавшее маневр с созданием военной хунты и призвавшее трудящихся объявить по всей стране со 2 января всеобщую забастовку. Ф. Кастро отказался признать хунту и отдал Повстанческой армии приказ продолжать наступление. 1 января повстанцы вошли в города Сантьяго и Санта-Клара. В результате хунта Кантильо перестала существовать в тот же день, когда и была создана.

Но вашингтонские организаторы «операции» имели, как выяснилось, «запасных игроков»: из тюрьмы на острове Пинос был срочно доставлен полковник батистовской армии Рамон Баркин, отправленный туда Батистой в 1956 г. за фрондирование и попытку поднять мятеж против диктатора. В Гаване его попытались теперь выдать за ярого «революционера» и поставить во главе новой хунты. Но и эта попытка Вашингтона — сохранить хоть какой-то контроль над событиями — провалилась.

Утром 2 января началась всеобщая политическая забастовка протеста против происков реакции и с требованием создания патриотического правительства, парализовавшая буквально всю жизнь в стране. Действиями масс руководили вышедшие из подполья «Движение 26 июля», НСП и другие революционные организации. В этот же день в Гавану вступили отряды повстанцев во главе с Э. Геварой и К. Сьенфуэгосом, а 8 января — основные силы Повстанческой армии, возглавляемые Фиделем Кастро и восторженно встреченные населением.

Январская забастовка 1959 г. длилась четыре дня и была крупнейшей в послевоенной истории Кубы. Сорвав маневры реакционных сил и облегчив Повстанческой армии разгром остатков вооруженных сил Батисты, она в значительной мере ускорила падение антинародного режима. Уже к 3 января повстанцы установили контроль над всей территорией страны. 5 января было создано Временное революционное правительство, премьер-министром которого стал Мирó Кардона, министром иностранных дел — Р. Аграмонте. Фидель Кастро был назначен главнокомандующим.

7 января США официально признали Революционное правительство, выразив надежду на выполнение существующих «международных обязательств и соглашений Кубы» и попытавшись отмежеваться от свергнутого режима. 10 января Вашингтон был вынужден отозвать скомпрометированного тесной связью с Батистой посла Э. Смита и заменить его Ф. Бонсалом. В феврале, по требованию Революционного правительства, США отозвали свои военные миссии.

Расчеты американских правящих кругов на то, что с помощью временного президента М. Уррутия, премьер-министра Мирó Кардона и других правых элементов, возглавлявших на первых порах Революционное правительство, удастся задержать дальнейшее развитие революции — провалились. Уже в феврале 1959 г. острые политические разногласия в правительстве привели к отставке Мирó Кардоны, Р. Аграмонте и ряда других правых министров. Во главе правительства стал Ф. Кастро. В июне того же года М. Уррутия был смещен на посту президента республики О. Дортикосом Торрадо.

За шестьдесят лет независимого существования Куба видела немало народных движений. Но ни одно из них не имело такого размаха, такой глубины и организованности, как борьба против диктатуры Батисты. «Тирания, — отмечалось в тезисах Национального комитета Народно-социалистической партии Кубы, опубликованных в январе 1959 г., — была свергнута благодаря тому, что против нее выступил весь народ, который принял активное участие в борьбе во всех областях, используя всевозможные формы: вооруженную борьбу, стачки, всеобщую забастовку, патриотическое движение, выступления рабочих и крестьянских масс, пропаганду и агитацию, бойкот фальсифицированных выборов, борьбу с агентами тирании в различных организациях».

* * *

Правительство Ф. Кастро, преодолевая сопротивление правых сил, осуществило важнейшие демократические преобразования, закрепившие победу революции. Оно распустило старый конгресс, провинциальные и местные органы власти; провело чистку и реорганизацию судебной системы; ликвидировало старую армию, тайную полицию

и другие карательные органы прежнего режима; лишило политических прав всех прислужников тирании; конфисковало незаконно приобретенные приспешниками диктатора и связанными с ними дельцами земельные угодья и другое имущество на общую сумму в 400 млн. песо и вернуло их в собственность народа. Были арестованы и преданы суду революционного трибунала соучастники клики Батисты по расправам с народом.

Трудящиеся получили широкое демократические права и свободы. Была восстановлена конституция 1940 г. Вышли из подполья и стали действовать легально НСП и другие оппозиционные партии. Возникли новые органы власти. Из профсоюзов изгнали продажных руководителей. Было навсегда покончено с расовой дискриминацией, и кубинцы африканского происхождения стали пользоваться не формальным, а фактическим равенством и всеми гражданскими правами. Расовая дискриминация была объявлена преступлением. Ядром заново созданных армии, флота и авиации стали вооруженные силы повстанцев, состоявшие из рабочих, крестьян и студентов. Народная милиция из добровольцев заменила ненавистную народу полицию Батисты.

Вывав политическую власть из рук реакции и располагая поддержкой народа, революционное правительство уже в 1959 г. провело целый ряд реформ в интересах трудящихся: была увеличена зарплата низкооплачиваемым категориям рабочих и повышен минимум зарплаты; снижены квартирная плата, тарифы за пользование электричеством, газом, водой, телефоном, медицинским обслуживанием и т. д.; улучшилась система социального страхования и пенсионного обеспечения; было построено большое количество жилых домов, школ и больниц; осуществлена радикальная аграрная реформа.

В 1960 г. были приняты важнейшие решения о национализации банков и предприятий иностранных и местных компаний, в том числе всей сахарной промышленности, и к началу 1961 г. $\frac{4}{5}$ валовой промышленной продукции приходилось на государственный сектор. За короткий срок кубинская революция прошла этап антиимпериалистической и антилатифундистской революции, а затем пошла по пути ликвидации эксплуатации человека человеком, став первой социалистической революцией в Западном полушарии.

Национализация промышленности, банковского дела, транспорта, введение государственного контроля над внутренней торговлей и монополии внешней торговли, а также развитие прочных экономических связей со странами социалистического лагеря, создание государственного сектора в сельском хозяйстве и кооперирование крестьян — все это дало возможность развернуть борьбу за создание новой, независимой от империализма экономики, опирающейся на национальные ресурсы, развивающейся в соответствии с единым планом и интересами народа. Началась большая работа по восстановлению хищнически истреблявшихся в прошлом лесов, что вело к эрозии почвы и наносило огромный ущерб хозяйству страны, осушаются болота и осуществляются крупные мероприятия по подъему животноводства и земледелия; создан современный рыболовный флот и резко возрос улов рыбы; развиваются не только добыча, но и собственное производство никеля, хрома, марганца, кобальта и других ценных металлов; ведется добыча нефти; создается большая энергетическая база. Растет продукция таких отраслей промышленности, как металлургическая, цементная, химическая, строительная, текстильная.

Огромным достижением явилась широкая культурная революция: Куба стала первой в Америке страной почти сплошной грамотности. Революция открыла для детей трудящихся дорогу к высшему образованию.

Кубинские рабочие, крестьяне, батраки, прежде гнувшие спину ради прибылей латифундистов и американских монополистов, теперь стали подлинными хозяевами своей страны, ее полей и гор, ее минеральных богатств и пляжей, хозяевами своей судьбы. Революция помогла кубинскому народу вернуть себе жемчужину — стать, наконец, подлинным хозяином своей родины.

*Основные
использованные источники
и литература*

- Foreign Relations of the U. S. A. Washington, 1911—1941.
Manning W. R. (ed.). Diplomatic correspondence of the United States concerning the independence of Latin American nations. N. Y., 1925.
Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional. La Habana, 1960.
The Public Papers and Addresses of F. D. Roosevelt. V. 1—5. N. Y., 1938.
Report of the Delegates of the U. S. A. to the Sixth International Conference of American States. Washington, 1928.
Report on Cuba... F. A. Truslow, Chief of Mission. Baltimor—London, 1951.
Revaloración de la historia de Cuba por los congresos nacionales de historia. La Habana, 1961.
Webster C. K. (ed.) Britain and the independence of Latin America, 1812—1830. London—N. Y., 1938.

* * *

- Владимиров Л. С. Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 г. М., 1957.
Гонимонский С. А. Латинская Америка и США, 1939—1959. М., 1960.
Гриневич Э. А. Страницы истории Кубы (1939—1952). М., 1964.
Зорина А. М. Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961.
Зубок Л. И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, 1900—1939. М., 1948.
Кастро Ф. Речи и выступления. М., 1960.
Кастро Ф. Речь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. М., 1960.
Листов В., Жуков Вл. Тайная война против революционной Кубы. М., 1966.
Марти Х. Избранное. М., 1956.
Мерин Б. Свободная Куба. М., 1964.
Нитобург Э. Л. Куба в борьбе за независимость. М., 1960.
Нитобург Э. Л. Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939. М., 1965.

- Нуньес Хименес А. География Кубы. М., 1960.
- Нуньес Хименес А. Аграрная реформа на Кубе. М., 1961.
- Нуньес Хименес А. Империя янки — враг Латинской Америки. М., 1962.
- Нуньес Хименес А. Республика Куба. М., 1963.
- Обыден К. М. Куба в борьбе за свободу и независимость. М., 1959.
- Роиг де Леучсенринг Э. Хосе Марти — антиимпериалист. М., 1962.
- Слезкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 года. М., 1956.
- Слезкин Л. Ю. История Кубинской республики. М., 1966.
- Фонер Ф. С. История Кубы и ее отношений с США, 1492—1845. М., 1963.
- Фонер Ф. С. История Кубы и ее отношений с США, 1845—1895. М., 1964.
- Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.
- Aguirre S. Quince objeciones a Narciso Lopez. La Habana, 1962.
- Beals C. The Crime of Cuba. Philadelphia—London, 1934.
- Bemis S. F. Latin American Policy of the United States. N. Y., 1943.
- Blas Roca. Los fundamentos del socialismo en Cuba. La Habana, 1961.
- Chester E. A. A sergeant named Batista. N. Y., 1954.
- Cuadernos de historia habanera. Curso de introducción a la historia de Cuba, t. III. La Habana, 1938.
- Dubois J. Fidel Castro. Rebel-liberator or dictator. N. Y., 1959.
- Dum pierre E. Mella. La Habana, 1966.
- Fabre-Luce A. Revolution a Cuba. Paris, 1934.
- Ferguson E. Cuba. N. Y., 1946.
- Fitzgibbon R. H. Cuba and the United States, 1900—1935. Monasha, 1935.
- Franco J. Política continental americana de España en Cuba, 1812—1830. La Habana, 1947.
- Freeman T. The Crisis in Cuba. N. Y., 1963.
- Fridlander H. E. Historia económica de Cuba. La Habana, 1944.
- Garcia Galló G. J. Biografía del tabacco habano. La Habana, 1961.
- Gill M. Nuestros buenos vecinos. México, 1958.
- Guerra y Sanchez R. Azucar y población en las Antillas. La Habana, 1944.
- Guggenheim H. F. The United States and Cuba. N. Y., 1934.
- Gutierrez G. El gesarollo económico de Cuba. La Habana, 1952.
- Historia de la nación cubana. T. VIII—IX. La Habana, 1952.
- Huberman L. and Sweezy P. Cuba. Anatomy of a revolution. N. Y., 1961.
- Hull C. Memoirs, v. 1—2. N. Y., 1948.
- Ikes H. L. Secret Diary, v. 1. N. Y., 1953.
- Jenks L. H. Our cuban colony, a study in sugar. N. Y., 1928.
- Le Riverend J. La República: dependencia y revolución. La Habana, 1966.
- Llitas J. A. Relations between Cuba and the United States. N. Y., 1934.
- MacGaffey W. and Barnett C. R. Cuba, its peoples, its society, its culture. New Haven, 1962.

- Matthews. The Cuban Story. N. Y., 1961.
- Nelson L. Rural Cuba. Minneapolis, 1950.
- Phillips R. H. Cuba, Island of Paradox. N. Y., 1959.
- Pincus A. Terror in Cuba. N. Y., 1937.
- Pino-Santos O. El imperialismo norteamericano en la economía de Cuba. La Habana, 1960.
- Pino-Santos O. Aspectos fundamentales de la historia de Cuba. La Habana, 1964.
- Portell Vilá H. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España. T. I—IV. La Habana, 1938—1941.
- Portuondo del Prado F. Historia de Cuba. La Habana, 1957.
- Rauch B. American Interest in Cuba, 1848—1855. N. Y., 1948.
- Riera M. Cuba Política, 1899—1955. La Habana, 1955.
- Rippy J. F. The rivalry of the United States and Great Britain over Latin America. Baltimore, 1929.
- Roig de Leuchsenring E. Cuba no debe su independencia a los Estados Unidos. La Habana, 1950.
- Roig de Leuchsenring E. Los Estados Unidos contra Cuba republicana. T. I—II, La Habana, 1960.
- Roig de Leuchsenring E. Hostilidad permanente de los Estados Unidos contra la independencia de Cuba. La Habana, 1960.
- Roig de Leuchsenring. Historia de la Enmienda Platt. T. I—II. La Habana, 1961.
- Smith R. The United States and Cuba. Business and Diplomacy, 1917—1960. N. Y., 1960.
- Smith R. What happened in Cuba. A Documentary History. N. Y., 1963.
- Taber R. M—26. The Biography of a revolution. N. Y., 1961.
- Valdes Miranda J. Cuba Revolucionaria. La Habana, 1959.
- Vega Cobiellas U. Nuestra América y evolución de Cuba. La Habana, 1944.
- Webster C. K. Britain and the Indendence of Latin America. London, 1944.
- Welles S. Times for Decision. N. Y., 1944.
- Williams W. The United States, Cuba and Castro. N. Y., 1962.
- Winkler M. Investments of United States capital in Latin America. Boston, 1929.
- Wood B. The Making of the Good Neighbour Policy. N. Y., 1961.
- Zeitlin M. and Sheer R. Cuba; tragedy in our hemisphere, N. Y., 1963,

Указатель имен

Агирре Ф. 175
Аграмонте, Роберто 185, 208, 222
Адамс Д. К. 14, 16, 17, 19, 41
Александр I 19
Анфузо 215
Аревало, Хуан 175
Атуэй 6

Баккарди 170
Балиньо, Карлос 64
Баран П. 205
Баркин, Рамон 222
Батиста, Панчин 177
Батиста, Рубен 221
Батиста-и-Салдивар, Рубен
Фульхенсио 4, 108—110, 116,
118, 123—125, 127—130,
132—135, 137, 138, 141,
144—149, 151—162, 166—170,
177, 185—196, 198—208, 210—
224

Бельт 173
Бенитес, Мануэль 168
Берли А. 119, 141
Билс К. 62
Бингхэм 102
Блас Эрнандес Х. 125
Болпвар С. 19, 20
Болок У. 188
Бонсал Ф. 223
Бора, Уильям 87, 117
Браво, Николас 196
Бриксын Дж. М. 39, 40
Брусон, Клаудио 71
Брэден 168
Бьюкенен, Джеймс 21, 24

Бэбст, Эрл 144

Ван-Бурен М. 20
Ван-Несс 20
Барела, Альфредо 83
Варона А. 208
Веласкес, Диего 5, 7
де Веласко, Рауль 210, 211
Веллингтон 14
Венерео, Эваристо 200
Вильсон, Вудро 59, 92
Вуд Б. 157
Вуд, Леонард 48, 50, 54
Вудин У. 74
Вэйнхауз Д. 93

Ганс О. 180
Гардинг, Уоррен 59
Гарднер, Артур 191, 195, 204—
206
Гарсия Б. 166
Гарсия И. 221
Гарсия, Каликсто 28, 33, 36
Гарсия, Пилар 221
Гевара Э. 216, 222
Герра, Акилино 188
Геррант Э. 140
Гиптерас, Антонио 91, 124,
127—129, 133—135, 149
Гобсон Д. 46
Гомес, Массимо 28, 35, 36, 118,
147
Гомес, Мигель Мариано 151—
153
Гомес, Хосе Мигель 52, 55, 67
Гонсалес Муньос 172
Гонсалес А. 166

Гонсалес де Мендоса, Антонио 125

Гранвилль 15

Грант У. 29

Грау Сан Мартин, Рамон 109,
115, 117—120, 122, 124—130,
132—135, 137, 141, 144,
159—161, 167—170, 172, 174,
176, 177, 185, 191, 216, 217

Грин, Грахем 156

Грюнинг Э. 131

Гуама 6

Гувер, Герберт 57, 87, 139,
206

Гугенхейм, Гарри 11, 87—89,
139

Гумбольдт А. 9

Даллас Д. 21

Даллес, Аллен 194

Даллес Д. Ф. 194, 206

Даниэльс 115

Даниэль Ж. 199

Джемс П. 80

Дженкс, Лилэнд 26, 58, 77, 79

Джефферсон, Томас 11, 12, 14,
15

Джимперлинг 117

Джонсон У. 41, 42

Джэксон Э. 13

Доддс Г. У. 151

Дортикос Торрадо О. 223

Дуглас С. 24

Дьюн 44

Дюбуа, Жюль 208, 210

Иглесиас, Араселио 176

Икес, Гарольд 153

Итуральде, Рафаэль 125

Кабрера 183

Калхун, Джон 13

Каннинг, Джордж 14, 15, 19

Кантильо, Эулохио 219—222

Карбо С. 86

Карденас, Ласаро 158

Кардона, Мпрó 222, 223

Кастельянос И. 165

де Кастро, Жозуэ 83

Кастро Рус, Рауль 203, 209

Кастро Рус, Фидель 34, 108,
135, 142, 146, 190, 197, 203,
204, 207—209, 214, 215, 219,
220, 222, 223

Кейпхарт 215

Келлог 74

Кеннеди, Джон 199, 205

Кесада М. 29

Кинг Р. 15

Клайборн 11

Кларк 141

Клей Г. 19

Кливлэнд Г. 37

Колумб, Христофор 5

Кольясо 125

Константинович Е. 35

Корлисс 49

Кортес Э. 6

Кофинью А. 175

Кохрэн 172

Краудер, Энох 52, 59—63, 65,
73

Крейг М. 157

Криттенден У. 22

Куерт Ф. Р. 37

Кулидж К. 74, 76

Кастль У. 87

Кэтлин, Генри 68

Кэффери, Джефферсон 103,
106, 110—112, 115, 127, 132—
135, 137, 138, 141, 146, 147,
150—153

Ламонт, Томас 74

Ларедо Бру Ф. 153, 162

Латанэ Д. 93

Ленни В. И. 43, 46

Лескано Монторе 176

Ливерпуль 14

Линшман У. 76

Литвинов М. М. 163

Лопес, Нарсисо 22

Лэйкин, Герберт 65

Люис 165

Магун Ч. 52

Майлс Д. С. 39

Мак-Кинли У. 42, 45, 49

Маринельо, Хуан 166, 175, 177,
186

Маркес Стерлинг М. 133, 216,
217

Маркс К. 13, 24, 25

Марти, Хосе 22, 28, 29, 33—
35, 64, 182

Мартинес Ногес 176

Мартинес Фрага А. 160, 180

Масео, Антонио 28, 35, 36

Мачадо-и-Моралес, Херардо 4,
67—77, 84—89, 91, 94—108,
115, 120, 121, 125, 128, 133,
136—138, 141, 146, 149, 156,
160, 219

Мелентьев Н. 35

Мелья, Хулио Антонио 70, 77,
123

Мендизета-и-Монтефур, Карлос
68, 118, 134—138, 141, 144—
146, 148—151

Менецдес, Хесус 176

Менокаль, Марио Гарсия 53,
59, 147, 152, 156, 159, 161

Мессершмит Д. 161

Митчелл У. Э. 62

Молэнфи М. В. 87

Монкада Г. 29

Монро, Джеймс 12, 15, 18

Монтехо 44

Морган 61, 72, 74

Морзе 201

Мур А. 138

Мур Д. 73

Муравьев 48

Муссолини 70

Мухаль, Эусебио 175, 188, 191,
196

Мэдисон Д. 12

Мэрсн У. 23

Наполеон 11, 12

Нельсон, Хью 16, 17

Нерон 70

Неруда, Пабло 186

Никсон Р. 195, 205

Ниринг, Скотт 11

Ноулэнд 215

Нуньес Портуондо 177, 221

Нуньес Хименес, Антонио 36,
45, 142, 174, 194

Овьедо Чакона Х. 179

О'Салливэн, Джон Луис 21

Паис, Франк 207

Пардо 97

Паули У. 218, 219

Пауэлл, Адам Клейтон 212

Педраса, Хосе Э. 108, 148,
166, 221

Пенья, Ласаро 175, 180

Перейра, Карлос 20

Перес Салинас 203

Перес Хименес 209

де ла Песуэла, Хакобо 7

Пиньо-Сантос, Оскар 143

Пирс, Франклин 21

Пирсон, Дрю 186

Платт, Орвилл Г. 49

По, Эдгар 126

Полк Д. 21

Портуондо дель Прадо, Ф. 104

Прио Сокаррас, Карлос 174,
177—182, 184—188, 198, 208

Пьедра М. Л. 221

Ремингтон 40

Риверо Агуэро, Андрес 217,
218

Рид 91

Риэра, Марио 68

Родригес А. 179

Родригес Кальдерон 221

Родригес, Карлос Рафаэль 166

Родригес, Пабло 108

Ройг де Леучсенринг, Эмилио
17, 38

Рохас Пинилья 209

Руботтом, Рой Р. 211

Руис 75

Рузвельт, Теодор 50

Рузвельт, Франклин Делано
91—96, 98—104, 110—112,
114, 115, 126, 127, 130, 132,
137, 139—141, 152, 153, 155,
157, 158, 160, 169, 218

Рут Э. 48, 49

Рэндолл Т. 16

Сайяс, Альфредо 59—62, 68,
104

Саладригас, Карлос 166, 167

Сангили, Хулио 102, 116

Свэнсон К. 102

Сервера 44

де Сеспедес-и-Кесада, Карлос
Мануэль 28, 100, 103—110,
115, 145

Спгсби 41

Синтас О. 98, 101

Слайдель, Джон 24

Смазерс 215

Смит Р. 64, 65, 67, 69, 87, 140,
156, 193, 205

Смит, Эрл 206, 208, 210—212,
216, 218—221, 223

Сомоса, Анастасио 192, 213

Стимсон Г. 87, 206
Стрельцов П. 35
Сьенфуэгос К. 216, 222
Сьюард У. 26

Табернилья, Карлос 208, 221
Табернилья Ф. 221
Тафт У. 52
Твен, Марк 48
Тейлор, Захария 21
Томлинсон, Эдвард 186
де-ла Торренте, Косме 139
Траслоу Ф. А. 179
Трумэн 173
Трухильо, Рафаэль Леонидас
93, 113, 192, 213, 219

Уайтнер 215
Убико 113
Уиленд У. 221
Уилкинсон Д. 11
Уолш Л. 88
Уррутия, Мануэль 214, 223
Уэллес, Бенджамен Сэмнер
95—107, 110—130, 132, 139—
141, 150, 152, 153, 167, 173,
218

Фернандес Роиг 176
Феррара О. 76, 96
Феррер О. 102
Филлипс Р. Х. 89, 98, 116, 121,
127, 135, 138, 195
Филмор, Миллард 21
Фитцджеральд Р. 61

Фостер, Уильям Зенон 17, 21,
24, 92
Фримэн Д. 11
Фримэн Т. 52
Фрэнсис 113

Хаулл 53
Херст 40
Хиль, Марио 18
Хэй Д. 43
Хэлл, Корделл 92, 94, 96, 100,
102, 105, 110—112, 114, 115,
118, 124, 130—132, 139, 140,
143, 152, 161, 204

Честер 188
Честер, Эдмунд А. 132, 134,
195
Чибас, Эдуардо 176, 180, 185
Чэдборн Т. 133

Шэйлер У. 12
Штейнгардт Ф. 51
Шурц, Карл 26

Эбон, Мартин 175
Эвиа, Карлос 86, 135, 152, 185
Эйзенхауэр 206
Эллендер 218
Энтральго Э. 182
Эррера А. 103
Эстенъос, Эваристо 52
Эстрада Пальма, Томас 35,
44, 40, 50, 51

Юз Ч. Э. 61, 65, 131

77 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»